

CONTENTS

Accumulate <i>Motherland</i> in Russian and Bulgarian Linguocultures	
	Avramova Valentina Nikolova 11
Training of Foreign Students in Verbal-Nominal Combinations in Different Spheres of Functioning	
	Arkadyeva Tatyana Grigoryevna; Vasilyeva Marina Ivanovna; Vladimirova Svetlana Semenovna; Fedotova Nadezhda Sergeyevna; Sharri Tatyana Germanovna 27
Biblical Images in the Poetry of Symbolism: Methodology of Analysis (On the Example of the Image «Last Judgment» in the Poetry of M.Voloshin)	
	Koshemchuk Tatjana Alexandrovna 45
On the Role of Derivational Processes in the Formation of Non-Taxonomic Classes of Lexical Units in Russian	
	Kharitonchik Zinaida Andreevna 65
Gender Representation of Emotions in the Novel <i>A Hero of Our Time</i> by Mikhail Lermontov	
	Abramova Veronika Igorevna 81
D. Fonvizin's Literary Work in the Context of the Russian Culture of Catherine's Time (Problems and Perspectives of Studying)	
	Alpatova Tatiana Aleksandrovna 101
Reception of Individual Stylistic Manners the Lyrics of K.D. Balmont	
	Bezrukov Andrey Nikolaevich 115
Intentional Interpretation of the Poetic Text as a Key to the Author's Self-Concept	
	Volkov Sergey Alexandrovich 139
Training of Foreign Students in the Academic Russian Letter	
	Fedotova Vera Sergeevna 159
Impersonal Russian Sentences with the Subject in the Accusative Case and the Meaning of a Person's Physical Condition in the Terms of Persian Language	
	Golkar Abtin; Mohammadi Mohammad-Reza; Aliyari Shorehdeli Mahboubeh; Estiri Majid 179
Kronelope in Ulitskaya's Short Stories	
	Motamednia Masoumeh 197
Application of Proper Nouns as Terms of Address in Russian Compared to their Persian Equivalents	
	Hasanzadeh Rezvan 215
.....	
Persian Abstracts	7

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modestadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliar11@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

Аккумуляема <i>родина</i> в русской и болгарской лингвокультурах	Аврамова Валентина Николова	11
Обучение иностранных студентов глагольно-именным сочетаниям в разных сферах функционирования	Аркадьева Татьяна Григорьевна; Васильева Марина Ивановна; Владимирова Светлана Семеновна; Федотова Надежда Сергеевна; Шарри Татьяна Германовна.	27
Библейские образы в поэзии символизма: о методологии анализа (на примере образа Страшного Суда в творчестве М. Волошина)	Кошемчук Татьяна Александровна	45
О роли деривационных процессов в формировании нетаксономических классов лексических единиц в русском языке	Харитончик Зинаида Андреевна	65
Гендерная репрезентация эмоций в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	Абрамова Вероника Игоревна	81
Литературное творчество Д.И. Фонвизина в контексте русской культуры Екатерининского времени (проблемы и перспективы изучения)	Алпатовая Татьяна Александровна	101
Рецепция индивидуально-стилевой манеры лирики К.Д. Бальмонта	Безруков Андрей Николаевич	115
Интенциональный анализ поэтического текста как «разгадка» авторского «я»	Волков Сергей Александрович	139
Обучение иностранных студентов академическому русскому письму	Федотова Вера Сергеевна	159
Безличные предложения со значением физического состояния лица и живого существа с субъектом в винительном падеже в зеркале персидского языка	Голкар Абтин; Мохаммади Мохаммад-Реза; Алияри Шорехдели Махбубех; Эстири Маджид	179
Хронотоп в рассказах Л. Улицкой	Мотамедния Масуме	197
Анализ функционирования собственных имен в качестве слов-обращений в русском языке в сопоставлении с их эквивалентами в персидском языке	Хасан-заде Резван	215
.....		
Краткие содержания		7

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Sponsored and Indexed by
CIVILICA
We Respect the Science

پایگاه استنادی علوم جهان اسلام

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение
журнала в РИНЦ."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication
of the journal in the RINC."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

Accumulate *Motherland* in Russian and Bulgarian Linguocultures

Avramova Valentina Nikolova¹

Professor, University of Shumen Bishop Constantine Preslavski,
Shumen, Bulgaria.

(date of receiving: September, 2017; date of acceptance: January, 2018)

Abstract

The article deals with the accumulation of the Motherland in Russian and Bulgarian linguocultures. The essence of the term we have proposed is explained. Attention is drawn to the similarities and differences in the use of the units under consideration, which serve to solve the national phenomenon, expand the concept of the linguistic picture of the world, and understand the specific features of different cultures. In the paper, the values of the accumulation in explanatory, synonymous, etymological dictionaries, prosaic and poetic texts, folklore (proverbs and sayings) are stated, as well as statements and thoughts of personalities with national authority. Attention is also drawn to the extralinguistic factors that led to the emergence and use of this phenomenon. Descriptive, taxonomic, comparative-historical and comparative methods are used in the work as general methods of linguistic research. As, an auxiliary component analysis was used to identify all the semantic parts of the linguistic unit that represents the accumulation. The results of the study showed a common and different in the accumulation in question in two linguocultures - Russian and Bulgarian.

Keywords: Accumulation, Homeland, Motherland, Fatherland, *Tatkovina*, Native Country.

1. E-mail: valentav@abv.bg

Аккумуляема *родина* в русской и болгарской лингвокультурах

Аврамова Валентина Николова¹

Профессор Шуменского университета им. Епископа Константина
Преславского,
Шумен, Болгария.

(дата получения: сентябрь 2017 г.; дата принятия: январь 2018 г.)

Аннотация

В статье рассматривается аккумуляема Родина в русской и болгарской лингвокультурах. Объясняется суть предложенного нами термина *аккумуляема*. Внимание обращается на сходства и различия в употреблении рассматриваемых единиц, служащих для разгадки феномена национального характера, расширения представлений о языковой картине мира, понимания специфики различных культур. В работе изложены значения рассматриваемой аккумуляемы в толковых, синонимических, этимологических словарях, в прозаических и поэтических текстах, в фольклоре (поговорах и пословицах), приведены также высказывания и мысли личностей с национальным авторитетом. Внимание обращается также на экстралингвистические факторы, обусловившие появление и употребление данного феномена. В работе использованы описательный, таксономический, сравнительно-исторический и сопоставительный методы, как общие методы лингвистических исследований. В качестве вспомогательного был использован компонентный анализ для выявления всех семантических долей рассматриваемой языковой единицы, представляющей аккумуляему. Результаты исследования показали общее и различное в рассматриваемой аккумуляеме в двух лингвокультурах – русской и болгарской.

Ключевые слова: Аккумуляема, Родина, Отчизна, Отечество, Татковина, Родна Страна.

1. E-mail: valentav@abv.bg

Введение

Аккумуляема *Родина* привлекает внимание исследователей, так как она теснейшим образом связана как с этническим самосознанием, так и с жизнью населения каждого государства. Для названия данного понятия в современной лингвистике используются различные термины, каждый из которых имеет свои параметры, например, концепт, лингвокультурема, константа, ключевое слово, логосистема, социокультурный стереотип и др.

Аккумуляема *Родина* является одним из самых универсальных ключевых понятий, имеющих место в работах исследователей, это понятие присутствует в любой этнической общности. В исследованиях особо подчеркивается тот факт, что „общечеловеческая ценность *Родина* является реляционным понятием: в его структуре обязательно должно быть наличие параметра отношения, это всегда „персональное”, „свое” („мое”) личностное место (места), архетипически противопоставленное „чужому” месту, чужбине” (Телия 1997. 78). Аккумуляема *Родина* является одной из важных ментальных констант этнической общности, составляющих, в частности, русскую и болгарскую картины мира.

Согласно Ю.С. Степанову становление концепта «Родина» в русской ментальности – это «некая линия, которая раздваивается, и, с одной стороны, этот концепт смыкается с представлениями об особой русской религиозности, а с другой, с особым русским отношением к своей стране и земле как к матери» (Степанов 2007. 20).

Предложенный нами термин аккумуляема „содержит в кодированном виде проявления ментальности. В содержание аккумуляемы включаются парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи слова, вся парадигматическая информация языкового знака, связанная с его экспрессивной и иллокутивной функцией. Синтагматическую значимость эксплицируют коннотации определяемого слова, которые носят культурно

обусловленный характер, так как они отражают традиции словоупотребления в данном языке. ... Значения аккумулямы вербализуются в значениях слов, фразеологических единиц, предложений, афоризмов, пословиц, поговорок, ключевых слов, логоэпистем, прецедентных текстов и имен, названий литературных произведений и отрывков из них, различных текстов, являющихся частью духовной культуры лингвокультурной общности.

Аккумуляма представляет собой максимально абстрактную, но конкретно кодированную в языковом сознании единицу ментального уровня, исторически детерминированную, структурированную общечеловеческими и национально-специфическими представлениями, вербализованными в словах или словосочетаниях, сосредоточивших накопленную человечеством и лингвокультурной общностью культурную информацию” (Аврамова 2007. 114-116).

Основная часть

Репрезентации признаков аккумулямы *Родина*, объективируются лексическими единицами слов-стимулов рус. – *родина, отечество, отчизна, государство, мать-земля*; болг. – *родина, отечество, татковина, държава*.

В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля и в Словаре болгарского языка Н. Герова, изданных в конце XIX в., лексема *Родина* отсутствует. В данных словарях отмечены лексемы рус. *отечество, отчизна*; болг. *отечество*.

В Толковом словаре живого великорусского языка В. Даля *отечество* толкуется как „родная земля, отчизна, где кто родился, вырос; корень, земля народа, к коему кто, по рождению, языку и вере, принадлежит; государство в отношении к подданным своим; родина в обширном смысле; Отец мой выходец, а мое отечество Русь, русское государство.” *Родина* здесь употребляется в значении „место, край, где кто-л. родился”. *Отчизна*

определяется как „отечество, родина. *Рыбам море, птицам воздух, а человеку отчизна вселенный круг. Отчизнушка, отчизненка ты моя!*” (Даль 1979. Т.2. 724).

В „Речник на българския език” Н. Герова присутствует только слово *Отечество*, определенное как бащиния, татковина (Герова 1977. 407).

Среди славянских языков только в русском и болгарском языках слово *родина* имеет значение „отечество, место рождения”, в остальных языках отмечены значения „семья” и „обилие плодов” (Фасмер 1971. Т.4. 491).

В словарных статьях аккумуляма *Родина*, выраженная словами и словосочетаниями, включает ядерные смыслы, репрезентирующие архетипические и энциклопедические представления об этом понятии. Представим значения слова *родина* по данным словарей в русском и болгарском языках.

В русском языке: 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество, государство: *Любовь к родине. Защита родины.* // Место рождения кого-л.; 2. Место рождения, происхождения чего-л., возникновения чего-л. (СРЯ 1983. 723): *Москва – его родина; Индия – родина шахмат* (ТСРЯ). В русском языке существуют также понятия *малая родина* – земля, край отцов, где живут родные и близкие; *большая родина* – государство, в котором человек родился; *вторая родина* – место, давшее кому-нибудь приют, ставшее родным (ТСРЯ); *Родина-мать*.

В русском языке имеется также лексема *колыбель*, обозначающая место, страну, где что-л. появилось впервые, ср. *Академия сделалась колыбелью новой русской науки*. С. Вавилов.

В болгарском языке отмечены следующие значения рассматриваемой аккумулямы: 1. Страната, в която някой е роден, откъдето произлизат предците му или където е отрасъл; отечество, татковина // Територия, населявана от даден народ; отечество; 2. Място, територия, откъдето

произлиза и обикновено откъдето се е разселила някаква общност от хора (народ, племе и пр.); прародина, праотечество; 3. *Прен.* Място откъдето произлиза или където е възникнало нещо. *България е родината на славянската писменост.* 4. *Остар.* Родно място. *Близо до Охрида е Струга, родина на двамата брата Миладинови* (РБЕ 2015. 1381-1382). В этом последнем примере лексема *родина* имеет значение „родное место, роселок”, существующее в современном русском языке и употребляющееся в настоящее время, в то время, как в болгарском языке это значение устарело.

Слово *родина* происходит из др.болг. слова *радь (род), имеющего значение „группа родственных семей с общим хозяйством, образующих основную общественную единицу в первобытнообщинном строе”, в народном сознании слово присутствует со значением „народ, племя; ответвление, поколение; лица, близкие по крови и сватовству, семья, фамилия” (БЕР 2002. 294). Часть вышперечисленных значений связана со значением *родина*. Второе значение в данном словаре – это „место, где родился человек”, а третье – „место рождения человека”; употребительны также словосочетания *роден дом, родно селище, роден край, родна страна*. Но в БЕР слово *родина* не присутствует. Нет его и в Словаре болгарского языка Н. Герова, впервые опубликованного в 1885–1904 г. В этом словаре для названия рассматриваемого понятия помещено слово *отечество* „бащиния, татковина; отечество, отчизна”. Слово *родина* вошло в употребление лишь в XVIII-XIX вв. (Касабова 2002. 36). Во время Первого болгарского царства (681-1018) и Второго болгарского царства (1185-1396) государства имели названия *болгарское царство, болгарская страна, болгарская земля и болгарское государство*. После освобождения от османского владычества (1878) и восстановления самостоятельного болгарского национального государства понятие *родина* приобрело значение национального государства. Тем не менее, и в эпоху Болгарского Возрождения (XIX в.) и после Освобождения (1878)

имена *отечество* и *татковина* были весьма употребительны в болгарской литературе, ср. *Отечество мило любя, неговият завет пазя* (Хр. Ботев); *Обичам те, мое мило отечество! Обичам твоите балкани, гори, сипеи, скали* (Л. Каравелов); *Хубава ни, татковино, име сладко, земя рай!* (Ив. Вазов).

Рассматриваемая аккумуляема имеет определенный круг синонимов в обоих языках. В русском языке – это *отчизна*, *отечество* (слова торжественной, возвышенной речи); *колыбель* (место, где человек родился, провел свое детство и юные годы; употребляется в приподнятой, поэтической речи), *родная сторона*, *отчий край*, *родная земля*, *земля отцов*, *родная сторонка*, *родные палестины* устар. (Гололобов, Меняйлова 2017. 1–4). В болгарском языке употребляются лексемы *отечество* (то же, что и *родина*, но с эмоциональной окраской); *татковина* (то же, что и *отечество*, но с еще более подчеркнутой эмоциональной окраской); *люлка* (колыбель *перен.знач.*); *бащиния* устар. нар. (родная страна, край, место, где человек родился, вырос, с которой его связывают сильные чувства принадлежности по роду и языку), *земя на дедите* высок., *роден дом*, *роден край*. В современном болгарском языке старое значение слова „бащиния” заменилось полностью подчеркнуто негативным значением, обозначающим что-либо не принадлежащим человеку, которым он неправомерно распоряжается (имуществом, служебным положением и т.п.)

Отношение этнического человека к родине находит выражение и в национальных пословицах и поговорках. Для русского человека Родина всегда была чем-то очень важным, близким, родным, без чего невозможно жить. Подтверждением этому факту служат множество поговорок и пословиц, например: *Человек без Родины – соловей без песни; В гостях хорошо, а дома лучше; Где кто родился, там и пригодился*. В России, как отмечает С.Г. Тер-Минасова, любовь к Родине является неотъемлемой чертой национального характера, которая проявляется у русских открыто и эмоционально, чему

свидетельствует язык (Тер-Минасова 2000. 176). Ссылаясь на пословичный фонд русского языка, напрашивается вывод о высочайшей степени патриотизма русского народа. Русский человек чувствует себя чужим на „другой” стороне, „болеет” за свою Родину, поддерживает ее и любит, ср. *Нет ничего на свете краше, чем родина наша; За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое; Любовь к родине сильнее смерти; Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет; С родной земли - умри, не сходи; Своя земля и в горсти мила.*

Русский язык неопровержимо свидетельствует о такой черте русского национального характера, как открытый патриотизм, словесно выраженная любовь к родине. Особенно ярко эта черта проявляется при сопоставлении русского языка с английским. Действительно, русский язык изобилует эмоционально окрашенными словами, обозначающими место рождения человека, край, страну, где человек родился: *родина, моя родина, родная страна (сторона/сторонка), отечество, отчизна.* Эти слова и сочетания с ними имеют положительные коннотации, делают речь более эмоциональной. Часть аккумулямы Родина выражается в понятии „тоска по родине”, устойчивое выражение, зарегистрированное словарем под редакцией Д.Н. Ушакова.

Ю.С. Степанов рассматривает становление аккумулямы *Родная земля* как „некую линию, которая раздваивается, и с одной стороны, этот концепт смыкается с представлениями об особой русской религиозности, а с другой, с особым русским отношением к своей стране и земле как к матери или как к жене” (Степанов 2007. 20).

В русской культуре образ родины матери восходит к архетипу праматери как началу и источнику всего живого. Жизненный путь человека заканчивается возвращением в лоно матери сырой земли. В русской речи известны и такие выражения как *Родина-мать, мать-сыра земля, земля-*

матушка, подтверждающие мысль о том, что в русском подсознании понятие Родина имеет сакральное значение и ассоциируется с матерью, ср. *Береги землю родимую, как мать любимую; Родимая сторона – мать, чужая – мачеха*.

Родина – это ‘место, где человек родился’, ср. *Здесь моя родина*. В современном русском языковом сознании этот признак соответствует понятию *малая родина*, ср. *А родина у меня особенная: село знаменитое, у него потрясающая история* (Аграрный журнал, 15.02.2002); *Дедушка давно мечтал посетить места, где родился, где лежат в могиле его предки, одним словом – родину* («Звезда», 2003, № 6); *Тоска меня берет по родине* (фильм „Калина красная“).

В болгарской культуре в качестве синонимов аккумуляемы *Родина* используются лексемы *отечество*, *отечина* устар., *отчина* устар. с общим значением ‘род человека, поколения одного рода, место, где человек родился’. Понятие *татковина* имеет стилистическую окраску ‘высокое’ и используется в эмоциональном и возвышенном контексте, в художественных произведениях (преимущественно XIX в.), в публицистике, в официальной речи, где слова участвуют в создании торжественной тональности текстов ср. *Хубава си, Татковино, име сладко, земя рай!*

Как ни странно, но в болгарском фольклоре отсутствуют пословицы на тему о родине, об отечестве. Данному факту есть объяснение и оно кроется в фактах истории болгарского народа. Болгарская общественная жизнь, развитие гражданского общества было прервано порабощением болгарских земель завоевателями Османской империи. И это длилось целых пять веков (1396–1878) – период, когда у болгар не было национального государства, хотя названия *Болгария*, *болгарская земля* сохранились за болгарской территорией за все время османского ига. Болгары не смогли воспринять взаимоотношения, чужие их ментальности, поэтому жизнь болгар сосредоточилась в семье, в

родственных отношениях. Издевательства и зверства поработителя заставили населения замкнуться в своей семье, которая была многочисленной. Семья, род, близкие люди заменили болгарину родину. Ср. отголоски этого чувства в устойчивых сочетаниях тех времен, употребленных писателями эпохи Болгарского Возрождения: *Стари обичаи на презирай! Бащино огнище не забравяй!* Г.С. Раковски (Старинных обычаев не презирай! Отчий очаг не забывай!); *Няма по-топла стряха от бащината и по-успокоително небе от родното.* П.К. Яворов (Нет теплее родной крыши и неба спокойнее, чем родное небо). В эпоху Болгарского Возрождения (XVIII-XIXвв.) появилось понятие *Отечество*, употребляемое вначале борцами за свободу болгар. Это был трудный и тяжелый путь, которому сопутствовало постепенное осознание заявить миру о том, что у болгар есть Отечество, путь, осеянный многочисленными жертвами. Об этом осознанном праве говорят первые идеологи национально-освободительной борьбы, ср. *Любовта към Отееството превъзхожда всички световни добрини и тя е най-утешителната мисъл за човека на този свят.* Г.С. Раковски (Любовь к Отечеству превосходит все добро, существующее в мире; она является самой утешительной мыслью в этом мире); *Аз съм се посветил на отечеството си жертва за освобождението му, а не да бъда кой знае какъв.* Васил Левски (Я посвятил свою жизнь отечеству и буду жертвовать собой для его освобождения, я не хочу быть никем); *Човек живее за себе си, но в същото време той живее и за своето Отечество, за своите родители и за своите деца.* Л. Каравелов (Человек живет для себя, но также и для своего Отечества, ради своих родителей и детей); *Мила ми Венето, след Отееството най-много обичам теб.* Христо Ботев (Моя милая Венета, после Отечества я люблю больше всего тебя).

Другие чувства к Отечеству наполняют сердце болгарина в уже освобожденной родине в результате Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Эти

чувства точно переданы в строках болгарских поэтов. Вот некоторые примеры: *Отечество любезно, как хубаво си ти! / Как чудно се синее небето ти безкрайно! / Как твоите картини меняват се омайно!* Иван Вазов (Мое милое Отечество, как ты красиво! Бескрайнее небо синее надо мной! Твои завораживающие пейзажи проплывают предо мной!); *България, за тебе те умряха, една бе ти достойна зарад тях, и те за теб достойни, майко бяха. И твоито име само кат мъляха, умираха без страх.* Иван Вазов (Болгария, во имя твоей свободы они умерли, ты для них была достойной так же, как и они для тебя. Они без страха умирали с твоим именем на устах); *Опознай Родината, за да я обикнеш!* Алеко Константинов (Узнай свою Родину для того, чтобы полюбить ее!).

Любопытные рассуждения предлагает исследователь Я. Янев, говоря о сути понятий *Родина* и *Отечество* в болгарской ментальности. Он пишет: „К Родине у нас не должно быть одно сентиментальное отношение. Родина требует безусловной привязанности, которую ни за что на свете невозможно опорочить. Она является символом абсолютной отдачи, для которой никакая жертва не является слишком большой. Родина выше всего. Это мать, которая рождает историю, дает жизнь культуре, определяет смысл любого личного и общественного существования. Без родины мир как будто без субстанции, человек без органической основы, а жизнь – это поток, разливающийся в прокляты и злобе. Именно в этом и состоит и личная, и я бы сказал, и метафизическая обреченность, которая обуславливает чувство родины.

Если эта обреченность имеет политический характер, родина становится отечеством. Родина имеет мифологическую сущность, отечество – политическую. Родина является поэмой, отечество – эпос. Родина – это женственное начало, праматеринский Святой дух бытия. Отечество – это мужественное и воинствующее начало. Основы Родины лежат в философии страстного желания, основы отечества – в философии подвига. Родину мы

воспеваем, за отечество боремся. Родина – это завещание, последнее искупительное лоно” (Янев 1934. 266).

Вышеприведенные строки вносят ясноту в различие смыслового наполнения аккумуляемы *Родина* в русской и болгарской ментальности. В рассматриваемых языках обнаруживаются общие значения рассматриваемой аккумуляемы, но также и специфические, обусловленные устоявшимися в национальном языковом сознании значениями.

Этот пафос еще в большей степени выражен в словах Отчизна, Отечество. Они имеют общий старославянский корень, в котором заключается значение «родовые права», «наследие, переходящее от отца к сыну».

Для русского национального сознания характерна идея Руси-матушки, которая берет начало в фольклорном образе Матери-сырой земли, русском варианте Великой Богини-матери. Понятие *Русь-матушка* характеризуется оттенком задушевной теплоты в то время, как Родина-мать – это высокое слово, призыв, величественность.

В петровскую эпоху для обозначения государства чаще используется термин *Отечество*, однако и образ России-Матери появляется в текстах, например, Феофана Прокоповича, а позднее В. Третьяковского и М. Ломоносова. Выражение *Родина-мать* употреблялось в русском языке еще в XIX веке. В период Октябрьской революции и Гражданской войны образ Родины-матери используется сторонниками Белого движения. В идеологии большевизма образ России-матушки игнорировался или использовался как символ отсталости царской России. В период Великой Отечественной войны, в самом начале которой появился плакат И. Тоидзе *Родина-мать зовет!*, этот образ стал символом борьбы против немецких захватчиков.

Чувство привязанности и любви к Родной земле индивидуально. Обычно предполагается, что объект патриотических чувств всегда один – родина. Вместе с тем, у этого имени много образов: родина – это и страна, это и

отчизна, и место, где родился и вырос человек, и где живут друзья и близкие ему люди. Кроме того, это еще и государство. В сознании многих людей эти понятия приравниваются. Хотя в настоящее время фраза „Люблю свою страну, но не люблю государство” стала очень актуальной и в России, и в Болгарии, но причины ее появления уже восходят к отдельной идеологии и современному состоянию государства. Причины кроются в разрушении привычного существования, которое разрушилось и обрушилось на людей и которое не принесло нового, покоя, устроенности, а ухудшило их жизнь. Надежды людей были обмануты, и это обстоятельство вызвало еще более сильное негодование людей и неприязнь к государству.

С образом Родины связано и чувство ностальгии, характеризующее представителей обеих рассматриваемых лингвокультурологических групп. Словарное значение данного слова определяется, как „1. тоска по родине, по родному дому; 2. *по чему разг.* тоска о прошлом, о пережитом, об утраченном. *Н. по родному селу*” (БТС). Тоска по родине проявляется в том случае, когда этнический человек вынужден покинуть свою родину. Этот акт уже связан не с ментальностью индивида, а с историей страны. Русские сталкивались с этой проблемой после Октябрьской революции, когда многие россияне эмигрировали из своей родины. В первой половине XX века многие болгары ездили на заработки в чужие края для обеспечения своих семей. Этот акт имеет свое название – гурбет. Вынужденная разлука с родиной всегда порождает ностальгию. В эту эпоху и русские, и болгары одинаково страдали вынужденной разлукой с Родиной.

Заключение

Наблюдения над вербализацией аккумулямы *родина* и отношения к ней в русском и болгарском быденном сознании показывают общие и различные маркеры в этом отношении. Анализ лексических значений синонимов

аккумуляемы *родина* в обоих языках позволяет сделать заключение о том, что они дифференцируются по своей семантической структуре и имеют специфические семантические доли в каждом языке. Устойчивые сочетания с лексемой *родина* связаны с идеей долга перед родиной и любви к ней. Функционирование аккумуляемы в различных контекстах позволило выделить как универсальные, так и ее специфические признаки. В паремиологическом фонде каждого из рассматриваемых языков, а также в литературных текстах выкристаллизован образ родины – в русской ментальности в древнем архетипе матери-земли (Россия-мать), в болгарской ментальности – в образе мужского начала (Отечество, Татковина), являющиеся актуальными, каждая в своей культуре. Родину можно отнести, если не к ключевым словам каждой культуры, то к числу самых значимых аккумуляем каждой национальной лингвокультуры.

Литература

- 1- Аврамова В. (2007), *Лингвокультурология*, Шумен, Унив. Изд-во «Епископ Константин Преславски».
- 2- Гололобов В.Г., Меняйлова Т.А. (2017), *Слово „Родина” в русском языке и в жизни людей (лингвокультурологическое исследование)*. // Юный ученый, 2017, № 4, с. 1-4 URL:<http://yun.moluch.ru/archive/13/1022/>дата обращения: 10.02.2018.
- 3- Степанов Ю.С. (2007), *Концепты. Тонкая пленка цивилизаций*. Москва, Изд-во «Языки славянских культур».
- 4- Телия В.Н. (1997), *Наименование Родина как часть социального концепта „Patria” в русском языке*. // *Языковая категоризация: материалы круглого стола, посвященные юбилею Е.С. Кубряковой по тематике ее исследования*, Москва.
- 5- Тер-Минасова С.Г. (2000), *Язык и межкультурная коммуникация*. Учебное пособие, Москва, Изд-во «Слово/Slovo».
- 6- Янев Я. (1934), *Философия на Родината*, ж. *Златороз*, София, 1934, № 6, с. 263-266.
- 7- Kassabova A. (2000), *Migration und Familie. Familienforschung und Politik (Am Beispiel Bulgariens)*, Sofia, Изд-во «Variant».

Bibliography

- 1- Avramova V. (2007), *Lingvokul'turologija*, Shumen, Univ. Izd-vo «Episkop Konstantin Preslavski».
- 2- Gololobov V.G., Menjajlova T.A. (2017), *Slovo „Rodina” v ruskom jazyke i v zhizni ljudej (lingvokul'turologicheskoe issledovanie)*. // Junyj uchenyj, 2017, № 4, s. 1-4 URL:<http://yun.moluch.ru/archive/13/1022/data obrashhenija: 10.02.2018>.
- 3- Stepanov Ju.S. (2007), *Koncepty. Tonkaja plenka civilizacij*. Moskva, Izd-vo «Jazyki slavjanskih kul'tur».
- 4- Telija V.N. (1997), *Naimenovanie Rodina kak chast' social'nogo koncepta „Patria” v ruskom jazyke*. // Jazykovaja kategorizacija: materialy kruglogo stola, posvjashhennye jubileju E.S. Kubrjakovoj po tematike ee issledovanija, Moskva.
- 5- Ter-Minasova S.G. (2000), *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija*. Uchebnoe posobie, Moskva, Izd-vo «Slovo/Slovo».
- 6- Janev Ja. (1934), *Filosofija na Rodinata*, zh. Zlatorog, Sofija, 1934, № 6, s. 263-266.
- 7- Kassabova A. (2000), *Migration und Familie*. Familienforschung und Politik (Am Beispiel Bulgariens), Sofia, Izd-vo «Variant».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Avramova Valentina Nikolova (2018). Accumulate Motherland in Russian and Bulgarian Linguocultures, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Jazyka i Literatury*, 11(1): pp:11-25.

DOI: 10.29252/iarll.11.11

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-127-en.html>.

Training of Foreign Students in Verbal-Nominal Combinations in Different Spheres of Functioning

Arkadyeva Tatyana Grigoryevna¹,

Professor of the department of Russian as foreign, Herzen State Pedagogical University of Russia,
St.Petersburg, Russia.

Vasilyeva Marina Ivanovna; Vladimirova Svetlana Semenovna; Fedotova Nadezhda Sergeevna; Sharri Tatyana Germanovna

Associate professors of Russian as foreign, Herzen State Pedagogical University of Russia,
St.Petersburg, Russia.

(date of receiving: August 2017; date of acceptance: November 2017)

Abstract

In this article, authors talk about the relevance of the training of foreign students in verbal-nominal combinations in different spheres of functioning. It is important for language adaptation. Language adaptation depends on how students know the system of language and the feature of language expression of sense. Verbal-nominal combinations are used in different spheres therefore they can be studied at the phonetic, lexical, phraseological, grammatical levels. Authors pay attention to the development of foreign students of abilities to differentiate the free, steady, phraseological verbal-nominal combination. Authors offer standard tasks that have already been practiced in occupations in foreign audiences. It is especially important to use language exercises for studying verbal-nominal combinations at the first stage of studying the language. At the second stage it is necessary to use communicative exercises more. Such an approach helps to form foreign students with the ability to analyze language material.

Keywords: Verbal-Nominal Phrases, Language Exercises, Communicative Exercises, Russian as Foreign, Language Adaptation.

1. E-mail: kafrki@mail.ru

Обучение иностранных студентов глагольно-именным сочетаниям в разных сферах функционирования

Аркадьева Татьяна Григорьевна¹

Профессор кафедры русского языка как иностранного РГПУ им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия.

**Васильева Марина Ивановна; Владимирова Светлана Семеновна;
Федотова Надежда Сергеевна; Шарри Татьяна Германовна.**

Доценты кафедры русского языка как иностранного РГПУ им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: август 2017 г.; дата принятия: ноябрь 2017 г.)

Аннотация

В статье обоснована необходимость обучения иностранных студентов глагольно-именным сочетаниям в разных сферах функционирования. Это важно в аспекте языковой адаптации, так как она связана не только с овладением иностранными студентами системой языка, но и особенностями языкового выражения смысла. Глагольно-именные сочетания в системе русского языка представляют собой разнородный по структуре, семантике и сферам функционирования лексико-грамматический материал. Глагольно-именные сочетания используются в разных сферах, в связи с чем их можно рассматривать на фонетическом, лексическом, фразеологическом, грамматическом уровнях. Обращается внимание на целесообразность развития у иностранных студентов умений различать свободные, устойчивые, фразеологизированные глагольно-именные сочетания, понимать их сходство и различие. Предлагаются типовые задания, которые апробированы на занятиях в иностранной аудитории. Подчеркивается важность языковых упражнений для овладения глагольно-именными сочетаниями на начальном этапе изучения языка и преобладание коммуникативных упражнений на продвинутом этапе. Такая дифференциация целесообразна, так как помогает выработать у иностранных студентов умения анализировать языковой материал.

Ключевые слова: Глагольно-Именные Словосочетания, Языковые Упражнения, Коммуникативные Упражнения, Русский Язык Как Иностранный, Языковая Адаптация.

1. E-mail: kafrki@mail.ru

Введение

В современном образовательном процессе значительное внимание уделяется адаптационным процессам, связанным с обучением иностранных студентов в российских вузах. Адаптационные характеристики личности включают в себя не только социальные, психологические аспекты, но и языковую адаптацию как процесс обогащения и развития языковой личности средствами языка, обеспечивающий реализацию целенаправленного речевого поведения, микро- и макросоциального взаимодействия в инокультурной среде при достижении личностного комфорта. Говоря о языковой адаптации, мы имеем в виду не только овладение иностранными обучающимися системными явлениями русского языка, но их функциональными языковыми характеристиками. Глагольно-именные сочетания используются в разных сферах, в связи с чем их можно рассматривать на фонетическом, лексическом, фразеологическом, грамматическом уровнях. В данной статье глагольно-именные словосочетания рассматриваются в аспекте их предъявления в разных сферах иностранным студентам с разным уровнем владения русским языком.

Основная часть

Глагольно-именные сочетания в системе русского языка представляют собой разнородный по структуре, семантике и сферам функционирования лексико-грамматический материал: *В конце предложения Лариса поставила точку. Компромисс поставил точку в конфликте этих кампаний. Мы должны поставить все точки над и. Роман – очень хороший инженер. Он на этом деле собаку съел. Игорь настоящий друг. Мы с ним пуд соли съели. За год кролики съели 200 килограммов зеленой травы. Расходы кампании съели 20% ее дохода. Если хочется съесть торт, ешьте его на здоровье!* Они широко востребованы в практике обучения русскому языку как иностранному, так как правила построения словосочетаний по типу глагол+существительное весьма

разнообразны и довольно сложны. «устойчивые глагольно-именные сочетания хотя и «синтаксичны» по структуре (являются словосочетаниями), по значению же они «лексикологичны» (выражают единый смысл), а в грамматическом плане «морфологичны», поскольку несут морфологические признаки наклонения, времени, лица и на правах аналитических лексем пополняют категорию глагола» (Гайсина 2012. 464).

В научно-методической литературе обращается внимание на «глагольно-именные описательные сочетания, соотносимые с однокоренными глаголами, в плане грамматической семантики типа *быть на службе у кого-либо* — *служить кому-либо*, *вести строительство* — *строить*, *вести спор* — *спорить*, *находиться в заблуждении* — *заблуждаться*, *находиться в зависимости от кого-либо* — *зависеть от кого-либо*, *предаваться воспоминаниям* — *вспоминать*» (Ефремова 2009. 33), «модально-оценочные значения высказываний, обусловленные синтагматикой описательного глагольно-именного оборота (типа *совершить преступление*, *сделать подлость* и т.п.), употребление которых в языке печатных СМИ отражает тенденцию к экспрессивизации газетного текста» (Лагузова 2010. 590), «описательно-именные обороты в функциональном аспекте как одно из возможных средств экспликации модальных значений предиката, наслаивающихся на значение объективной модальности предложения» (Олзоева 2012. 44). Объектом рассмотрения лингвистов являются «устойчивые глагольно-именные сочетания, употребляющиеся в текстах древнерусских грамот и княжеских уставов XI-XIV веков» (Макушина 2010. 73), «классификации глагольных аналитических единиц, выработанные с использованием, функционального и семантического подходов» (Лобанова 2013. 163), «сопоставительное изучение русских глагольно-именных устойчивых словосочетаний (УС и способы их передачи на персидский язык» (Рахбари. 2014. 40).

Трудности овладения глагольно-именными сочетаниями по мере изучения РКИ возрастают в связи с тем, что на различных этапах освоения русского языка иностранные студенты получают более широкий объем лексико-грамматической и стилистической информации о данном типе словосочетаний: *принять гостей, принять участие (ТРКИ-I), принять меры (ТРКИ-II); привести ребенка в детский сад (ТРКИ-I), привести веские аргументы, привести убедительный пример (ТРКИ-II); искать потерянный ключ, искать выход из метро (ТРКИ-I), искать выход из трудной ситуации (ТРКИ-II)*. Несмотря на то что методика обучения РКИ на сегодняшний день располагает работами, посвященными глагольно-именным сочетаниям (Шатилов 1991; Тхумдала 1996; Бабаян 1984; Дерягина 2011; Клепацкая 2010), в ней еще остаются вопросы, важные для научного поиска, в том числе вопрос об обучении иностранных студентов глагольно-именным сочетаниям в разных сферах и на разных этапах.

На начальном этапе обучения иностранным студентам представлены свободные глагольно-именные сочетания (*писать письмо, петь песню, играть на пианино, жить в городе* и т.п.). Они по мере коммуникативных потребностей каждый раз создаются говорящим заново, и это не вызывает у обучающихся затруднений, так как слова употребляются в своих прямых номинативных значениях, а значение словосочетания представляет собой сумму значений его компонентов.

На среднем и продвинутом этапах обучения ситуация с восприятием и воспроизведением глагольно-именных сочетаний усложняется: сравните, *ждать автобус и ждать у моря погоды, падать на пол и падать духом, остаться у подружки и остаться с носом, съесть яблоко и съесть пуд соли, положить в сумку и положить под сукно*. «Потребность вовлечения фразеологии в учебный процесс обусловлена тем, что без знания фразеологических единиц обучаемый не сможет стать полноценным и

равноправным коммуникационным партнером; продвинутый этап обучения предполагает усвоение запаса фразеологических единиц, необходимого для того, чтобы обучаемый мог свободно пользоваться русским языком как иностранным в разных коммуникативных ситуациях, чтобы его речь отвечала узусу данного языка; обогащение русской речи иностранных учащихся является одной из важных задач методики преподавания РКИ, так как без умения пользоваться фразеологической сокровищницей русская речь не может считаться адекватной, неуместное употребление фразеологизмов искажает речь» (Олейник 2006. 4)

Учащимся предьявляются устойчивые глагольно-именные сочетания типа глагол+существительное (без предлога или с предлогом), которые широко употребляются в публицистическом, официально-деловом, научном стиле: *Яркое солнце может нанести вред коже. Причина лишнего веса состоит в неправильном питании. Качество фотографии вызвало спор. Студенты не приступили к занятиям вовремя. С вопросом лучше обратиться в специальный отдел. Участники дискуссии пришли к выводу о необходимости заключить договор о сотрудничестве.* Эти сочетания слов, обладают единством и постоянством лексического значения, образуются по определенной модели с ограниченным набором лексических компонентов и воспроизводятся в речи: *бросаться – броситься в глаза, входить – войти во вкус, вертеться на языке, уходить – уйти в отставку, влезать – влезть в долги, пожимать – пожать плечами, сжигать – сжечь мосты, терять – потерять голову* и т.д. Носители языка свободно пользуются широким разнообразием глагольно-именных сочетаний как свободных, так и устойчивых, в связи с тем что многие из них являются привычными с детства, а ряд других осознанно усваивается в процессе обучения в школе и освоения правил стилистики, культуры речи. *Игорь скоро закончит школу и ему надо предпринимать какие-то шаги, чтобы подготовиться к поступлению в*

университет. Тема дружбы проходит красной нитью в романе Л. Толстого «Война и мир». Куда поехать в отпуск? Не имеет значения. Я все равно нигде не был. Дорогие телезрители! Встретимся на телеканале «Россия» после рекламы и подведем итоги недели.

Ситуация у иностранных обучающихся более сложная. Иностранцам студентам известно, что в русском языке слова соединяются в словосочетания. С этим материалом они знакомятся уже на первых занятиях по русскому языку: *не будет автобуса, бояться темноты (Род. П.), звонить – позвонить родителям, помогать – помочь сестре, радоваться – обрадоваться подарку, удивляться – удивиться встрече (Дат. П.); пойти в библиотеку, покупать – купить молоко, играть – сыграть в шахматы, учить – выучить слова, обсуждать – обсудить фильм, провожать – проводить друга, включать – включить свет, продавать – продать автомобиль (Вин. П.); встречаться – встретиться с одноклассниками, разговаривать с коллегой, здороваться – поздороваться с преподавателем, знакомиться – познакомиться с девушкой (Твор. П.); мечтать о путешествии, жаловаться на трудности (Предл. П.).* Последовательно изучается падежная система языка, запоминается объем глаголов, необходимых для общения на уровне учебной группы, магазина, дома, театра и т.д. (Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень 2001; Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень 2001; Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень 2011; Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень 2011; Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень 2012; Программа по русскому языку для иностранных граждан. Первый сертификационный уровень 2011). Использование языковых упражнений на данном этапе освоения глагольно-именных сочетаний целесообразно, так как учащиеся всегда допускают ошибки в употреблении

падежных форм или выборе глагола, нарушают правила лексической сочетаемости. Языковые упражнения, ориентированные на преобразование морфологических форм слова и формирующие навыки употребления этих единиц в соответствии с их лексическим значением, тренировку и автоматизацию языкового материала в значительной степени способствуют пониманию и запоминанию представленных в устном или письменном высказывании структурных элементов языка.

Задание 1. Прочитайте словосочетания. Поставьте слова в скобках в нужную форму. При необходимости используйте предлоги.

Роман изучает (грамматика). Цветы стоят (ваза). Анна учится (университет). Преподаватель исправляет (ошибки). Сергей Петрович работает (поликлиника). Мария рисует (карандаш).

Задание 2. Прочитайте вопросы. Дайте на эти вопросы полные ответы. Укажите как можно больше вариантов ответа.

1. Куда я могу положить свои вещи? 2. Посмотри, где лучше повесить картину? 3. Чем Вы любите писать? 4. Кому отвечает Иван Петрович?

Задание 3. Прочитайте предложения. Вместо точек вставьте необходимые по смыслу глаголы, выбрав один из предложенных вариантов ответа.

1. Дети... по телевизору фильм. а) смотрели б) думали.
2. Мы... из Москвы в 4 часа. а) приехали, б) доехали.
3. На концерт ... известный пианист. а) приехал, б) прибежал.
4. Туристы хотят ... музей. а) посмотреть, б) осмотреть.
5. Сестра ... подарок Ольге. а) получила, б) подарила.
6. Нина занимается... а) музыкой, б) фруктами.
7. На уроке студенты трудное упражнение. а) говорили, б) делали.
8. До музея туристам надо... на автобусе. а) ехать, б) идти.
9. Борис повторил все ... а) экзамены, б) упражнения.
10. Лена не знает ... автора фильма. а) имя, б) название.

11. Через 2 часа ... прилетел. а) самолёт, б) автобус.

12. Сын ... родителям хорошо учиться. а) обещал, б) советовал.

13. Детям нельзя долго... по телефону. а) говорить, б) работать.

Таким образом, тренировочные языковые упражнения предназначены для развития умений преодолевать трудности, связанные с особенностями семантики и употребления грамматических форм глагольно-именных сочетаний. В этих упражнениях процесс коммуникации (сфера повседневного общения) подчинен усвоению грамматических структур, лексических единиц, их морфологических изменений.

На продвинутом уровне увеличивается количество речевых и коммуникативных упражнений. (Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень 199; Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень 2011).

Языковые упражнения не отменяются, но в процентном соотношении их становится меньше. Используемая лексика соотносится со сферой профессионального общения (экономика, политика, юриспруденция, педагогика, архитектура, филология).

Задание 1. Прочитайте словосочетания, определите, в каких случаях они 1) совпадают в значении, 2) различаются стилистически, 3) различаются оттенками значений, 4) различаются в значении.

Выполнить работу в одну неделю – выполнить работу за одну неделю; готовить в кухне – готовить на кухне; стоять в углу – стоять на углу; лежать в кровати – лежать на кровати; жить в квартире – жить на квартире; растет в огороде – растет на огороде; ездить в городе – ездить по городам; гулять в лесу – гулять по лесу; навещать в праздники – навещать по праздникам; говорить в волнении – говорить с волнением; сгореть со стыда – сгореть от стыда; спускаться с лестницы – спускаться по лестнице.

Задание 2. Поставьте существительные в скобках в нужной форме. Составьте с ними предложения.

Разбираться-разобраться (в чем?)

1. Роман хорошо разбирается в (компьютеры), (математика). Следователь хочет разобраться (причина аварии). Нам всем нужно разобраться в (то, что произошло).

Задание 3. Со следующими глаголами составьте словосочетания. Используйте слова для справок.

Обладать, обращать, оказывать, сыграть, придавать

Слова для справок: внимание, способности, помощь, значение, роль)

Данные языковые упражнения ориентированы на повторение грамматического материала, тренировку лексических и грамматических навыков.

Задание 4. Ответьте на вопросы.

Модель: – Почему ты хочешь стать волонтером? / – Потому что волонтерам *предоставят возможность* поступить в университет на бюджетные места.

1. Почему эта статья журналиста такая популярная? (предоставить новые факты). 2. Почему наша кампания заключила договор с этой фирмой? (пришли к компромиссу).

Задание 5. Составьте словосочетания со следующими глаголами в указанных значениях.

Играть... (1. проводить время в игре; 2. исполнять что-либо на музыкальном инструменте; 3. шалить, развлекаться).

Шутить... (1. говорить, делать что-либо так, чтобы было смешно; 2. делать предметом смеха, веселья; 3. относиться легкомысленно).

Жить... (1. проводить свою жизнь; 2. существовать, получая зарплату, пенсию и т.п.; 3. быть занятым, поглощенным, увлеченным чем-либо).

Задание 6. Придумайте реплики, высказывания, которые могут быть

использованы в следующих ситуациях: 1. Вы беседуете с учениками на уроке.
2. Вы выступаете на педагогическом совете в школе. Употребите следующие глаголы. Обратите внимание на различия в управлении:

Вспоминать кого – что, о ком – о чем; думать о ком – о чем, над чем;
забывать кого – что, о ком – о чем; знать кого – что, о ком – о чем; напоминать
кого – что, кому о ком – о чем; помнить кого – что, о ком – о чем; упоминать
кого – что, о ком – о чем.

Задание 7. Ответьте на вопросы, выбрав один из предложенных вариантов ответа.

1. Новый директор фирмы обещал сотрудникам... а) золотые поля, б) золотые горы, в) золотые реки. 2. Роман так увлекся математикой, что совсем ... а) потерял голову, б) потерял память, в) потерял себя. 3. Великолепное красное платье на витрине магазина сразу а) бросилось в глаза, б) бросилось в голову, в) бросилось в память.

Задание 8. Прочитайте первые реплики диалога, в состав которых входит устойчивое глагольное сочетание. Ответьте на эти реплики.

1. - Тебе не нужно изобретать велосипед.

- ...

2. - Сейчас сезонные скидки на зимнюю обувь. Лови момент!

- ...

3. – Хватит сгущать краски! На самом деле все было не так, как ты рассказываешь.

Задание 9. Вы находитесь в ситуации, когда Вы не согласны с тем, что Вам говорят. Возразите собеседнику.

Модель:

- Вы нарушили правила дорожного движения.

- Нет. Ну, что Вы! Я не нарушал правила дорожного движения, потому что я переходил улицу на зеленый свет.

1. Вы слишком большое значение придаете своей внешности. 2. А сейчас мы может подвести итоги нашей встречи. 3. Наша кампания предоставляет услуги перевозки мебели. 4. Кампания гарантирует поставки продукции в указанный срок. 5. Эксперты проводят исследование нового рынка труда.

Задание 10. Ваши друзья просят Вас рассказать, как Вы изучали русский язык. Составьте рассказ, используйте в рассказе следующие свободные глагольно-именные сочетания и устойчивые глагольно-именные сочетания (на выбор): опустить руки, сорить деньгами, войти в привычку, прийти в восхищение, висеть на телефоне, защитить диссертацию, перевести роман, уйти на каникулы, осмотреть город, радоваться весне.

Коммуникативные упражнения в своей формулировке задания содержат коммуникативную задачу, которую иностранный студент должен решить, выразив свои мысли на русском языке с использованием глагольно-именных сочетаний. Коммуникативные упражнения обеспечивают формирование наиболее высокого уровня практического владения языком. При выполнении таких упражнений внимание студентов должно быть сосредоточено на содержании высказывания, а грамматическая форма является объектом произвольного внимания.

Заключение

Глагольно-именные сочетания – важная часть системы русского языка и открытый вопрос для методики преподавания русского языка как иностранного. Эти сочетания многочисленны и разнообразны. Находясь на границе фразеологии и грамматики, устойчивые глагольно-именные сближаются и с фразеологическими и синтаксическими единицами, что обуславливает неравноценность их подачи в иностранной аудитории в сравнении со свободными глагольно-именными сочетаниями. Поуровневое предъявление глагольно-именных сочетаний в иностранной аудитории, языковые и коммуникативные упражнения, демонстрирующие учащимся

функционирование глагольно-именных сочетаний в разных сферах, помогают глубже понять специфику семантических и грамматических особенностей. Перспективой исследования может стать описание глагольно-именных сочетаний в разносистемных языках, выявление особенностей их функционирования в разных сферах. Важно определить, выступает ли глагол в качестве грамматически опорного слова в глагольно-именном сочетании, выражает ли он грамматические значения, подвергаются ли глаголы в глагольно-именных сочетаниях процессу десемантизации, существуют ли веские причины, чтобы разграничивать глагольно-именные фразеологические сочетания и устойчивые глагольно-именные сочетания.

Литература

- 1- Бабаян Т.А. (1984), *Обогащение речи учащихся старших классов армянской школы устойчивыми глагольно-именными словосочетаниями*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М., 1984, 26 с.
- 2- Гайсина Р. М. (2012), *Проблема взаимодействия имени и глагола в русской грамматической традиции XIX-XX вв.* // *Вестник Башкирск. Ун-та*. 2012. № 1(1). С.460–464.
- 3- *Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение (1999)* // Иванова Т. А. и др. М. СПб: Златоуст, 1999. — 40 с.
- 4- *Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Базовый уровень (2001)* // Нахабина М.М., Соболева Н.И. и др. СПб.: Златоуст, 2001. 32 с.
- 5- *Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень (2001)* // Владимирова Т.Е., Нахабина М.М. и др. – СПб.: Златоуст, 2001. 20 с.
- 6- Дерягина С.И. (2011), *К вопросу о глагольно-именных словосочетаниях при обучении иностранных учащихся русскому языку* // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2011. № 12. С. 100–103.

- 7- Ефремова Э.И. (2009), *Глагольно-именные описательные сочетания как выразители грамматической семантики* // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. 2009. № 54. С. 33–36.
- 8- Клепацкая Я.В. (2010), *Совершенствование навыков построения и употребления глагольно-именных словосочетаний в продуктивной речи*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – СПб., 2010, 22 с.
- 9- Лагузова Е.Н. (2010), *Модально-оценочная семантика высказываний с описательными глагольно-именными оборотами* // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2010. № 4-2. С. 590-592.
- 10- *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Базовый уровень. Общее владение* (2011) // Андриюшина Н.П. и др. – СПб.: Златоуст, 2011. 116 с.
- 11- *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень* (2011) // Андриюшина Н.П., Афанасьева И.Н., Битехина Г.А., Клобукова Л.П., Яценко И.И. – СПб.: Златоуст, 2011. 164 с.
- 12- *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение* (2011) // Андриюшина Н.П. и др. – СПб.: Златоуст, 2011. 200 с.
- 13- *Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение* (2012) // Андриюшина Н.П. и др. – СПб.: Златоуст, 2012. 80 с.
- 14- Лобанова С.В. (2013), *Классификация устойчивых глагольно-именных сочетаний в современном русском языке: подходы и проблемы* // *Вестник ТГПУ*. 2013. №10 (138). С. 163–167
- 15- Макушина А.А. (2010), *Семантическое взаимодействие компонентов устойчивых глагольно-именных сочетаний в древнерусском деловом языке* // *Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание*. 2010. № 2–12. С. 73–76.
- 16- Олейник М.А. (2006), *Обучение иностранных студентов-гуманитариев русским фразеологизмам*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – СПб., 1991, 22 с.
- 17- Олзоева Я.В. (2012), *Описательные глагольно-именные обороты как средство выражения внутрисинтаксической модальности возможности в современном русском языке* // *Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение*. 2012. № 2. С. 44–48.

- 18- *Программа по русскому языку для иностранных граждан. Первый сертификационный уровень. Общее владение* (2011) // Андрияшина Н.П. и др. – СПб: Златоуст, 2011. 176 с.
- 19- Рахбари Махназ, Валипур Алиреза (2014), *Сопоставительное изучение способов передачи русских глагольно-именных устойчивых словосочетаний при обучении русскому языку как иностранному иранских учащихся* // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 40–44
- 20- Тхумдала (1996), *Методика обучения лаосских учащихся владению глагольно-именными словосочетаниями русского языка (на материале начально-базового курса)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М., 1996, 26 с.
- 21- Шатилов А.С. (1991), *Обучение иностранных аспирантов нефилологических специальностей владению глагольно-именными словосочетаниями в устной речи на начальном этапе*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – СПб., 1991, 22 с.

Bibliography

- 1- Babajan T.A. (1984), *Obogashhenie rechi uchashhihsja starshih klassov armjanskoj shkoly ustojchivymi glagol'no-imennymi slovosochetanjami*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. – М., 1984, 26 s.
- 2- Gajsina R. M. (2012), *Problema vzaimodejstvija imeni i glagola v russkoj grammaticheskoj tradicii XIX-XX vv.* // Vestnik Bashkirsk. Un-ta. 2012. № 1(I). S.460–464.
- 3- *Gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart po russkomu jazyku kak inostrannomu. Vtoroj uroven'. Obshhee vladenie* (1999) // Ivanova T. A. i dr. М. SPb: Zlatoust, 1999. — 40 s.
- 4- *Gosudarstvennyj standart po russkomu jazyku kak inostrannomu. Bazovyy uroven'* (2001) // Nahabina M.M., Soboleva N.I. i dr. SPb.: Zlatoust, 2001. 32 s.
- 5- *Gosudarstvennyj standart po russkomu jazyku kak inostrannomu. Jelementarnyj uroven'* (2001) // Vladimirova T.E., Nahabina M.M. i dr. – SPb.: Zlatoust, 2001. 20 s.
- 6- Derjagina S.I. (2011), *K voprosu o glagol'no-imennyh slovosochetanjah pri obuchenii inostrannyh uchashhihsja russkomu jazyku* // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2011. № 12. S. 100–103.

- 7- Efremova Je.I. (2009), *Glagol'no-imennye opisatel'nye sochetanija kak vyraziteli grammaticheskoj semantiki* // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Jaroslava Mudrogo. 2009. № 54. S. 33–36.
- 8- Klepackaja Ja.V. (2010), *Sovershenstvovanie navykov postroenija i upotreblenija glagol'no-imennyh slovosochetanj v produktivnoj rechi*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. – SPb., 2010, 22 s.
- 9- Laguzova E.N. (2010), *Modal'no-ocenoch'naja semantika vyskazyvanij s opisatel'nymi glagol'no-imennymi oborotami* // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 4-2. S. 590-592.
- 10- *Leksicheskij minimum po russkomu jazyku kak inostrannomu. Bazovyj uroven'. Obshee vladenie* (2011) // Andrjushina N.P. i dr. – SPb.: Zlatoust, 2011. 116 s.
- 11- *Leksicheskij minimum po russkomu jazyku kak inostrannomu. Vtoroj sertifikacionnyj uroven'* (2011) // Andrjushina N.P., Afanas'eva I.N., Bitehina G.A., Klobukova L.P., Jacenko I.I. – SPb.: Zlatoust, 2011. 164 s.
- 12- *Leksicheskij minimum po russkomu jazyku kak inostrannomu. Pervyj sertifikacionnyj uroven'. Obshee vladenie* (2011) // Andrjushina N.P. i dr. – SPb.: Zlatoust, 2011. 200 s.
- 13- *Leksicheskij minimum po russkomu jazyku kak inostrannomu. Jelementarnyj uroven'. Obshee vladenie* (2012) // Andrjushina N.P. i dr. – SPb.: Zlatoust, 2012. 80 s.
- 14- Lobanova S.V. (2013), *Klassifikacija ustojchivyh glagol'no-imennyh sochetanj v sovremennom russkom jazyke: podhody i problemy* // Vestnik TGPU. 2013. №10 (138). S. 163–167
- 15- Makushina A.A. (2010), *Semanticheskoe vzaimodejstvie komponentov ustojchivyh glagol'no-imennyh sochetanj v drevnerusskom delovom jazyke* // Vestnik VolGU. Serija 2: Jazykoznanie. 2010. № 2–12. S. 73–76.
- 16- Olejnik M.A. (2006), *Obuchenie inostrannyh studentov-gumanitarijev russkim frazeologizmam*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. – SPb., 1991, 22 s.
- 17- Olzoeva Ja.V. (2012), *Opisatel'nye glagol'no-imennye oboroty kak sredstvo vyrazhenija vnutrisintaksicheskoi modal'nosti vozmozhnosti v sovremennom russkom jazyke* // Uchjonye zapiski ZabGU. Serija: Filologija, istorija, vostokovedenie. 2012. № 2. S. 44–48.

- 18- *Programma po ruskomu jazyku dlja inostrannyh grazhdan. Pervyj sertifikacionnyj uroven'. Obshhee vladenie* (2011) // Andrushina N.P. i dr. – SPb: Zlatoust, 2011. 176 s.
- 19- Rahbari Mahnaz, Valipur Alireza (2014), *Sopostavitel'noe izuchenie sposobov peredachi russkih glagol'no-imennyh ustojchivyh slovosochetaniy pri obuchenii ruskomu jazyku kak inostrannomu iranskih uchashhihsja* // Vestnik JuUrGU. Serija: Lingvistika. 2014. № 1. S. 40–44
- 20- Thumdala (1996), *Metodika obuchenija laoskih uchashhihsja vladeniju glagol'no-imennymi slovosochetanjami russkogo jazyka (na materiale nachal'no-bazovogo kursa)*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. – M., 1996, 26 s.
- 21- Shatilov A.S. (1991), *Obuchenie inostrannyh aspirantov nefilologicheskikh special'nostej vladeniju glagol'no-imennymi slovosochetanjami v ustnoj rechi na nachal'nom jetape*. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. – SPb., 1991, 22 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Arkadyeva T.G. et al. (2018). Training of Foreign Students in Verbal-Nominal Combinations in Different Spheres of Functioning, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp:27-43.

DOI: 10.29252/iarll.11.27

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-128-en.html>

**Biblical Images in the Poetry of Symbolism: Methodology of Analysis
(On the Example of the Image «Last Judgment» in the Poetry of
M.Voloshin)**

Koshemchuk Tatjana Alexandrovna¹

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: March, 2017; date of acceptance: September, 2017)

Abstract

The article deals with transformations of biblical images in the poetry of symbolism, wishing to break into the sphere of theology. Mythological poetry of M. Voloshin is in the center of the article. The image of the great religions of the world, the Last Judgment is analyzed. The main attention is focused on the stages and methods of analyzing the image of tradition in the poetry of the Silver Age. Their aim is to avoid mistakes in interpretation and evaluation, to identify the new that the poet gives in his conception as a result of transformation of the image. The process is shown to start with traditional wide commentary of the image, then all the material is divided into the essential and close to the poet's ideas and not important for him; then we see the new idea of the poet and the old components given in previous transformations of the image, by the way the wrong interpretations of the image are eliminated when we take into account the whole conception of the poet. As the important result we observe the new creation as the new knowledge given by the poet.

Keywords: Silver Age Poetry, Symbolism, Tradition, Interpretation, Last Judgment.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru

**Библейские образы в поэзии символизма: о методологии
анализа (на примере образа Страшного Суда в творчестве
М. Волошина)**

Кошемчук Татьяна Александровна¹

Профессор Санкт-Петербургского аграрного университета,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: март 2017 г.; дата принятия: сентябрь 2017 г.)

Аннотация

В статье рассматривается характер трансформации библейских образов в поэзии символизма, сознательно вторгающегося в область богословия. В центре внимания – творчество М. Волошина, поэта-мифотворца. Анализируется образ великих религий мира – Страшный Суд, на примере которого показаны этапы и методы анализа образа традиции у поэта Серебряного века. Их цель – избежание ошибок интерпретации и оценки, и выявление того нового, что дает поэт в своей концепции в результате трансформации образа. Показано, как начальный комментарий, набор сведений о главном анализируемом образе, расчленяется на существенное и родственное для волошинской мысли и побочное; на фоне первого выявляется знакомое, прозвучавшее в иных трансформациях образа у поэта, – и новое, ранее не бывшее; при этом отсеиваются ложные интерпретации – при учете всего контекста темы у поэта. В итоге дается главное – новое знание, которое дает поэт.

Ключевые слова: поэзия Серебряного века, символизм, традиция, интерпретация, Страшный Суд.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-34-00032.

Введение

Библейские тексты неотъемлемы от европейской поэзии, становятся ли сами сюжеты толчком для поэтического творчества, рождаются ли их образы в потоке ассоциаций как его элементы, – так или иначе всегда образ традиции, выполняя в тексте поэта то или иное задание, подвергается определенной трансформации. Характер ее меняется от эпохи к эпохе, имеет свои особенности у каждого поэта. Для поэта-символиста – такова изначальная посылка в дальнейших размышлениях – библейский образ есть отправная точка для личного гнозиса, для личного переживания идеи – некоего нового знания о мире. В настоящее время, когда Серебряный век все чаще становится объектом критики и обличения, точный вес и верная оценка особенно значимы, и их основание – тщательный анализ используемых поэтами-символистами религиозных образов и созданных на их основе концепций.

Основная часть

Если любой поэт, пишущий на религиозную тему, поневоле вносит новые нюансы в свою интерпретацию образов традиции, то поэт-символист с полной осознанностью и теоретической оправданностью вторгнется в сферу богословия, погружаясь в символические значения образов и сюжетов, извлекая своим проникающим усилием их сокрытые смыслы, – подготовленный, как правило, философскими и религиозными штудиями, опираясь на свою, христианскую традицию и имея опыт погружения в иные религиозные и мистические учения.

Характерный пример – поэтические претворения темы Страшного Суда. Она укоренена во всех великих религиях, в писаниях пророков, в Новом завете, в святоотеческих творениях, а также в мусульманской традиции. Известно, что Владимир Соловьев использовал и христианские, и мусульманские источники, обобщая материалы для своей «Краткой повести об

Антихристе». Этим произведением он неотразимо привлек внимание русских символистов к теме конца мира и, тем самым, Страшного Суда – к одной из тех тем, которые во всех названных источниках предстают в удивительном единстве и созвучии. Так, формула, данная М. Волошиным (Волошин 2004. 62):

*И каждый
Внутри себя увидел солнце
В Зверинем Круге...
И сам себя судил. –*

завершающие строки стихотворения «Суд» созвучны теме во всех великих традициях, ибо здесь лаконично и емко выражена общая мысль о том, что посмертная участь человеческой души определяется самим человеком, который на Суде видит свою книгу жизни, ранее сокрытую, – и тем самым судит себя. Один пример из многих – слова преподобного Ефрема Сирина: «Тогда станут они осуждать самих себя и дела свои, какие сделали» (Преподобный Ефрем Сиринос 2002. 444). Волошин лишь акцентировал человекоцентричность события Суда, не как внешнего наказания и возмездия, но как глубоко внутреннего акта, придав звучанию темы лаконичность и выразительность.

В поэзии Максимилиана Волошина (она здесь будет материалом для иллюстрации), дан образ Страшного Суда и в ином ракурсе: изменение мироздания, всего космического строя: Солнце погаснет, Луна изменится, небо свернется, звезды упадут – схожие подробности даются в видениях разных традиций. Все великие духовные памятники говорят о свороте всего видимого космоса, Волошин же акцентирует: стоящий над всем космосом Человек, смысл и осуществленная цель космической истории, не пройдет. Ведь и по писаниям святых отцов, космос был сотворен, солнце, луна и звезды

был создан Творцом «ради человека», и мысль Волошина созвучна тому: Человек остается непреходящей ценностью преходящего космического эона.

В волошинской синтетической концепции образ мира дается в библейском развороте от дня Творения и до дня Суда – так что тема Последнего часа встает с неизбежностью уже в силу космического размаха его космофических размышлений, углубленных антропософскими сообщениями об истории мира. Эта история мира мыслится Волошиным как ряд ступеней, этапов-переволплщений, по которым совершается восшествие человеческой индивидуальности: «Мир – лестница, по ступеням которой / Шел Человек...» (Волошин, 2004. 8).

Трудности понимания волошинской концепции велики. Одна из них – невольное стремление измерить идеи поэта их соответствием традиции, так что наличие сходных мотивов дает основание говорить о православии поэта, а явные отступления от нее позволяют, например, одному из православных священников доказывать в одной из интернет-публикаций, что Волошин заслуживает анафемы. У Волошина действительно есть идеи, выходящие за рамки православного богословия, которые ему тем не менее (и эту мысль стоит тщательно обосновать его исследователям) по духу глубоко созвучны. Так, в приведенном выше фрагменте: Солнце в зодиакальном круге человек в своем посмертии увидит *внутри* себя – здесь поэт выражает пережитую им мысль о том, что весь космос станет *внутренним* миром человека, и истоком для этого поэтического переживания была антропософия.

Из многообразия и даже противоположности оценок волошинских идей вытекает с очевидностью необходимость скрупулезного их выявления и точного понимания. Конечно, первым этапом станет комментирование – на чем часто и останавливаются исследователи в своих статьях – проработка историко-культурной, мифологической, философской и религиоведческой их основы. Если исследователь произвольно останавливает свой взор на

отдельных, бросающихся ему в глаза ассоциациях, из близких для него идейных течений, то он рискует приписать Волошину собственные взгляды. Так Э. Розенталь полагал, что Волошин был почти атеистом, не верившим в Бога, что ему были близки идеи Маркса. Антропософы говорят о Волошине-антропософе. Перед исследователем стоит труднейшая задача – охватить в себе всё то, что охватывал, из чего исходил сам Волошин, и более – нужно вслед за поэтом всё это ЗАБЫТЬ – такова одна из волошинских категорий: забвение как окончательное усвоение. И сами по себе указания на то, что и откуда у поэта «взято» и к чему «близко» – это еще весьма далеко от понимания. Важно избежать наивного стремления «прикрепить» волошинские мысли непременно к тому или иному учению, и тем самым как бы сделать для себя удобоваримыми. По словам Андрея Белого, «сумма всех влияний ничтожна в сравнении с "новым качеством", выявленным из химии соединения суммы влияний, и кроме того: разлагать писателя на "влияния" и суммой их характеризовать писателя – все равно, что характеризовать "Войну и мир" тем, что в наборе все буквы встретятся от "а" до "я"» (Белый, 1934. 38). Итак, исследователю стоит из всего круга увиденного как близкое, от «а» до «я», то есть из вообще ВСЕГО, выбрать существенное для Волошина – по закону избирательного сродства, и с учетом собственно волошинского познавательного метода, выношенного им на путях усвоения мудрости мира опознать в итоге в его поэтических идеях не соединение разного, но избирательную переплавку в духе собственного, изначально данного мировидения, в процессе его прорастания и углубления. Рост великого дерева возможен лишь на основе прочного и прямого ствола. И если Волошин говорит, что до встречи с антропософией он «мыслил исключительно в ее категориях» («и впредь буду мыслить не иначе», – добавил поэт) (Волошин, 2011. 348–349), то речь идет именно о познавательном методе, который в Штейнере дал небывалые ранее плоды, с которыми и соотносил Волошин свое

миропонимание на протяжении всей дальнейшей жизни. У нас нет ни одного свидетельства, которое могло бы поставить под сомнение эту ключевую посылку для понимания антропософии как ствола (метода), держащего всю крону древа.

Так, уже на предварительной стадии комментирования осуществив строгий отбор существенного для конкретной волошинской идеи из спектра сродственного ей, мы не поддадимся искушению случайных сопоставлений (Волошина и еще кого-то...): когда из двух возведенных архитектурных сооружений выбраны отдаленно сходные кирпичики или фрагменты – и сходство их ничего не говорит о сути дела. Или же созвучны сами принципы построения, схожи фундаменты – тогда сопоставление может быть говорящим и продуктивным. Если, например, идеи и познавательные принципы Гете были близки Волошину, то нужно показать, КАК развились они в его собственном творчестве. И тогда комментарий будет постепенно перерастать из распознавания отдельных фрагментов здания – в понимание замысла всей конструкции поэта.

Следующая задача – осуществление главного и захватывающе интересного, без чего предыдущее бессмысленно: проследить прорастание из всего «забытого» по законам и в логике волошинской мысли – собственных, волошинских идей. Даже когда мы говорим о соответствии идей поэта Библии или отеческим писаниям, речь идет менее всего о заимствовании или переложении (у Волошина так, у иных поэтов возможно иначе), но о соответствии, со-звучии, о собственном интонировании когда-то усвоенного и *забытого*, и о развитии из себя, из своего познавательного метода – созвучной мысли. Так в мысли о Суде как Суде человека над собой мы отмечаем это новое и ярко акцентированное: судил САМ, СЕБЯ. Что в пересечении с другими его стихотворениями на ту же тему нимало не умаляет роль Бога как грозного Судьи, ведь в гимне Богоматери звучит полярное:

*В грозный час,
Когда над нами —
Над забытыми гробами
Протрубит труба,
В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут... —*

Так описывается грозный и страшный Суд, опять же, сворачивающий всю Вселенную. И предстательницей за человека, которого судит грозный Бог, будет Божья Матерь:

*В час последний
В тьме кромешной
Над своей землёю грешной
Ты растелешь плат —
Надо всеми, кто ошую,
Кто во славе — одесную
Агнцу предстоят...
...Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзённой духом глины,
Без изъята — навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного суда.*

Здесь заступничество Богоматери – волошинская идея усиливает тему милости к человеку, контрастным фоном ей может стать фреска Страшного Суда Микеланджело, на которой кроткая Божья Матерь лишь робко

приютилась сбоку гневного и проклинаящего грешников Сына, не видящего Ее. В волошинской поэме Богородица до конца с человеком – чем усиливается не полюс гнева в теме Суда: «Тогда мучимые возопиют ко Господу – и не услышат их» (Преподобный Ефрем Сирийский, 2002. 444) – но милости, ибо всё, чего НЕ сделал обличаемый на Суде человек («О, племя упрямое! / Я стучал – вы не открыли, / Жаждал – вы не напоили, / Я алкал – не накормили, Я был наг – вы не одели...»), – сделала Она: «Я одела, я кормила, / Чресла Богу растворила, / Плотью нищий дух покрыла, / Солнце мира приютила / В чреве темноты...».

Так мы еще раз убеждаемся в очевидном: для верной оценки и тем более обвинений (например, в отрицании Спасения) нужно учесть всё высказанное Волошиным, ибо в творчестве поэта-символиста стихотворения складываются, восполняя друг друга, в стройные концепции. Без учета целого понимание невозможно, и критика, к которой столь склонен современный исследователь, может оказаться необоснованной.

К тому развернутый пример – образ Страшного Суда из венка сонетов М. Волошина «Lunaria», в таинственных, мерцающих тайными смыслами стихах, возводящих лунную тему к ее конечным судьбам. В венке сонетов дано также и начало, исток ее в космической истории. Феномен лунного мира дан в глубоком созерцании, в воздействии его на телесную природу и душу человека в жизни и в посмертии, в его духовном основании, предземной истории и в его конечной судьбе. К последнему аспекту принадлежат выделенные строки, не раз вызывавшие недоумения литературоведов:

*Но в День Суда единая порфира
Оденет нас – владычицу с рабой,
И пленных солнц рассытется прибой
У бледных ног Йошуа бен Пандира.*

Предварительная работа – собирание материалов о ключевой здесь фигуре – Бен Пандире во всевозможных словарях и энциклопедиях, которые дают отсылку к талмудической литературе и в двух версиях преподносят Бен Пандира (Бен Пандиру – Пантеру) либо как сниженный образ Христа, либо, под вопросом, другой личности, жившей до Христова пришествия в 1 веке до нашей эры. Первой версии придерживался и друг Волошина, поэт, литератор, меценат М. О. Цетлин, писавший под псевдонимом Амари: «В Волошине все раздражает обывателя: и изысканная эрудиция (кто догадается, что Иошуа бен Пандира — это Иисус Христос?). И склонность к оккультизму, и глухоторжественная манера читать стихи, и любовь к парадоксам и нелюбовь к Репину» (Цетлин 1918. 3). Догадка Цетлина тем не менее неверна или же верна приблизительно, на подступах к тем имевшимся у Волошина сведениям, которые его друг обозначил как им проблематически оцененную «склонность к оккультизму». Исходя из сведений, почерпнутых Волошиным у Р. Штейнера, речь идет именно о мудреце и посвященном, человеке, а не Богочеловеке, – Пандире из общины ессеев. И в самом общем смысле речь пойдет *о целом космосе – у ног человека*.

Так или иначе – исследователь серебряного века мгновенно распознает в контексте темы Страшного Суда из лунного волошинского венка точную цитату из скандально-известного стихотворения В. Брюсова в одну строку: «О закрой свои бледные ноги...». Брюсовский ранний эпатаж этого моностиха, проникший в зрелое произведение Волошина, не может не изумить и не стать толчком к размышлениям. Нужно здесь вспомнить и пародийную строку В. С. Соловьева, продолжение к брюсовскому стихотворению: «Ибо иначе простудишься» – в адрес особы, вероятно, «страдающей малокровием» (Соловьев 1914. 168). С другой стороны можно принять во внимание и брюсовское объяснение, что речь идет о Распятии, об обращении к распятию, «католические такие бывают "раскрашенные"», будто бы сказал сам Брюсов –

свидетельства за или против этой брюсовской версии собраны в статье В.В. Полонского «Брюсовский подтекст в венке сонетов «Lunaria» (Полонский 2000.101). Надо отметить и возможную связь темы «бледных ног» со стихотворением С. Малларме «Дар поэмы» ("Don du poete"). Так или иначе, брюсовский пикантный эпитет, возможно что и невольно возникший в потоке образов лунного венка у Волошина как мгновенный иронический выброс, этот штрих в волошинском контексте – здесь говорит интуиция исследователя – невозможен в применении к Христу. Ведь Волошин не Брюсов, который хотел «прославить» и Господа, и дьявола. Ничем подобным Волошин не грешен.

Ведь в строжайше продуманной концепции венка, по словам поэта, все обосновано и Пандир здесь «УМЕСТЕН И НЕОБХОДИМ» (Волошин 2011. 79). И этот легкий штрих («бледные») в сложнейшей гностической концепции, возможно иронически (впрочем, для иного слуха этого вовсе нет) интонирует на миг (лишь на миг: он ничем не поддержан в венке) образ человека – не Богочеловека.

В усилиях комментирования внимательный исследователь далее, в поисках разгадки, найдет дополнительные подробности о Бен Пандире в антропософии, из которой, как известно по волошинским письмам и острым спорам с Маргаритой Сабашниковой, из его собственных объяснений, – импульсировалась лунная волошинская концепция. И тогда станет понятно, что у Волошина Пандир – не талмудическое снижающее восприятие Христа, а некий высокий дух, воплощенный в 1 веке до нашей эры, глава ессеев, предвещавших Христово пришествие, о чем сообщает Штейнер: эта индивидуальность хорошо известна в оккультизме. Но также и внешне, через талмудическую литературу – говорит Штейнер, и тем самым поддержана вторая талмудическая версия, но дана в антропософии в своем внутреннем содержании: Бен Пандир был побит камнями за ересь, согласно которой ожидался новый импульс для человека на земле, так что его «я» не утратится с

концом земного существования (эти сведения мы находим в 123 томе Полного собрания сочинений Рудольфа Штейнера). По сути, речь в этой «ереси» для ветхозаветного мира шла именно о будущем Христовом Пришествии и воздействии Его на все мироздание.

Итак, речь идет о человеке Пандире, о мудреце и мученике за свое провозвестие. Но почему все же Волошин в теме Суда говорит не о Христе, вопреки нашим ожиданиям? Этот же вопрос может звучать так (в одной из исследовательских версий): почему на Суд человек приходит не к Христу, а к... Пандиру. Отсюда ведь и был сделан вывод: волошинский сонет есть «перверсия христианской эсхатологии». Этот тяжелейший упрек, и совершенно несправедливый, ставится Волошину в блестящей статье о венке сонетов «Lunagia» (Полонский, 2009). Более того, в ней усматривается, на основании повышенного внимания к брюсовскому слову, означившему для автора статьи «осмеянную мистику» (Полонский 2009. 103), – «космическая ирония» Волошина по отношению к свету. А ведь и в брюсовской строке, скорее, все же иное, а космическая ирония Волошину просто придумана без всяких обоснований.

Дело ведь в том, что в волошинском тексте человек НЕ приходит на Суд к Пандиру. В приведенном же упреке мы видим, что исследовательский обличительный произвол даже не стремится опереться на общий смысл произведения и вникнуть в саму концепцию (так, Луна в волошинском венке – не третья воплощение Земли, а небесное тело, возникшее в четвертом цикле, в котором повторяется, как в онтогенезе филогенез, предшествующее развитие).

И здесь нужно вернуться к нашей процедуре проникновения в смысл образа. Итак, Пандир, посвященный дохристианской эпохи, – человек. У его ног в Судный день, по мысли сонета, солнца, то есть все видимые материальные тела (*пленные* духовные сущности) рассыплется прибоем. Мы смотрим теперь шире – учитываем не только сам образ Пандира в теме Суда, а

его контекст: космический размах темы, Луна, Солнце, Земля и звезды... и для точной оценки вникаем в волошинскую космофию, в обрисованную Штейнером пульсацию вселенной – четыре этапа становления Земли, которые обозначены символическими именами: Сатурн, Солнце, Луна, Земля (см.: Очерк тайноведения»). О первых двух у Волошина написаны два одноименные стихотворения, причем так, что теперешнее небесное тело есть напоминание о предшествующей Вселенной. Луне – нашей Луне как она есть по преимуществу с отдельными воспоминаниями о предшествующем лунном этапе, оставившем нам свое наследие, – целый венок сонетов. Согласно штейнеровскому сообщению (созвучному современным гипотезам о возникновении Луны) наша Луна выделилась когда-то из земного тела, а согласно волошинскому четверостишию, вновь соединится с землей – в день Суда: Волошин говорит о *единой порфире*, покрывающей два небесных тела... когда *прибой* звезд обратится к ногам Человека. И мы прежде погружения в этот круг мыслей видим и еще раз формулируем, чтобы упрек в перверсии эсхатологии и отрицании Спасения нас более не тревожил: речь совсем не идет о приходе Человека на Суд, здесь мысль об ином: о космическом изменении Вселенной в День Суда.

И здесь мы за пределами комментирования, даже антропософского, но в приближении к самой волошинской МЫСЛИ в ее самобытности... Вспомним еще раз: Волошин говорил о «Lunagia», не только то, что там все обосновано, но еще и «МНОГОЕ УГАДАНО» (Волошин 2011. 78). Поэзия (читаем: волошинская поэзия) не пересказывает известного (что только и способны учесть мифопоэтически ориентированные комментарии), а стремится в область незнаемого; она не иллюстрирует и оккультные истины (и уж тем более мифологические сведения), а угадывает, открывает новое. Таково волошинское понимание (своей) поэзии. И потому оценка подобной мысли, стремящейся в неведомое, требует соответственной – оккультной – оценки.

Что, разумеется, выходит за пределы литературоведческого анализа. Лишь один из авторов исследований о Волошине решает на это: он вскрывает оккультную ошибку в венке сонетов, когда Волошин связывает лунный космос с Люцифером (Г.Ф. Пархоменко), и это уже шаг не только за пределы филологического подхода. Но тем не менее – такова основная идея текущего размышления: и в литературоведческих, и в специально антропософских работах исследователю важно по возможности понять поэта в том НОВОМ, которое он дает. Если уж мы имеем дело с одним из поэтов-символистов, не просто допускавших свободное творчество в духовной сфере, но прямо требовавших его от поэта, этого восходящего движения от реального – к реальнейшему.

В нашем примере: Бен Пандир – не сниженный в талмудической версии Христос (это мы поняли на основе комментария), но: Его предвестие, слабый проблеск; Пандир есть носитель мудрости в ветхозаветном строе, «лунном» в отношении к грядущей «солнечности» христианства. Лунная вселенная – давнопрошедшее земной истории, с Луной Землю связывает прошлое – сама она, ее видимый знак на небе есть символ этого космического прошедшего: «Ты жадный труп отвергнутого мира, // К живой Земле прикованный судьбой...». Для Волошина Бен Пандир – отраженный и опережающий *лунный* свет – перед восходом Солнца, слабый и... да, *бледный* свет.

Нам нужно учесть тонкие смыслы волошинского образа, того нового, что дает именно он... Пандир, человек, оказывается достаточен в теме Суда – над всем космическим прошлым, над ритмическим «прибоем» звездных миров, и все они исчезнут, изменятся, *рассыплются*, с прекращением земного этапа – у ног ЧЕЛОВЕКА, незыблемой и высшей цели всех космических процессов, величественных драм и трагических катастроф. «Человеческий дух древнее, чем земля и звезды», – выражал Волошин свое знание, а мир – «лестница», по которой поднимался человек.

Об этом ракурсе прошлого ведется речь у Волошина – об обращенности Земли к Луне, и Суда – к общности Земли и Луны в этой величественной космической драме: в Судный день они соединятся, а «пленные солнца», их прибой – лишь волны, бегущие к ногам Человека. Здесь, как выразилась однажды Е. Герцык, «эзотерическое углубление» космической истории: она человекоцентрична (всё в ней ради Человека). И в этом лике Человек (Пандир) ВЫШЕ космоса, который весь как волны – ради него и весь космос рассыпется в последний Час –

*...когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь пламенами,
Предстанет на суд...
...Солнце мраком обернется,
И, как книга, развернется
Небо надвое... (Волошин 2004. 99)*

Тогда настанет решительный час предстояния Божьей Матери – за человека.

Но Волошин писал и о событии Христова Пришествия:

*Он придет не в силе и не в славе,
Он пройдет в полях, как тишина.
Ничего не тронет и не сломит,
Тлеющего не погасит льна
И дрожащей трости не преломит.
Не возвысит голоса в горах,
Ни вина, ни хлеба не коснется,*

Только всё усталое в сердцах

Вслед Ему с тоскою обернется...

Поэт говорит о Пришествии Его: «не в силе и не в славе» – как будто в образном нюансе, отличным от традиции, речь идет о приходе не в теле физическом и плотном: Он ни к чему земному не прикоснется, но в теле тонком (эфирном). Тихим и нежным видится поэту это духовное Событие последних времен, Его приход – к уставшим душам, пережившим все события перед концом мира, – поэт невольно соотносит эту усталость со своей, в апокалипсических событиях революции («Мы пережили илиады войн и апокалипсисы революций...»). И здесь вновь мы видим волошинскую сложность образа, здесь им дан Лик кроткий как необходимое восполнение к Лику гневному – один без другого невозможен, и лишь вместе эти Лики дают необходимую для мысли глубину.

В этих ракурсах единой темы, которую необходимо обозреть сразу всю, не принимая фрагмент ее за целое, всю волошинскую историю Космоса, венец которой СУД. И в этом ракурсе темы, в обращенности к человеку, к итогу – к Новой земле, к человеческим сердцам Пандир, конечно, невозможен. Здесь именно Он – Христос.

Но вернемся еще раз к Пандиру, ибо здесь завершается в Час Суда – прошлое: кончается, сворачивается история космоса – у этих «бледных ног». Да, здесь «все обосновано», и все же... Волошин ощущал проблематичность «Пандира», так хорошо рифмующегося в сонете со словом «порфира», это становится понятным из контекста его споров с М. Сабашниковой, которая упрекала его в путанице и отступлениях от учения Штейнера о Луне, ведь соединил Пандира с Луной (он как Луна перед Христом-Солнцем) сам Волошин – у Штейнера впрямую этого нет, и Маргарита возмущена именно тем новым, что дает волошинское интуитивное прозрение. Но в итоге Пандир

Волошиным у себя – оправдан, это будет еще понятнее, если учесть волошинское же признание, о том что подход к прошлому в этом венке – люциферический, то есть обращенный к прошлому в его системе знания и понимания. Связь Пандира с Луной (дохристианского человека – с Луной как прошедшим Земли) – шаг его личного гнозиса, в котором он не отталкивался от предшествующего знания, но открывал новое. Характерно, что М. Сабашникова не допускала подобных новаций, в соответствии со своей, угаданной Волошиным, «тайной мыслью»: на это имеют право лишь знающие, провидцы, адепты, а не поэты. «Стихи пишутся не о том, что знаешь, а о том, что чувствуешь, о чем догадываешься. Они говорят не об объективной истине, а о том, что переживает и познает моя «Я» на одной из промежуточных ступеней» (Волошин 2011. 78) – такова противопоставленная упрекам в путанице позиция Волошина, ведь, по его мнению, творчество должно «стучаться туда, в ту область, которой я еще не знаю» (Там. 79).

Заключение

Итак, выявление нового слова поэта в русле его темы есть задача исследователя, как соиздание нового познания было делом поэта-символиста. Отношение к самой задаче может быть неоднозначным. Можно принимать эту позицию и тем самым воспринять глубинный импульс эпохи символизма – или обличать его как ересь; видеть здесь новое творчество в его сложных отношениях с традицией – или духовное надмение и люциферизм. В любом случае важно понимать, что волошинский взгляд на поэтическое новое творчество, стремящееся в оккультную или религиозную области, есть знак времени – в этом сказывается органическая связь Волошина с эпохой символизма. Убедительность же и глубину самой идеи, явленной поэтом, всякий раз нужно исследовать тщательно и непредвзято (что мы и пытались

сделать в статье). Тон же, который задает Волошин в своих размышлениях о Луне и о Страшном Суде, – благоговение. Поэт указывает на многие тайны мира в венке сонетов, благоговейно признавая их величие: «И пред тобой, – пред тайной глубины, // Склоняюсь я в молчании великом, // Жемчужина небесной тишины».

Литература

- 1- Белый А. (1934), *Мастерство Гоголя*. М.–Л., Изд-во «ОГИЗ».
- 2- Волошин М.А. (2004), *Собрание сочинений*. Т. 2. М., Изд-во «Эллис Лак».
- 3- Волошин М.А. (2011), *Собрание сочинений*. Т. 10. М., Изд-во «Эллис Лак».
- 4- Ефрем Сирин, прп. (2002), *Избранное*. М., Изд-во «Правосл. братство св. ап. Иоанна Богослова».
- 5- Полонский В.В. (2009), *Брюсовский подтекст в венке сонетов «Lunaria» // Творчество Максимилиана Волошина: Семантика. Поэтика. Контекст: Сборник статей*. М., Изд-во «Азбуковник».
- 6- Соловьев В.С. (1914), *Русские символисты // Соловьев В.С. Собрание сочинений*. Т. 7. СПб., Изд-во «Просвещение».
- 7- Цетлин М. (1918). *Макс. Волошин // Понедельник*. № 8. 9 (22) апреля.

Bibliography

- 1- Belyj A. (1934), *Masterstvo Gogolja*. M.–L., Izd-vo «OGIZ».
- 2- Voloshin M.A. (2004), *Sobranie sochinenij*. T. 2. M., Izd-vo «Jellis Lak».
- 3- Voloshin M.A. (2011), *Sobranie sochinenij*. T. 10. M., Izd-vo «Jellis Lak».
- 4- Efrem Sirin, prp. (2002), *Izbrannoe*. M., Izd-vo «Pravosl. bratstvo sv. ap. Ioanna Bogoslova».
- 5- Polonskij V.V. (2009), *Brjusovskij podtekst v venke sonetov «Lunaria» // Tvorchestvo Maksimiliana Voloshina: Semantika. Pojetika. Kontekst: Sbornik statej*. M., Izd-vo «Azbukovnik».
- 6- Solov'ev V.S. (1914), *Russkie simvolisty // Solov'ev V.S. Sobranie sochinenij*. T. 7. SPb., Izd-vo «Prosveshhenie».

7- Cetlin M. (1918). *Maks. Voloshin* // Ponedel'nik. № 8. 9 (22) aprelja.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Koshemchuk Tatjana Alexandrovna (2018). Biblical Images in the Poetry of Symbolism: Methodology of Analysis (On the Example of the Image «Last Judgment» in the Poetry of M.Voloshin), *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp:45-63.

DOI: 10.29252/iarll.11.45

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-129-en.html>

On the Role of Derivational Processes in the Formation of Non-Taxonomic Classes of Lexical Units in Russian

Kharitonchik Zinaida Andreevna¹

Professor, Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus.

(date of receiving: October, 2017; date of acceptance: February, 2018)

Abstract

The paper is focused on classes of lexical units which arise as a result of derivational processes – word formation and semantic transfers, acting either in isolation or together, on the basis of common semantic foundations that bind targets and sources of derivation. The lexical items which constitute the classes under study vary in their denotative characteristics and due to their categorial semantic components belong to different taxonomic classes and subclasses. Nevertheless, in metaphoric transfers or word formation processes they get semantically drawn to one another since similarity in appearance, form and other perceptual features, locative, temporal, etc. properties and form specific non-taxonomic subsystems which differ from known semantic taxonomies. Some types of non-taxonomic classes of the Russian lexicon are described.

Keywords: Lexicon, Taxonomy, Non-Taxonomic Subsystem, Word Formation, Semantic Derivation, Conceptual Blend.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru

О роли деривационных процессов в формировании нетаксономических классов лексических единиц в русском языке

Харитончик Зинаида Андреевна¹

Профессор Минского государственного лингвистического университета,
Минск, Беларусь.

(дата получения: октябрь 2017 г.; дата принятия: февраль 2018 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются группы лексических единиц, которые формируются в результате деривационных процессов – словообразования и семантической деривации, действующих как отдельно, так и совместно, на базе устанавливаемых в ходе деривации общих семантических оснований, связывающих цели и источники номинации. Единицы, входящие в состав анализируемых объединений, различны по своим денотативным характеристикам и по своим категориальным свойствам относятся к разным таксономическим классам и подклассам. Тем не менее, в метафорических переносах или словообразовании они семантически сближаются благодаря общности подобия по внешнему виду, форме и иным перцептивным признакам, локативным, темпоральным и другим свойствам и образуют особые нетаксономические подсистемы, отличающиеся от известных семантических таксономий. В работе описываются разные типы нетаксономических объединений русской лексики.

Ключевые слова: Лексика, Таксономия, Нетаксономическая Подсистема, Словообразование, Семантическая Деривация, Концептуальное Интегративное Пространство.

1. E-mail: zkharitonchik@mail.ru

Введение

XX-й век, прошедший в лингвистике под девизом системности как основополагающем принципе организации языка, ознаменовался активным поиском связей и отношений между языковыми единицами. Не стала исключением в этом плане и лексика с ее открытостью, подвижностью и огромным числом номинативных единиц разного плана, среди которых слова, несомненно, занимают центральное место. И хотя, как отмечали сторонники Пражской лингвистической школы, поскольку лексические системы шире и сложнее морфологических, «лингвистам вряд ли удастся когда-либо представить их с такой же ясностью и точностью, как последние» (Тезисы 1967, 38), в словарном составе языка стали видеть, по выражению Д. Геерарта, «не просто неструктурированный мешок слов, но сеть выражений, взаимосвязанных всевозможными типами семантических отношений»¹.

Глубокий интерес к содержательной стороне языка привел не только к осознанию неоднородности и многообразия семантических связей между лексическими единицами и переключению исследовательского внимания с традиционно описываемых синонимических, антонимических отношений на менее изученные гиперо-гипонимические, меронимические и т.д. связи в лексике. Многоплановость отношений и параметров, благодаря которым лексические единицы образуют единую сложно структурированную систему, детерминировала разнообразие предлагаемых построений и классификаций, отражающих в своей совокупности неоднородность принципов системной организации лексики, с одной стороны, и ограниченность систематики, предлагаемой в рамках той или иной классификации, с другой. Не останавливаясь на многочисленных описаниях функционально-семантических

1. "The vocabulary of the language is not just an unstructured bag of words, but a network of expressions that are mutually related by all kinds of semantic links" (Geeraerts 2010, 112).

(ФСР), лексических (семантических, лексико-семантических) полей, построений типа WordNet, FrameNet и т.д., скажем, что в области лексики русского языка с ее богатым и постоянно пополняющимся набором лексических единиц попытки их систематизации привели к установлению разного типа объединений, из которых семантические классификации, несомненно, наиболее интересны и сложны. Из них общее признание получили таксономические описания, например, семантическая классификация имен существительных русского языка (Русский семантический словарь 1998, 2000, 2003), семантическая классификация глаголов (Русский семантический словарь 2007, Русские глагольные предложения. Экспериментальный синтаксический словарь 2002), семантическая классификация имен прилагательных (Шрамм 1979) и др. Следует подчеркнуть, что данные классификации продолжают зародившуюся еще в древности традицию (см. например, разработанную Аристотелем классификацию субстанций, дошедшую до нас в виде «дерева Порфирия» (рис.1) [цит. по: (Степанов 1981, 74)]:

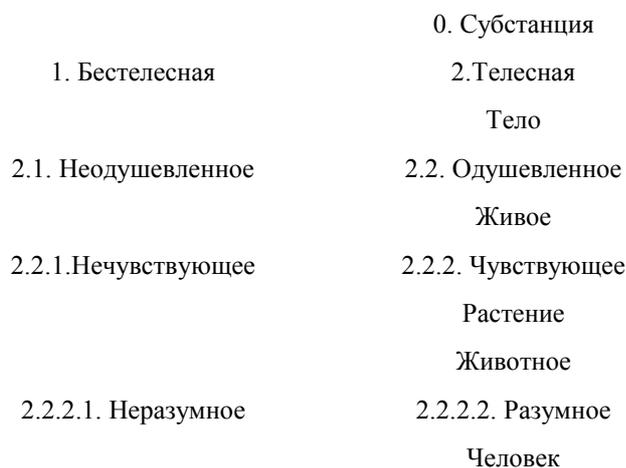

Рис. 1. «Дерево Порфирия»

которая в ее модифицированном, как это предлагает Ю.С. Степанов (Степанов 1981, 76), или даже в немодифицированном виде «представляет собой таксономию имен существительных естественного языка – их семиологическую классификацию» (Степанов 1981, 75]. Следуя таксономическим принципам, согласно которым классифицируемые объекты выстраиваются в древовидную иерархию «таксономических рангов (категорий), связанных отношением последовательного включения от низшего ранга к высшему; каждому рангу в Т. соответствует класс объектов (таксон), характеризуемый определ. степенью обобщенности» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, 504), авторы названных классификаций лексики русского языка в своих попытках так или иначе охватить «наивную систематику мира» в ходе анализа лексических значений слов по линии их семантических связей стараются сохранить строгую иерархичность в организации описываемых единиц, включая гиперо-гипонимические и меронимические иерархии как два разных типа таксономических структур. Это, однако, не всегда удается вследствие онтологически присущих лексической системе диффузности, расплывчатости границ между отдельными единицами, отсутствия таксонов на тех или иных уровнях и многих других неоднократно отмечаемых в семасиологических трудах ее характеристик, что тем не менее никоим образом не умаляет значимости данных построений, которые с успехом применяются для описания содержательной стороны самых разных языковых явлений русского языка.

В общую картину системных описаний лексики русского языка хорошо вписываются тесно соприкасающиеся с общими таксономиями и особенно популярные с 60-ых гг. XX в. исследования функционально-семантических полей, лексико-семантических (семантических, тематических) групп (полей, микросистем и т.д.). Каждое из них, в свою очередь, демонстрирует, как убедительно было показано Ч. Филлмором, своеобразие внутренней

организации в виде лексических парадигм, цепочечных структур, циклов, сетей, фреймов и т.д. (Филлмор. 1983), раскрывающих наглядно и убедительно те многочисленные семантические нити, благодаря которым лексика русского языка является тесно взаимосвязанной целостной системой.

Основная часть

Цель исследования

В предлагаемой ниже работе мы исходим из того, что «одно и то же множество значений может быть разбито несколькими способами, не исключаящими друг друга. По той же причине следует с самого начала принять возможность многих семантических классификаций на разных основаниях, находящихся в дополнительных отношениях друг к другу» (Никитин 2007, 368.). Не ставя своей задачей ни перечисление всех существующих классифицирующих описаний лексики русского языка, ни, тем более, их анализ, подчеркнем, что все они строятся на основании категориальных семантических свойств лексических единиц, определяющих принадлежность единицы к тому или иному уровню таксономии или той или иной лексико-семантической группе. Важно при этом отметить, что систематизация лексики в них ведется по главным, магистральным семантическим связям, основанным на сущностных референциальных свойствах и формирующим, образно говоря, основные артерии языкового организма. Соответственно за рамками словарной систематики остаются единицы, семантически связанные, но образующие иные по сравнению с принятыми таксономиями и лексическими объединениями группы. Гораздо менее изученные по сравнению с семантическими таксономиями разных типов и противостоящие им как нетаксономические классы, идущие, по меткому наблюдению М.В. Никитина, «поперек таксономических» (Там же. 685), они также неоднородны, и их исчерпывающее освещение – актуальная задача современной лингвистики.

Объектом нашего исследования являются отдельные разновидности нетаксономических лексических объединений русского языка. Единицы, входящие в их состав, различны по своим денотативным характеристикам и соответственно относятся к разным таксономическим классам и подклассам. Объединяет их в единую нетаксономическую по своему характеру группу некоторый некатегориальный признак. Например, в словах *клин*, *обруч*, *колесо*, *крюк*, *подкова*, *серп*, *петля*, *шар*, *клубок*, *завиток*, *змейка* и многих других общим является такой их салиентный признак, как своеобразная форма, актуализируемая в метафорических переносах, основанных на подобии внешнего вида или формы. Ср. *корчевальный клин*, *гигантский клин* *аномально теплой воды*, *целый клин* *огромных одуванчиков*, *Летит*, *летит по небу клин* *усталый*; *обруч* *солнца*, *обруч* *истосковавшихся рук*; *колесо* *свернутой веревки*, *колесо* *новостей*, *колесо* *репрессий*, *колесо* *юстиции*, *колесо* *жизни*; *крюк* *согнутой руки*, *согнутым в крюк* *дрожащим пальцем*, *крюк* *обмана*, *жизнь* *сделала маленький крюк*; *подкова* *зимнего сада*, *обширная подкова* *старой больницы*, *подкова* *чистых песков*, *серебряная подкова* *луны*, *подкова* *рта*; *бледный серп* *месяца*, *узкий оранжевый серп* *луны*, *узкий серп* *Солнца*, *серп* *моря внизу*, *серп* *наиболее дорогих кварталов города*, *сверкающий серп* *Садового кольца*; *многокилометровая петля* *подземного туннеля*, *петля* *огромной облавы*, *петля* *запутанной дороги*, *петля* *времени*, *мощная экономическая петля*, *общая петля* *обратной связи*, *петля* *восторга*, *эдакая мозговая петля*; *весь этот животворный шар* *из плоти её и крови*, *лёгкий шар* *черпака*, *игольчатый шар* *морского ежа*, *шар* *дорогой ветчины*, *шар* *белого дыма*, *темный шар* *головы*, *красиво уложенный белокурый шар* *волос*; *клубок* *тел*, *клубок* *голых доходяг*, *клубок* *дыма*, *клубок* *из серых нитяных туч*, *целый клубок* *проблем*, *клубок* *противоречий*, *клубок* *эмоций*, *клубок* *нелепостей*, *огромный клубок* *измен и предательства*; *завиток* *раскаленного металла*, *завиток* *сосновой стружки*, *завиток* *дороги*, *завиток*

сережки-розочки, бледно-жёлтый завиток луны, завиток волны созвучен завитку раковины, завиток ивановской мысли; серебристая змейка реки, змейка велосипедов, змейка цветочных поездов, красная змейка лопнувшего сосуда, змейка запаха, змейка страдания и др. (Все примеры, сокращенные в целях экономии места до словосочетаний, взяты из Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка). Признак формы определенного типа образует общее концептуальное интегративное пространство, связывающее основные и переносные значения приведенных выше слов. Именно на базе указанного некатегориального семантического компонента осуществляется сближение лексических единиц, в основных своих значениях по своим денотативным характеристикам относящихся к разным таксонам – наименованиям артефактов с разными типами их целевого использования (*серп, подкова, клин, крюк* и др.), частей артефактов (*колесо, обруч*), геометрических фигур (*петля, шар*), живых существ (*змейка*) и т.д., но формирующих общую группу единиц, обозначающих что-то с определенной, своеобразной формой. Этот ряд слов довольно объемён: к нему также относятся и *зонтик (зонтик укропа, зонтик плодоносящей моркови, зонтик медузы), коса (коса дорожки, коса тропинок), антенна (мощная антенна русских энергии, антенна повальной предопределенности), лента (лента транспортёра, лента дороги, лента асфальта, лента голубой Атлантики, лента жизни, лента новостей информационного агентства, лента календаря событий), струна (солнечные струны, струны в моей душе, струны моего сердца, струны любви и участия, пьянящие струны восторга от окружающего мира), шпиль (острый шпиль легкокрылого зонтика, сухой шпиль лиственницы, скалистый шпиль), меч (молнии двужалый меч, А под стрехой сосульки меч), клавиши (клавиши электростеклоподъемников, клавиши компьютера, клавиши тротуаров, природы клавиши, все клавиши системы)*. Деривационный процесс, в настоящем случае метафорический

перенос имени, в котором профилируется тот или иной некатегориальный салиентный признак источника, выбираемого для обозначения цели, или даже одновременно несколько признаков (ср., например, сочетание *клавиши белых берез*, в котором уподобление, вероятно, осуществляется по признаку формы и чередования белого и черного цвета) становится одновременно процедурой, необходимой для данного нетаксономического объединения и эксплицитно отражающей тот неоспоримый факт, что пользователи языка улавливают сходство объектов не только по сущностным их свойствам, но и по многим другим параметрам, приобретающим значимость в определенных ситуациях, и используют его в языковой практике для реализации многих своих номинативных и коммуникативных целей.

Сближая семантически разные лексические единицы – источники, данный деривационный процесс ведет к образованию на основе вторичных значений слов еще одной группы семантически близких наименований, характеризующих общностью некоторого признака, в частности формы в ее своеобразных проявлениях. Упомянув о подобных группировках лексических единиц при описании концептуальных метафор, известный семасиолог Д. Геерартс предлагает назвать их *figurative lexical fields* ‘образными лексическими полями’ (Geerarts 2010, 282), а М.В. Никитин – аналогическими (Никитин 2007, 684–685).

Продолжая описание семантических объединений, представляющих собой множества единиц, объединяемые общим интегративным некатегориальным семантическим компонентом, следует отметить, что к ним относятся не только группы лексики, основанные на разных параметрических признаках. Такого рода семантические объединения могут строиться также на общности локативных, темпоральных, перцептивных и др. семантических компонентов, присущих значениям лексических единиц в качестве второстепенных или потенциальных, латентных. Так, наименования птиц в русском языке, во

внутренней форме которых доминирующим оказывается указание на место их обитания, однозначно демонстрируют сближение по локативному признаку наименований растений, чаще всего деревьев, произрастающих в определенных местах, в которых обитают или питаются птицы (*еловик, сосновик, березовик, крапивник, камышевка, камышница*), с наименованиями водоемов и их границ (*озерник, береговушка*), веществ (*грязовик, песочник, песчанка, каменка*) и др.

Очевидно также, что семантическое объединение лексических единиц есть результат их участия в деривационных процессах – семантической деривации (в первом случае) и словообразовании (во втором), действующих как отдельно, так и совместно. Единая природа этих ведущих способов номинации, согласно которой новые имена – не изобретаемые новые звуковые комплексы, но слова, создаваемые на базе уже имеющихся в лексике единиц, характеризуемых определенным содержанием, обязательно требует при выборе ономаσιологического источника установления общих семантических оснований, связывающих цели и источники номинации. Поскольку в качестве таких оснований могут выступать как категориальные, так и, как было показано выше, некатегориальные признаки, деривационно релевантная сеть лексических категорий включает и таксономические классы, и, что особенно важно в контексте данной работы, нетаксономические семантические множества, связь членов которых становится явной при их функционировании как мотивирующих единиц.

Картина семантического сближения слов в деривационных процессах может быть чрезвычайно сложной. Так, в образованиях типа *луноход, марсоход, планетоход, мореход, пароход, газоход, водоход, рыбоход, плотоход, мотоснегоболотоход* и др. наименования небесных тел становятся в один ряд с обозначениями веществ в разных состояниях, выполняя при этом разные семантические роли в значениях слов. В сложных словах типа

ботворез, кусторез, ледорез, волнорез, дернорез, камнерез, керосинорез, корнерез, косторез, резьборез, головорез, бельморез, зуборез; бензорезчик, болторезчик, бинторезчик, газорезчик, ленторезчик, соломорезчик, стопорезчик, корьерезчик и др. мотивирующие имена существительные семантически объединяются в одну широкую категорию объекта, на который или с помощью которого оказывается воздействие. Им аналогичны *высотомер, глубиномер, грунтомер, дождемер, землемер, зубомер, каверномер, керосиномер, кислотомер, люфтомер, молокомер, облакомер, росомер, резьбомер, рельсомер, пылемер, ростомер, силомер, секундомер, скоростемер, снегомер, солемер, спиртомер, струномер, тепломер, паромер, тягомер, угломер, уровнемер, холстомер, частотомер, цветомер, шагомер* и т.д.¹

Еще один пример семантического сближения мы наблюдаем у слов типа *болт, винт, спичка, ключ, граната, булавка, станок, ракета, рельс, скрипка, виолончель, кость, мышца, мак, пион, клевер, лук, чеснок* и др., кардинально различающихся своими категориальными свойствами, которыми обуславливается их принадлежность в таксономической систематике к разным классам, в частности, названиям артефактов разных типов, частей тела, растений и т.д. Семантическое сближение в данном конкретном случае осуществляется благодаря тому, что референтам обозначаемых сущностей присуща некоторая небольшая по размеру часть, своей формой напоминающая форму головы, называемая в русском языке *головкой*. Соответственно, в ходе деривационных процессов (их характер и деривационная история слов сейчас не обсуждаются) в русском языке возникает холо-меронимическая структура своеобразного типа, в которой имя *головка* в своих вторичных значениях обозначает части разных целых (*болта, мышцы, мака* и т.д.), объединяемых

1. Примеры производных и сложных слов взяты из (Тихонов 1990).

наличием этих сходных по форме частей. (Мы также опускаем здесь естественно возникающий, но трудно разрешаемый вопрос о том, имеет ли место при этом одно или несколько значений, омонимия, многозначность или широкозначность). Существование аналогичных структур с метафорическими обозначениями частей типа *ножка* (*мебели, утвари, прибора, какого-н. устройства, тюльпана, гвоздики, ландыша, одуванчика, лисички, сыроежки, циркуля и т.д.*), *ушко* (*иголки, медали, брелока, часов, сапога, бомбы, сердца и т.д.*), *носик* (*чайника, кувшина, ручкомойника, башмачка и т.д.*) и многих других делают данную холо-мерономию серийной, а соответствующую нетаксономическую подсистему с идентичным типом семантических отношений разветвленной.

Заключение

Таким образом, становится очевидным, во-первых, что для словообразования и семантической деривации релевантны не только таксономические характеристики исходных и производных лексических единиц, предопределяющие функционирование наиболее продуктивных их моделей. Для данных номинативных стратегий значимы также некатегориальные компоненты значений лексических единиц, наиболее ярко высвечиваемые в деривационных процессах. Во-вторых, говорящие в поиске источников, необходимых для именованя того, что требует означивания, улавливают многочисленные возможные связи объектов и явлений реального мира и тем самым линии, дополняющие и расширяющие сеть их таксономических отношений. Соответственно в результате деривационных процессов выстраиваются нетаксономические лексические объединения, усложняющие общую картину системной организации лексикона, но упрощающие поиск необходимых выражений при порождении речи и облегчающие их понимание при ее восприятии и декодировании.

Литература

- 1- *Лингвистический энциклопедический словарь.* (1990). Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Изд-во «Сов.энцикл».
- 2- *Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].* – Режим доступа: <http://www.ruscorgora.ru>. (Дата доступа: 15.01.2018).
- 3- Никитин, М.В. (2007). *Курс лингвистической семантики.* –2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Изд-во «РГПУ им. А. И. Герцена».
- 4- Бабенко, Л.Г. и др. (2002). *Русские глагольные предложения. Экспериментальный синтаксический словарь.* Под общ. ред. профессора Л.Г. Бабенко. – М.: Изд-во «Флинта: Наука».
- 5- *Русский семантический словарь (1998). Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений /* под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). – М.: Изд-во «Азбуковни».
- 6- *Т. 2: Имена существительные с конкретным значением. Все, создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда);* организации и учреждения. Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. –М.: Изд-во «Азбуковник», 2000.
- 7- *Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением бытие, материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир.* Состояние природы, человека. Общество. – М.: Изд-во «Азбуковник», 2003.
- 8- *Русский семантический словарь (2007). Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений.* Том IV. Глагол. Под общей редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой. – М.: Изд-во «РАН Ин-т рус. яз., Азбуковник».
- 9- Степанов, Ю.С. (1981). *Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика.* – М.: Изд-во «Наука».
- 10- *Тезисы Пражского лингвистического кружка (1967)* Пражский лингвистический кружок: сб. статей. – М., «Прогресс, 17–41.
- 11- Тихонов, А.Н. (1990). *Словообразовательный словарь русского языка.* В двух томах. Т.1., Т.2.– М.: Изд-во «Русский язык».
- 12- Филлмор, Ч.Дж. (1983). *Об организации семантической информации в словаре, Новое в зарубежной лингвистике.* Проблемы и методы лексикографии. – Вып. XIV. – М.: Изд-во «Прогресс», 23–60.

- 13- Шрамм, А.Н. (1979). *Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка)*. – Л., Изд-во «Ленингр. ун-та».
- 14- Geeraerts D. (2010). *Theories of Lexical Semantics*. – New York, Oxford University Press.

Bibliography

- 15- *Лингвистический энциклопедический словарь*. (1990). Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Изд-во «Сов.энцикл».
- 16- *Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru>. (Дата доступа: 15.01.2018).
- 17- Никитин, М.В. (2007). *Курс лингвистической семантики*. –2-е изд., доп. и испр. – СПб.: Изд-во «РГПУ им. А. И. Герцена».
- 18- Бабенко, Л.Г. и др. (2002). *Русские глагольные предложения. Экспериментальный синтаксический словарь*. Под общ. ред. профессора Л.Г. Бабенко. – М.: Изд-во «Флинта: Наука».
- 19- *Русский семантический словарь (1998). Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н.Ю. Шведовой*. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). – М.: Изд-во «Азбуковни».
- 20- *Т. 2: Имена существительные с конкретным значением. Все, создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки, дороги; вещественные продукты труда); организации и учреждения. Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению*. –М.: Изд-во «Азбуковник», 2000.
- 21- *Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением бытие, материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество*. – М.: Изд-во «Азбуковник», 2003.
- 22- *Русский семантический словарь (2007). Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Том IV. Глагол. Под общей редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой. – М.: Изд-во «РАН Ин-т рус. яз., Азбуковник».
- 23- Степанов, Ю.С. (1981). *Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика*. – М.: Изд-во «Наука».
- 24- *Тезисы Пражского лингвистического кружка (1967) Пражский лингвистический кружок: сб. статей*. – М., «Прогресс», 17–41.

- 25- Тихонов, А.Н. (1990). *Словообразовательный словарь русского языка*. В двух томах. Т.1., Т.2.– М.: Изд-во «Русский язык».
- 26- Филлмор, Ч.Дж. (1983). *Об организации семантической информации в словаре, Новое в зарубежной лингвистике*. Проблемы и методы лексикографии. – Вып. XIV. – М.: Изд-во «Прогресс», 23–60.
- 27- Шрамм, А.Н. (1979). *Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка)*. – Л., Изд-во «Ленингр. ун-та».
- 28- Geeraerts D. (2010). *Theories of Lexical Semantics*. – New York, Oxford University Press.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Kharitonchik Zinaida A. (2018). On the Role of Derivational Processes in the Formation of Non-Taxonomic Classes of Lexical Units in Russian, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literaturny*, 11(1): pp: 65-79.

DOI: 10.29252/iarll.11.65

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-130-en.html>

Gender Representation of Emotions in the Novel *A Hero of Our Time* by Mikhail Lermontov

Abramova Veronika Igorevna¹

Associate Professor, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University
Tula, Russia

(date of receiving: November, 2017; date of acceptance: February, 2018)

Abstract

The article deals with emotions represented through images of the characters of M.Y. Lermontov's novel *A Hero of Our Time*. The author consecutively analyzes elements of the text, in which emotions of male and female characters are nominated, directly expressed and described. The number of lexical units and text elements involved in the representation of a particular emotion is recorded in tables. The author found and described in detail representation of the following emotions: joy, sadness, surprise, anger, curiosity, contempt, disgust, shame, guilt, fear. The author comes to the conclusion that an androcentric emotional picture of the world is created in the novel *A Hero of Our Time*. The male characters represent a wider range of emotions, in greater quantity; use more expressive means in this picture of the world than the female characters. The author explains this by the fact that the writer, who created the novel, as well as the narrator characters in the text, is a man. In addition, representation of emotions is affected by a form of the narration (Pechorin's diary) and a cultural context.

Keywords: Emotion, Nomination, Description, Expression, Gender Representation.

1. E-mail: istinijobraz@mail.ru

Гендерная репрезентация эмоций в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

Абрамова Вероника Игоревна¹

Доцент, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.
Толстого,
Тула, Россия.

(дата получения: ноябрь 2017 г.; дата принятия: февраль 2018 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются эмоции, репрезентированные через образы персонажей романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Автор последовательно анализирует элементы текста, в которых эмоции мужских и женских персонажей номинированы, непосредственно выражены и описаны. Количество лексических единиц и элементов текста, участвующих в репрезентации той или иной эмоции, заносится в таблицы. Автором найдена и подробно описана репрезентация следующих эмоций: радость, печаль, удивление, гнев, любопытство, презрение, отвращение, стыд, чувство вины, страх. Автор приходит к выводу, что в романе «Герой нашего времени» создана андроцентричная эмоциональная картина мира. В ней персонажи-мужчины репрезентируют больший спектр эмоций, в большем количестве, используют больше выразительных средств, чем персонажи-женщины. Автор объясняет это тем, что писатель, создавший произведение, как и героини-нарраторы в тексте, является мужчиной. Кроме того, на репрезентацию эмоций влияет форма повествования (дневник Печорина) и культурный контекст.

Ключевые слова: Эмоция, Номинация, Описание, Выражение, Гендерная Репрезентация.

1. E-mail: istinijobraz@mail.ru

Введение

Размышляя над проблемой языковой репрезентации эмоций в художественном тексте, В.И. Шаховский выделил следующие случаи: обозначение эмоций, выражение эмоций, описание эмоций. Слова, обозначающие эмоции, выполняют номинативную функцию: «лексика, обозначающая эмоции, эмотивной не является, она – индикативная, логико-предметная», «Эмоция, обозначенная в таких словах, на уровне реализации представляет собой не непосредственное чувство, а лишь логическую мысль о нем» (Шаховский 2012. 93). Ученый отмечает, что лексику, называющую эмоции, можно считать «ассоциативно-эмотивной», поскольку она, «не выражая эмоций, ассоциативно отсылает сознание говорящих к сфере эмоций» (Там же. 94).

Под выражением эмоций В.И. Шаховский понимает «их снятие языком, манифестацию в речи, сопровождаемую внутренним и внешним переживанием» (Там же. 96). На лексическом уровне языка выражение эмоций осуществляется с помощью эмотивной лексики. На синтаксическом уровне используются усилительные структуры. Стилистическими средствами выражения эмоций могут быть повторы эмоциональных усилителей, параллельные конструкции, метафоры. Ученый отмечает, что эмоции удивления, возмущения и радости часто выражаются в восклицательных, в вопросительно-восклицательных предложениях, а эмоции грусти и печали – в повествовательных» (Шаховский 2008. 195).

Описание эмоций В.И. Шаховский называет осознанным их выражением. Ученый выделяет специальные лексические единицы, которые описательно передают эмоциональное состояние. Это наречия и глаголы, описывающие эмоции говорящего; существительные, включающие термины эмоций с предлогом «с»; существительные, обозначающие физиологические проявления эмоций; прилагательные, характеризующие эмоциональное состояние

(Шаховский 2012. 98). Особое внимание В.И. Шаховский обращает на часто присутствующее в художественной литературе лексическое описание эмоциональных кинем. Наиболее информативным ученый считает лексическое описание эмоциональных кинем лица говорящего, в частности губ и глаз (Там же).

Основная часть

Герои романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», особенно рефлектирующий, ведущий дневник Печорин, часто размышляют о чувствах. Эти размышления можно разделить по гендерному признаку в зависимости от того, персонаж какого пола упоминает ту или иную эмоцию. Проанализировав текст романа, мы сделали сплошную выборку примеров, включающих номинации эмоций. Результат представлен в таблице (числами показано количество найденных лексических единиц):

Эмоция	М	Ж
радость	6	0
печаль / грусть	5	3
отвращение	1	0
бешенство/гнев	1	0
презрение	1	0
стыд/смущение	0	1
страх	3	2

Номинации эмоций присутствуют в речи одного мужского (Печорин) и двух женских персонажей (Вера, княгиня Лиговская).

Рассмотрим сначала высказывания-размышления Печорина. В них фигурируют номинации эмоций «радость» и «печаль/грусть»: «к печали я так

же легко привыкаю, как к наслаждению» (здесь и далее курсив наш – В.А.); «всякое напоминание о минувшей *печали* или *радости* болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки...»; «Может быть, – подумал я, – ты оттого-то именно меня и любила: *радости* забываются, а *печали* никогда...»; «*грусть* в обществе смешна, а слишком большая веселость неприлична...»; «Быть для кого-нибудь причиной страданий и *радостей*, не имея на то никакого положительного права, – не самая ли это сладкая пища нашей гордости?»; «Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их *радости* и страдания – и никогда не мог насытиться»; «...отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие *радости* и спокойствие душевное?..»; «Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было *грусть*».

Печорин номинирует эмоцию «отвращение»: «Когда я был еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мне смерть от злой жены; это меня тогда глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое *отвращение* к женитьбе...».

В комментарии, который дает своей реплике Печорин, номинирована эмоция «бешенство»: «Я буду иметь честь прислать к вам нонче моего секунданта, – прибавил я, раскланявшись очень вежливо и показывая вид, будто не обращаю внимания на его *бешенство*».

В речи Печорина номинирована эмоция «презрение»: «Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого роду чувство кипело тогда в груди моей: то было и досада оскорбленного самолюбия, и *презрение*, и злоба...».

В размышлениях Печорина номинирована эмоция «страх»: «...возбуждать к себе чувство любви, преданности и *страха* – не есть ли первый признак и

величайшее торжество власти?»; «А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся... мы поменяемся ролями: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного *страха*»; «А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и *страха*, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного счастья».

Обратимся теперь к номинациям эмоций, которые мы встречаем в речи женских персонажей. Женщины номинируют только две эмоции: «радость» и «печаль». Одно из высказываний-размышлений о печали и радости принадлежит Вере: «...ты любил меня как собственность, как источник *радостей*, тревог и *печалей*, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна». Печаль также номинируется в реплике княгини Лиговской, которая говорит о своей дочери Мери: «Но она больна, и я уверена, что это не простая болезнь! *Печаль* тайная ее убивает...».

Теперь рассмотрим выражение эмоций персонажами романа (в таблице учитывается количество реплик):

Эмоция	М	Ж
радость	9	0
печаль	1	3
удивление	1	0
гнев	1	0
презрение	1	0
стыд/смущение	0	1
любопытство/интерес	1	0
чувство вины	1	0
страх	2	2

Эмоции в романе выражают шесть мужских (странствующий офицер, Максим Максимыч, слепой, Печорин, Грушницкий, казак) и три женских (Бэла, ундина, княжна Мери) персонажа. Кроме того, выражена эмоция группы лиц – трех офицеров.

Сначала рассмотрим выражение эмоций персонажами-мужчинами.

Радость у мужских персонажей выражена с помощью вопросительных и восклицательных предложений с соответствующим комментарием, в котором отмечаются просодическое оформление фраз и жесты говорящего: «Выздоровела? – спросил я у штабс-капитана, схватив его за руку и невольно обрадовавшись» (СО); «Завязка есть! – закричал я в восхищении, – об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится о том, чтоб мне не было скучно»; «А-га! – подумал я, – вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будет!» (П). Кроме того, используются стилистические повторы: «*Толкуйте, толкуйте*, доктор! вы мне не помешаете радоваться. Он не знает, – прибавил Грушницкий мне на ухо, – сколько надежд придали мне эти *эполеты...* О, *эполеты, эполеты!* ваши *звездочки*, путеводительные *звездочки...* Нет! я теперь совершенно счастлив» (Г); синонимические накопления (в данном случае синонимы контекстуальные): «Видишь, я прав, – сказал опять слепой, ударив в ладоши, – Янко не боится *ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей*; это не вода плещет, меня не обманешь, – это его длинные весла»; эмоциональные интенсификаторы в сочетании с сегментированными конструкциями: «Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, *Боже мой!*.. да не служил ли он на Кавказе?.. – воскликнул Максим Максимыч, дернув меня за рукав»; «*Боже мой, боже мой!* да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставке?.. как?.. что подельвали?..»; «Ну *так!*.. *так!*.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим барином были приятели, – прибавил он, ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться» (ММ); разрыв

синтаксического целого (дислокация): «А... ты?.. а вы? – пробормотал со слезами на глазах старик... – сколько лет... сколько дней... да куда это?..» (ММ). В высказываниях Максима Максимыча используется графическое оформление в виде многоточий.

Печаль выражается с помощью вопросительных и восклицательных предложений, неполных конструкций, повторов, снова используется графическое оформление: «Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...» (ММ).

Мужское удивление выражено с помощью восклицательного предложения, эмоционального интенсификатора (частицы -ка), инверсии: «Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, – продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне, – вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужели тамошная молодежь вся такова?» (ММ).

Мужской гнев выражен с помощью восклицательного предложения и эмоциональных интенсификаторов: «Веди меня куда-нибудь, *разбойник!* хоть к *черту*, только к месту!» – закричал я (П).

Мужское презрение выражено с помощью восклицательного предложения, эмоционального интенсификатора, в качестве которого в данном случае используется слово «матерьялист», выделения этого слова в речевом потоке: «Ты во всем видишь худую сторону... матерьялист! – прибавил он презрительно» (Г).

Мужское любопытство выражено с помощью вопросительного предложения и использования эмоционального интенсификатора: «А, чай, много с вами бывало приключений? – сказал я, подстрекаемый любопытством» (СО).

Мужское чувство вины выражено с помощью эмоционального интенсификатора и вводной восклицательной конструкции: «Никогда себе не прощу одного: *черт меня дернул*, приехав в крепость, пересказать Григорью

Александровичу все, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся, – *такой хитрый!* – а сам задумал кое-что» (ММ).

Мужской страх выражен с помощью восклицательных и вопросительных предложений с соответствующим комментарием: «Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом. – Плохо, ваше благородие! – сказал он мне»; «"Знаешь, что случилось?" – сказали мне в один голос три офицера, пришедшие за мною; они были бледны как смерть».

Теперь перейдем к рассмотрению выражения эмоций женскими персонажами. Спектр выраженных женских эмоций гораздо уже, чем спектр мужских. В книге Е.В. Лаврентьевой «Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры» читаем: «Женщина хорошего тона, “чтобы с честью поддерживать свою репутацию, должна была казаться спокойной, ровной, бесстрастной, не выказывать ни особого внимания, ни повышенного любопытства, должна была владеть собою в совершенстве”» (Лаврентьева 2007).

Женская печаль выражается с помощью синонимических накоплений, градации: «Я вчера целый день *думала*, – отвечала она сквозь слезы, – *придумывала* разные несчастья: то казалось мне, что его *ранил дикий кабан*, то *чеченец утащил в горы*... А нынче мне уж кажется, что *он меня не любит*» (Б); повествовательного и восклицательного предложений с соответствующими комментариями: «Туман густеет, – возразил опять женский голос с выражением печали» (У); «О нет! – и лицо ее стало так задумчиво, так грустно...» (М).

Женское смущение выражено с помощью вопросительного предложения с соответствующим комментарием: «она немножко покраснела и быстро проговорила: – Не правда ли, мсье Печорин, что серая шинель гораздо больше идет к мсье Грушницкому?...» (М).

Женский страх выражен с помощью восклицательного предложения,

эмоционального интенсификатора, неполной конструкции, графического оформления: «*Mon Dieu, un Circassien!*.. – вскрикнула княжна в ужасе»; с помощью вопросительного предложения с соответствующим комментарием: «Что вам угодно? – произнесла она дрожащим голосом, бросая кругом умоляющий взгляд» (М).

Перейдем к описанию эмоций. В таблице учтены не только отдельные лексические единицы, но и словосочетания и фразеологизмы, участвующие в дескрипции эмоций.

Эмоция	М	Ж
радость	14	1
печаль / грусть	11	14
удивление	7	2
гнев	4	1
презрение	7	4
стыд/смущение	3	3
любопытство/интерес	2	1
чувство вины	2	0
страх	9	5

В романе описаны эмоции восьми мужских (Печорин, Максим Максимыч, странствующий офицер, Грушницкий, слепой, казак, Вернер, драгунский капитан) и пяти женских персонажей (Бэла, ундина, Вера, княжна Мери, княгиня Лиговская). Кроме того, в нескольких случаях описаны эмоции группы лиц: два раза мужской (драгунский офицер и его товарищи; три офицера), один раз женской (барышни).

Мужская радость репрезентирована с помощью лексики: «*Очень рад*» (странствующий офицер о себе); «Хорошо вам *радоваться*...» (Максим

Максимыч о странствующем офицере); «вы мне не мешаете *радоваться*» (Г); «...мне делается или слишком грустно, или слишком весело. То и другое утомительно, когда нет положительной причины грустить или *радоваться*» (П); «я теперь совершенно *счастлив*» (Г); в описании используется кинема глаз: «У него в глазах сверкала радость» (ММ); мимический компонент: «Он *просиял, как солнце...*» (Г); такесический знак: «Пришел Грушницкий и *бросился мне на шею*: он произведен в офицеры». Непосредственное выражение эмоций сопровождается следующими описаниями: «спросил я у штабс-капитана, *схватив его за руку* и невольно *обрадовавшись*» (СО), «воскликнул Максим Максимыч, *дернув меня за рукав*», «прибавил он, *ударив дружески по плечу лакея*, так что заставил его пошатнуться» (ММ), «пробормотал *со слезами на глазах* старик» (ММ), «сказал опять слепой, *ударив в ладоши*», «*закричал я в восхищении*» (П). Эмоция сопровождается такесическими знаками («схватив его за руку», «дернув меня за рукав», «ударив дружески по плечу»), жестами (ударив в ладоши), кинесикой (со слезами на глазах), просодикой (воскликнул, пробормотал, закричал).

Мужская печаль описана с помощью лексики: «мне делается... слишком *грустно*» (П); «мне так, право, *грустно*, как вспомню» (ММ); «мне становилось *грустно*, когда слушал ее из соседней комнаты» (ММ); «Еще, признаться, меня вот что *печалит*: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне...» (ММ); «явно было, что старика *огорчало* небрежение Печорина» (ММ); «Когда он ушел, то *ужасная грусть* стеснила мое сердце» (П); «Я шел медленно; мне было *грустно*» (П); «У Грушницкого растрепанная прическа и отчаянный вид; он, кажется, в самом деле *огорчен*, особенно самолюбие его оскорблено»; просодических компонентов: «слепой мальчик точно *плакал*, долго, долго»; «Я *молился, проклинал, плакал, смеялся...* нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!..» (П); синонимических накоплений: «И долго я лежал неподвижно и *плакал горько*, не стараясь удерживать *слез и рыданий*; я

думал, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровие – исчезли как дым» (П).

Мужское удивление описано в романе с помощью лексики: «Это обстоятельство меня *удивило*»; «Меня невольно *поразила* способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить»; «воскликнул я *с видом любопытства*, подливая ему чая» (СО); «Он посмотрел на меня *с удивлением*, проворчал что-то сквозь зубы и начал рыться в чемодане» (ММ); «Казак мой был очень *удивлен*, когда, проснувшись, увидел меня совсем одетого»; «...кажется, княжна отвечала на его мудрые фразы довольно рассеянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушает его со вниманием, потому что он иногда смотрел на нее *с удивлением*» (Г); «Он посмотрел на меня *с удивлением*» (В).

Мужской гнев описан с помощью лексики: «Я приехал в довольно миролюбивом расположении духа, но все это начинало меня *бесить*» (П); метафоры: «Неизъяснимое *бешенство закипело в груди* моей» (П); кинесики и проксематического знака: «Он на меня бросил *бешеный взгляд*, топнул ногою и отошел прочь» (Г); мимического компонента: «Он *пожелтел, посинел*; скрытая злоба *изобразилась на лице* его» (драгунский капитан).

Мужское чувство презрения описано с помощью лексики: «Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы *с презрением* отвернулся» (П); «Что для меня Россия! – отвечал ее кавалер, – страна, где тысячи людей, потому что они богаче меня, будут смотреть на меня *с презрением...*»; «я себя *презираю*, а вас ненавижу» (Г); жестового компонента: «...вот он вынул одну тетрадку и *бросил* ее *с презрением* на землю...» (ММ); используется стилистический повтор: «Я иногда себя *презираю...* не оттого ли я *презираю* и других?...» (П).

Представление о мужском чувстве презрения описательно (с помощью лексики) представлено в признании Веры: «...я не вынесла этого испытания,

мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь *презирать* меня за это, не правда ли?» и в реплике княжны Мери: «Или вы меня *презираете*, или очень любите! – сказала она наконец голосом, в котором были слезы. – Вы меня не *презираете*, не правда ли?». В высказывании княжны Мери используется стилистический повтор, усиливающий эмоцию. И та, и другая фразы обращены к Печорину.

Мужской стыд описан с помощью лексики: «удалился к своим *пристыженным* товарищам, которые тотчас увели его в другую комнату» (группа мужчин во главе с драгунским офицером); «Он смутился и задумался: ему хотелось похвастаться, солгать – и *было совестно*, а вместе с этим было *стыдно* признаться в истине»; мимического компонента: «Он *покраснел*; ему было *стыдно* убить человека безоружного...» (Г).

Мужское любопытство описано с помощью лексики и эмоционального интенсификатора: «Мне *страх* хотелось вытянуть из него какую-нибудь историйку – желание, свойственное всем путешествующим и записывающим людям»; «сказал я, *подстрекаемый любопытством*» (СО).

Чувство вины у мужчин описано с помощью лексики: «Я был в духе, импровизировал разные необыкновенные истории; княжна сидела против меня и слушала мой вздор с таким глубоким, напряженным, даже нежным вниманием, что мне *стало совестно*» (П); просодики и кинесики: «Штабс-капитан *после некоторого молчания* продолжал, *топнув ногою о землю*: – Никогда себе не прощу одного...» (ММ).

Мужской страх представлен в описании с помощью лексики: «такая печальная, что я *испугался*» (ММ); «Признаюсь, я *испугался*, хотя мой собеседник очень был занят своим завтраком: он мог услышать вещи для себя довольно неприятные, если б неравно Грушницкий отгадал истину...»; «я взглянул на нее и *испугался*» (П); фразеологии: «У меня *мороз пробежал по коже* от этого смеха...» (ММ); кинесики: «Он не отвечал и *с ужасом*

отвернулся» (В); мимического компонента: «*Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом*»; «они были *бледны, как смерть*» (три офицера); отмечается физиологическое проявление эмоции: «я *содрогнулся*, подумав, что часто здесь, в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разъехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа» (СО); используются восклицательные предложения: «О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу, *кровь хлынула мне в голову!*. Оглядываюсь – мы от берега около пятидесяти сажень, а я не умею плавать!».

Перейдем к описаниям женских эмоций в романе.

Женская радость описана с помощью лексики: «Она казалась удивлена и *обрадована*» (М).

Женская печаль репрезентирована в описании более разнообразно: с помощью лексики: «если ты снова будешь *грустить*, то я умру»; «походит, да и придет; а если ты будешь *грустить*, то скорей ему наскучишь»; «все *грустила*, напевала свои песни вполголоса»; «она дня два *поплакала*, а потом забыла»; «Она *заплакала*»; «отвечала ... сквозь *слезы*»; мимического компонента и эмоционального интенсификатора: «сидела на кровати в черном шелковом бешмете, *бледненькая, такая печальная*, что я испугался» (Б); «Вера все это заметила: *на ее болезненном лице изображалась глубокая грусть...*»; «лицо ее стало *так задумчиво, так грустно*»; «лицо *выражало глубокое отчаянье, на глазах сверкали слезы*» (В); жестового компонента и кинесики: «упала на постель и *закрыла лицо руками*» (Б); «Она *подняла на меня томный, глубокий взор и покачала головой*; ее губы хотели проговорить что-то – и не могли; *глаза наполнились слезами*; она *опустилась в кресла и закрыла лицо руками*»; «...пред нею на столике была раскрыта книга, но *глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти*, казалось, в сотый раз пробегали

одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко...» (М); просодики: «возразил опять женский *голос с выражением печали*» (У); просодики и кинесики: «Мы долго *молчали*; ее большие *глаза, исполненные неизъяснимой грусти*, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду...» (М).

Женское удивление описано с помощью лексики: «Она казалась *удивлена* и обрадована» (М); «Она была *удивлена*, когда на вопрос ее: имею ли я ей сказать что-нибудь особенно важное? – я отвечал, что желаю ей быть счастливой и прочее» (КЛ).

Женский гнев описывает Печорин, говоря о княжне Мери: «...за это я был вознагражден *взглядом*, где блистало самое восхитительное *бешенство*» (используется кинема глаз).

Женское презрение описывают мужские персонажи. Печорин говорит о княжне Мери: «Куда девалась ее живость, ее кокетство, ее капризы, ее дерзкая мина, *презрительная улыбка*, рассеянный взгляд?..» (используется мимический компонент, кинема губ). Ее же характеризует Вернер: «княжна *смотрит* на них [молодых людей] *с некоторым презрением*: московская привычка!» (используется кинема глаз). Нами также отмечен случай, когда эмоция «презрение» предписывается мужским персонажем женскому. Печорин – Мери: «Княжна, – сказал я, – вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны *презирать* меня».

Женские персонажи тоже описывают эмоцию «презрение». Вера признается Печорину: «Любившая раз тебя не может *смотреть без некоторого презрения* на прочих мужчин...».

Женское смущение описано с помощью лексики: «Она *смутилась*, – но отчего? от своей ошибки или оттого, что мой ответ ей показался дерзким?»; мимического компонента и характеристики темпа речи: «она *немножко покраснела* и *быстро проговорила*» (М); эмоционального интенсификатора:

«Легче птички она к нему подскочила, нагнулась, подняла стакан и подала ему с телодвижением, исполненным невыразимой прелести; потом *ужасно покраснела*, оглянулась на галерею и, убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успокоилась» (М).

Женское любопытство репрезентировано с помощью кинемы глаз: «Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора *долгим любопытным взором*» (М).

Женский страх описан с помощью лексики: «Сперва это ее забавляло, а потом *испугало*»; просодики и кинесики: «*вскрикнула княжна в ужасе*»; «произнесла она *дрожащим голосом*, бросая кругом *умоляющий взгляд*» (М); «крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни *пищали и закрывали глаза*»; описания физиологического проявления эмоции: «Я видел, что она готова *упасть в обморок от страху* и негодования».

Сводная таблица, в которой учтены все формы репрезентации эмоций (номинация, выражение, описание), выглядит следующим образом:

Эмоция	М	Ж
радость	29	1
печаль / грусть	17	20
удивление	8	2
отвращение	1	0
гнев	6	1
презрение	9	4
стыд/смущение	3	5
любопытство/интерес	3	1
чувство вины	3	0
страх	14	9

Заключение

Вопреки распространенному гендерному стереотипу о том, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, в романе «Герой нашего времени» создается иная эмоциональная картина.

Мужчины испытывают больший спектр эмоций и во многих случаях большее количество раз. Средства репрезентации эмоций мужских персонажей более разнообразны и в количественном плане превышают средства репрезентации эмоций женских персонажей. Небольшой количественный «перевес» в пользу репрезентации эмоций женских персонажей наблюдаем только при использовании эмоциональных кинем, мимических и жестовых компонентов. С учетом того, что женских персонажей меньше, чем мужских, этот «перевес» приобретает особую значимость. Мужские персонажи стремятся выразить эмоцию вербально, женские – невербально.

Андроцентричность эмоциональной картины мира, созданной в романе, мы можем объяснить, во-первых, тем, что оба героя-нарратора (странствующий офицер в первых двух частях и Печорин в последующих трех) являются мужчинами, на первый план, естественно, выходят принадлежащие им эмоции. Во-вторых, один из героев-нарраторов – Печорин – ведет дневник, сама форма которого располагает к «повышенной» репрезентативности эмоций. В-третьих, женских персонажей, эмоции которых репрезентированы в романе, меньше, чем мужских. Этот факт нельзя не учитывать при подсчетах. В-четвертых, нельзя не учитывать культурный контекст. Три из пяти женских персонажей, действующих в романе, – представительницы светского общества. Правила этикета заставляют их сдерживать проявление эмоций. Из мужских персонажей с правилами поведения в светском обществе знакомы далеко не все, поэтому мужчины чувствуют себя более свободно в эмоциональном плане.

«Женская» часть таблицы отчасти соответствует современному европейскому гендерному стереотипу, согласно которому для женщин более характерны такие эмоции, как «радость», «печаль» и «страх».

В «мужской» части таблицы наблюдаем отступление от современного европейского гендерного стереотипа, согласно которому от мужчин ожидается проявление таких эмоций, как «гнев» и «презрение». Мужчины в романе М.Ю. Лермонтова неожиданно много радуются. Второй по интенсивности проявления является эмоция «печаль», третьей – «страх». Эти эмоции современный европейский гендерный стереотип предписывает женщинам.

Итак, гендерная репрезентация эмоций в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» зависит от многих факторов: 1) пол автора и героев-нарраторов; 2) форма повествования (повествование от первого лица, дневник); 3) историко-культурный контекст, культурная ситуация, описанная в произведении.

Литература

- 1- Лаврентьева Е. *Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры*. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/lav/ren/tie/va/7.htm> (дата обращения 30.10.17).
- 2- Лермонтов М.Ю. *Герой нашего времени*. URL: <http://ilibrary.ru/text/12/index.html> (дата обращения 13.10.16).
- 3- Шаховский В.И. (2008) *Лингвистическая теория эмоций*. Москва. Изд-во Гнозис.
- 4- Шаховский В.И. (2012) *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва. Книжный дом «ЛИБРОКОМ».

Bibliography

- 1- Lavrent'eva E. *Povsednevnaja zhizn' dvorjanstva pushkinskoj pory*. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/lav/ren/tie/va/7.htm> (data obrashhenija 30.10.17).

- 2- Lermontov M.Ju. Geroj nashogo vremeni. URL: <http://ilibrary.ru/text/12/index.html> (data obrashhenija 13.10.16).
- 3- Shahovskij V.I. (2008) Lingvisticheskaja teorija jemocij. Moskva. Izd-vo Gnozis.
- 4- Shahovskij V.I. (2012) Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoy sisteme jazyka. Moskva. Knizhnyj dom «LIBROKOM».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Veronika Igorevna Abramova (2018). Gender Representation of Emotions in the Novel *A Hero of Our Time* by Mikhail Lermontov, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp: 81-99.

DOI: 10.29252/iarll.11.81

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-134-en.html>

D. Fonvizin's Literary Work in the Context of the Russian Culture of Catherine's Time (Problems and Perspectives of Studying)

Alpatova Tatiana Aleksandrovna¹

Associate Professor of Moscow State Regional University
Moscow, Russia.

(date of receiving: February, 2017; date of acceptance: October, 2017)

Abstract

The report is devoted to the analysis of directions in the study of D.Fonvizin's literary works, which developed in Russian and foreign literary criticism in more than two centuries of recognizing the comedian as a key figure in Russian literature of the 18th century. The problem of the integrity of the Fonvizin's heritage in the school and university interpretation is posed; conclusions were drawn on the significance of such an approach for establishing the systemic links between the Fonvizin's comedies and other surviving works of the writer, as well as the historical and literary context of Catherine's time. In the center of the report is the problem of the value orientations of D.Fonvizin's creativity. For the first time she was raised in the "Message to my servants ..." (early 1760s) and subsequently developed in both drama and prose, and the journalism of the writer. Fonvizin's artistic philosophy develops from the comprehension of the spiritual crisis of contemporaries to the discovery of values that can be based on the building of one's personality: national self-awareness, education and upbringing, home and family, which ultimately means the possibility of internal independence, which the Russian nobility has become the main cultural the task of Catherine's time.

Keywords: D. Fonvizin, Classicism, Comedy, Poetics, Catherine's Time.

1. E-mail: ta.alpatova@mgou.ru

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-001-00001 «Catherine II: personality, creativity, era. encyclopedic Dictionary».

Литературное творчество Д.И. Фонвизина в контексте русской культуры Екатерининского времени (проблемы и перспективы изучения)

Алпатова Татьяна Александровна¹

доцент Московского государственного областного университета,
Москва, Россия.

(дата получения: февраль 2017 г.; дата принятия: октябрь 2017 г.)

Аннотация

Статья посвящена анализу направлений в изучении литературного творчества Д.И. Фонвизина, сложившихся в российском и зарубежном литературоведении более чем за два века признания комедиографа ключевой фигурой в русской литературе XVIII в. Поставлена проблема целостности фонвизинского наследия в школьной и вузовской интерпретации; сделаны выводы о значении такого подхода для установления системных связей фонвизинских комедий с другими сохранившимися произведениями писателя, а также историко-литературным контекстом екатерининского времени. В центре доклада – проблема ценностных ориентиров творчества Д.И. Фонвизина. Впервые она была поднята в «Послании к слугам моим...» (нач. 1760–х гг.) и впоследствии развертывалась как в драматургии, так и в прозе, и публицистике писателя. Художественная философия Фонвизина развивается от осмысления духовного кризиса современников к открытию ценностей, на которые может опираться в построении своей личности человек: национальное самосознание, образование и воспитание, дом и семья, что в конечном итоге означает возможность внутренней независимости, обретение которой русским дворянством стало главной культурной задачей екатерининского времени.

Ключевые слова: Д.И. Фонвизин, Классицизм, Комедия, Поэтика, Екатерининское Время.

1. E-mail: ta.alpatova@mgou.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-001-00001 «Екатерина II: личность, творчество, эпоха. энциклопедический словарь».

Введение

Предметом наблюдений в настоящей статье будут перспективные направления в изучении творчества Д.И. Фонвизина как культурно-эстетического целого, представляющегося одним из наиболее ярких явлений русской культуры последней трети XVIII в. Несмотря на глубокий интерес, который по традиции вызывают произведения писателя как в России, так и за рубежом, проблема внутреннего единства в творческом развитии Фонвизина все же не решена до конца. Методология такого решения предполагает объединение биографического, культурно-исторического и эстетического подходов, при котором фактическая совокупность фонвизинских текстов может быть рассмотрена и как философско-эстетическое единство, в котором возможно проследить и векторы развития самой художественной системы писателя, и специфику его места в контексте умственных и эстетических течений его эпохи, одним из наиболее показательных воплощений которой он стал. Подобный подход представляется сопряженным самой эстетике XVIII столетия как Века Разума, стремившегося во всем найти некие единые всеобщие законы. Это естественно предполагало, что здесь и сейчас высказанное писателем имело не только (и даже не столько) конкретно-исторический смысл, сколько было обращено ко всем народам и векам, предполагало безусловную уверенность, что Мысль не имеет границ во времени и пространстве и может сослужить полезную службу как современникам, так и самым далеким потомкам. Именно эта особенность рационалистического взгляда на творчество придавала удивительную внутреннюю силу писателю, безусловно уверенному в том, что нет и не может быть бесплодных усилий на этом пути.

Основная часть

Внутреннее единство творческого наследия Фонвизина можно

почувствовать уже в одном из первых его оригинальных сочинений – философской сатире «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1763–1764). Выстроенное как цепочка развернутых ответов на главный вопрос автора – «На что сей создан свет?» – послание это вводит уже в достаточно раннее творчество Фонвизина духовно значимую проблему смысла бытия, обдуманности и божественной «оправданности» мироздания, в котором есть место злу и несправедливости. Философский вопрос обращен к простым людям — слугам; в ответе каждого из них поднимаются столь острые и болезненные проблемы общественного устройства, что сомнения в осмысленности всего вокруг невольно нарастают. Поиски смысла бытия обречены на провал; остается лишь принять сложившийся порядок вещей и ограничиться лишь иронией в оценке общепринятых, знакомых явлений окружающего мира, что вряд ли может стать защитой от отчаяния, рождающегося в результате понимания того, что все на свете — жестокая бессмыслица.

Однако философский скептицизм своего «Послания...» сам Фонвизин, а вслед за ним и позднейшая критика не считали истинным выражением безбожия; по словам писателя, «сие сочинение было действие не безверия, но безрассудной остроты моей» (Фонвизин 1959, 2; 96). Тем не менее в последующем творчестве писателя большую роль играет поиск просветительских идеалов, которые должны стать опорой человеку на трудном жизненном пути. Это — национальное достоинство, польза Отечеству, идеал просвещенной и добродетельной, радеющей о пользе страны и народа монархии, просвещение разума, воспитание сердца, верность дружбе и любви, незыблемость очищенной от предрассудков веры в благое Провидение Творца. Утверждение этих ценностей становится опорой Фонвизина-сатирика и в бесстрашном осмеянии всего, что было вредным и разрушительным для государства и его граждан.

По традиции, сложившейся в российском литературоведении, проблема отражения в творчестве Фонвизина екатерининского времени как культурной эпохи в истории России сводилась в основном к сатирическому потенциалу образов фонвизинских комедий. Даже в статье В.О. Ключевского, включавшей в толкование «Недоросль» столь важную для его понимания культурно-историческую реалию, как «Указ о вольности дворянства» (1762), общий пафос так или иначе сводился к трактовке пьесы как «зловещего пророчества» (Ключевский 1991, 363), выявлявшего главное противоречие сложившейся ситуации «прав без обязанностей», когда «дворянская вольность по указу 1762 г. многими понята была как увольнение сословий от всех специальных сословных обязанностей с сохранением всех сословных прав» (Ключевский 1991, 353). При такой трактовке воплощением фонвизинского понимания следствий указа виделась только госпожа Простакова с семейством – не случайно именно в ее речи и звучит непосредственная отсылка к этому документу. Однако идейная структура пьесы формировалась в рамках общего художественного целого, и таким образом не только и даже не столько отрицательные персонажи, но и протагонисты оказывались включены в обсуждение этого важнейшего документа екатерининской эпохи, по сути, демонстрируя возможности действительно «положительной» реализации предложенного культурного выбора.

В этом смысле не только «Недоросль», но и творчество Фонвизина в целом может оцениваться как развернутое размышление о новом положении российского дворянства, в котором оказалось оно после указа и которое означало возможность выстраивания самостоятельной жизненной стратегии, свободной как от давления родовых традиций (как это было в допетровской Руси), так и от долженствования, предлагаемого государством начиная с Петра I. «Вольность» дворянского сословия, по замечанию Ю.М. Лотмана, означала возможность многовариантного поведения, а значит, экзистенциального

выбора в полном смысле этого слова (Лотман 1991; 1, 248–269); в идейном климате эпохи это означало интерес к «социальным технологиям» (Артемьева 2005, 159), в личных судьбах – напряженный поиск баланса между «вольностью» и новым пониманием общественного служения, о котором мечтал и сам Фонвизин: «Человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руках, быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества» (Фонвизин 1959; 2, 136).

Применительно к творчеству писателя подобный подход встречается в монографии А. Стричека, предложившего целостную трактовку «Бригадира» как пьесы «о конфликте поколений, о бессилии отцов перед проблемами современности» (Стричек 1994, 129). Однако, думается, эта ситуация свободного выбора до конца раскрывается лишь в «Недоросле», где выбор действительно становится предметом изображения – как в предыстории Стародума и его молодых друзей-единомышленников, так и непосредственно в сценическом поведении Митрофана и его близких,

Не только рассуждения автора-публициста, но и попытка создать живой сценический тип, вывести на сцену «образованное общество», представить «дух и слог» добродетельных персонажей, добившись тем самым цельности художественного мира пьесы, – вот что было целью Фонвизина в этой комедии.

Читатели слишком привыкли верить на слово критикам Фонвизина, упрекавшим его положительных героев за чрезмерную длину речей и усреднено «книжный» язык, за чересчур однозначную их «положительность». Однако современники воспринимали пьесу несколько иначе – и, думается, их взгляд был ближе авторскому замыслу. По воспоминаниям Н.М. Карамзина, известным со слов Н.И. Греча, на первых представлениях «сцены комические возбуждали в зрителях мимолетный смех, а серьезные обращали на себя внимание публики, которая в то время любила разглагольствования на сцене,

особенно если они были наполнены колкими замечаниями на светские обычаи и слабости того времени» (Кочеткова 1984, 165). Они не только участники внешнего — событийного сюжета пьесы, в котором бесстрашно борются за любовь, вызволяют от жестокосердной помещицы несчастных подвластных ей крестьян. Они становятся героями не менее важного сюжета нравственного, центр которого — вопрос, волнующий практически всех действующих лиц пьесы, вне зависимости от того, сознают ли они это сами, — как жить?

Уже освящено традицией видеть в «педагогической» комедии Фонвизина «объектом» воспитательного и образовательного «эксперимента» одного Митрофана. В самом деле, и по возрасту, и по положению он — тот самый «недоросль», превративший принятое с петровских времен нейтральное обозначение молодого дворянина в обидную кличку для бездельника и неуча. Именно он перечеркнул заключающуюся в самом слове надежду, что выражающая «недостаточную степень проявления качества» часть его «недо» все же допустит необходимые для становления человека изменения. Хитрый и изворотливый, непросвещенный и бесчувственный, не способный ни к трезвой самооценке, ни к сыновней благодарности и любви, Митрофан уже в силу самих законов сатирической типизации — живое подтверждение известного изречения Стародума: «...Невежда без души — зверь...» (Фонвизин 1959; 1, 129).

Но все же несостоявшееся становление личности «недоросля» — Митрофана не исчерпывает нравственно-философскую проблематику пьесы. Хотя буквально «недоросль» перед зрителем всего один, многие и выведенные на сцену, и лишь упомянутые в речах персонажи не так далеки от него и по возрасту, и, главное, по совершенно особому, свойственному молодости социальному и психологическому статусу. Софья, Милон, Правдин, «молодой Стародум» (каким является он в собственных рассказах), друг его «молодой граф» — все они лишь вступают в жизнь в очень нуждаются в ответах на вечные и в то же время для каждого поколения звучащие по-новому вопросы:

как примирить волю моего «я» и долг, на меня возлагаемый? Как быть счастливым?

Эта особенность духовной атмосферы екатерининского времени определила пути развертывания «нравственного сюжета» комедии. По существу, он представляет собой историю «отцов» и «детей», повествует о сохранении духовной связи между поколениями и о возможных последствиях разрывов этой связи. О своих молодых годах вспоминают практически все персонажи «Недоросля», представляющие старшее поколение, — Простакова, Скотинин, Кутейкин, Цыфиркин и, конечно, Стародум. Для новых «русских мальчиков» рассказывают они о давно ушедшей юности, даже следуя необходимым приметам жанра: непременно характеризуя отца и мать, условия воспитания, воспроизводя наиболее поучительные случаи из своей биографии. Рассказать об этом очень важно для героев — не случайно так легко откликается Стародум на просьбу Правдина поведать о прошлом: «...Происшествия с человеком ваших качеств никому равнодушно быть не могут... — Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее...» (Фонвизин 1959; 1, 129). Искреннее внимание награждает чистосердечного и правдивого «мемуариста», основное желание которого — быть услышанным, передать свой жизненный опыт духовно близким младшим современникам.

Перед выбором стоят и «положительные» персонажи пьесы, занятые поисками ответов на «вечные» вопросы. Именно это не позволяет однозначно считать их образцами добродетели, и только, эталонами, застывшими в своем совершенстве. И Правдин, и Милон, и Софья еще не знают, как жить, и поэтому чаще всего не проповедуют, но ищут новой веры. Поэтому и ждут герои приезда Стародума не только для разрешения внешних сюжетных коллизий. Они ждут его слова — и слово это оказывается не поучением самоуверенного ментора, но живым воспоминанием о прожитых годах,

напряженным самоанализом» зримо развертывающимся перед читателем и собеседником нравственным поиском.

Таков он в беседе с Пrawdиным в первом явлении третьего действия. За учительным пафосом речи Стародума угадывается внутренняя борьба негодования и сдерживающей его силы рассудка. «...У меня правило в первом движении ничего не начинать...» — эта фраза героя психологически объясняет «остановку» в развитии действия. Надо осмыслить то, что произошло, остановиться и успокоиться, а что может быть благотворнее для души, как не откровенный разговор с молодым другом. И может быть, не случайно именно здесь говорит Стародум о своем отце, цельном человеке, жившем в иную эпоху — ведь в трудные минуты так естественно искать нравственную опору. Едва ли не сожаление о петровских временах звучит в репликах героя: «...Тогда один человек назывался ты, а не вы. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих...» (Фонвизин 1959; 1, 128), «...В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные...», «...В то время... не умели еще чужим умом набивать пустую голову...» (Фонвизин 1959; 1, 129) Вслушавшись в столь часто повторенные слова «тогда», «в тогдашнем веке», зритель видит вдруг человека, не столько непогрешимо уверенного в себе, сколько горько сожалеющего о волею судьбы выпавшем ему на долю времени. Стародуму тяжело в сложном и часто противоречивом новом веке, его обращению с людьми, более свойственному прежним, «цельным», «односоставным» временам, ныне «...многие смеются...». И вспоминает здесь он более всего о тех случаях, в которых был не прав — выйдя в первый раз в отставку, когда, по его собственным словам: «... Горячность не допустила... рассудить, что прямо любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам и что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану...» (Фонвизин 1959; 1, 130). Он сам удивляется и почти смеется странному «случаю», приведшему его ко двору.

Нет единства в позиции Стародума по отношению к трактовке указа 18 февраля 1762 года о вольности дворянства. Уверенный, что дворянину можно взять отставку только в том случае, «...когда он внутренне удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит...» (Фонвизин 1959; 1, 130), герой все же отказывается от надежд сделать что-либо при дворе. «...Лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней...» (Фонвизин 1959; 1, 131) — так убежденно служащий государству духовный потомок Петровской эпохи, своего рода «классицист» в общественном поведении, привыкший самозабвенно служить Целому, приходит к настоящей философии удаления от света, уединения. Признание исключительной духовной ценности оберегающего человека узкого круга друзей, семьи, Дома в высшем значении этого слова определяет нравственный смысл бесед Стародума с Софьей. Невозможно достичь того, чтобы «...никто на свете зла не пожелал...», поэтому «...Дурное расположение людей, не достойных почтения, не должно быть огорчительно...» (Фонвизин 1959; 1, 149) — уверяет герой свою собеседницу, рисуя перед ней выход из кажущегося жизненного тупика. Человек сам должен и может создать тот Дом, что защитит его от превратностей судьбы: «...Разве тот счастлив, кто счастлив один?...» (Фонвизин 1959; 1, 151), «...Умей остановиться с теми, которых дружба к тебе была бы надежною порукою за твой разум и сердце...» (Фонвизин 1959; 1, 149), «...Муж благоразумный! Жена добродетельная! Что почтеннее быть может!...» (Фонвизин 1959; 1, 154). И соединившая в себе горячее сердце с просвещенным разумом Софья принимает справедливость этих слов, почитая священной «должностью» своей именно создание такого Дома. Так едва ли не впервые в русской литературе нового времени в изображение частной семейной жизни оказался внесен общечеловеческий, почти метафизический смысл.

Нет непогрешимой самоуверенности и в воззрениях героев на государственное устройство. Беседа Стародума с Правдиным в начале пятого

акта комедии также психологически сложна. Стоит только вспомнить, что разговор героев о том, каков должен быть доброжелательный государь, ведется чуть раньше шести часов утра (ведь именно на это время назначила Простакова злодейское похищение Софьи) — и психологические позиции собеседников предстают совершенно неожиданными для зрителя. Утверждения Стародума изначально гипотетичны и идеальны, и уже потому нет в них покоя. «...Где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права...» (Фонвизин 1959; 1, 166), «...Великий государь есть государь премудрый. Его дело показывать людям прямое их благо...» (Фонвизин 1959; 1, 166), «...Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не совращаться! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека, имеющего в руках своих судьбу себе подобных!...» (Фонвизин 1959; 1, 167) — эти и подобные им реплики звучат не только как поучение, но прежде всего как страстная мечта о счастливом государственном устройстве. «Слушай, друг мой!», «Поверь мне, мой друг!» — постоянно обращается Стародум к Правдину за поддержкой, желая быть услышанным, искренне благодарно радуясь тому, что удалось найти единомышленника в молодом человеке.

Заключение

Анализ комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» в контексте творчества писателя как культурно-эстетического целого позволяет сделать ряд выводов как о своеобразии идейной структуры пьесы, так и особенностей художественного метода Фонвизина-драматурга, а также выделить те узловые точки, в которых его комедия стала наиболее значительным свидетельством современника о тех возможностях культурного выбора, которые создал в России Указ о вольности дворянства и освоение которых было наиболее очевидной культурной задачей екатерининского времени.

Главным итогом размышлений и воспоминаний Стародума становится мысль о нравственной самостоятельности и ответственности человека. И на государственной службе, и в семейной жизни, и на войне «новый» дворянин должен сам избирать свой путь и сам отвечать за его истинность, соответствие нормам добра и справедливости. Это сочетание самостоятельности и ответственности становится в речах Стародума залогом «встречи» человеческих представлений о Должном и абсолютной его мере. Просветитель Фонвизин более всего занят нравственными проблемами своего времени, поэтому более глубокую философскую перспективу его этика получает только в единстве всех высказанных в пьесе позиций. Кажется парадоксальным, но, как и Простакова, Стародум (на первый взгляд целиком «новый» человек, историческое время которого измеряется немногим более чем десятилетиями) также, а возможно, и более убежденно отстаивает традицию, которая гораздо древнее идеалов «старинных людей». Не случайно при дворе он более всего удивляется тому, что люди «...о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся...» и им «...во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки,..». Стародум — человек, живущий в истории, ощущающий свое скромное, но достойное место в вечности. И потому правда героя, утверждающая самостоятельность личности, все же не своевольна. Она совпадает и с нормами «естественного права человека (того самого, с которым невозможно примирить принятое в обществе Простаковых — Скотининых унижение и подчинение одного человека другим), и волей Провидения, определившей предустановленный порядок вещей. Именно поэтому, словно «отпуская на волю» своими советами и наставлениями молодых героев, он лишь крепче привязывает к себе сердца собственных «духовных детей», создавая возможность достойного разрешения нравственной коллизии всякой переходной эпохи. Чистый источник

нравственной истины не только делает ее благотворной для всякого, кто к ней прикасается, но становится залогом неразрывной связи поколений. Осознание этой истины позволяет действительно уловить живую связь фонвизинских размышлений и всего того, что сегодня волнует современного читателя.

Литература

- 1- Артемьева Т.В. (2005). *От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения*. – Санкт-Петербург. Изд-во «Алетейя».
- 2- Ключевский В.О. (1991). *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*. Москва. Изд-во «Правда».
- 3- Кочеткова Н.Д. (1984). *Фонвизин в Петербурге*. – Ленинград. Изд-во «Лениздат».
- 4- Лотман Ю.М. (1991) *Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т.* – Таллинн. Изд-во «Александра». – Т. 1. – С. 248–269.
- 5- Стричек А. (1994). *Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения*. – Москва. Изд-во «Прометей».
- 6- Фонвизин Д.И. (1959). *Собрание сочинений: в 2-х т.* – Москва; Ленинград. Изд-во «Государственное издательство художественной литературы».

Bibliography

- 1- Artem'eva T.V. (2005). *Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushhemu. Filosofija istorii i utopija v Rossii jepohi Prosveshhenija*. – Sankt-Peterburg. Izd-vo «Aletejja».
- 2- Kljuhevskij V.O. (1991). *Istoricheskie portrety. Dejateli istoricheskoy mysli*. Moskva. Izd-vo «Pravda».
- 3- Kochetkova N.D. (1984). *Fonvizin v Peterburge*. – Leningrad. Izd-vo «Lenizdat».
- 4- Lotman Ju.M. (1991) *Pojetika bytovogo povedenija v russkoj kul'ture XVIII veka // Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i: v 3-h t.* – Tallinn. Izd-vo «Aleksandra». – T. 1. – S. 248–269.

- 5- Strickek A. (1994). *Denis Fonvizin. Rossiya jepohi Prosveshhenija*. – Moskva. Izd-vo «Prometej».
- 6- Fonvizin D.I. (1959). *Sobranie sochinenij: v 2-h t.* – Moskva; Leningrad. Izd-vo «Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Alpatova Tatiana Aleksandrovna (2018). D. Fonvizin's Literary Work in the Context of the Russian Culture of Catherine's Time (Problems and Perspectives of Studying), *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp: 101-114.

DOI: 10.29252/iarll.11.101

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-135-en.html>

Reception of Individual Stylistic Manners the Lyrics of K.D. Balmont

Bezrukov Andrey Nikolaevich¹

Associate professor of Bashkir State University, Branch in Birsik,
Birsik, Russia.

(date of receiving: December, 2017; date of acceptance: March, 2018)

Abstract

Identifying the features of the individual author's style is one of the most difficult procedures for the linguistic evaluation of the author's text. In article presents the analysis of the language of lyric poetry by Konstantin Balmont from the position of receptive aesthetics, principles of structuralism, and hermeneutic theory. This research concerns the peculiarities of rhythmic and melodies of poetic texts by K.D. Balmont, which fixate the author's individual manner of artistic thinking. Analysis of the poems showed that K.D. Balmont nomination of poetic language uses as an effective form of realization of semantic potential. Consequently, the contact between the author and the reader are carried out both within the universal language system and is corrected by the contextual reception of the text. Also in the work it was determined that the poetic dominants of the individual author's style K.D. Balmont, his diversity and richness to a greater extent receives an effective fixation at the level of phonetics, melodies, rhythmic and sound organization.

Keywords: Konstantin Balmont, Reception of the Text, Poetic Style, Poetic Language, Melody, Rhythm, Semantic of the Text, Literary Discourse.

1. E-mail: in_text@mail.ru

Рецепция индивидуально-стилевой манеры лирики К.Д. Бальмонта

Безруков Андрей Николаевич¹

Доцент Башкирского государственного университета, Бирский филиал,
Бирск, Россия.

(дата получения: декабрь 2017 г.; дата принятия: март 2018 г.)

Аннотация

Выявление особенностей индивидуально-авторского стиля является одной из самых сложных процедур при лингвистической оценке авторского текста. В статье осуществлен анализ языка лирики Константина Бальмонта с позиций рецептивной эстетики, принципов структурализма, а также герменевтической теории. Данное исследование касается особенностей ритмики и мелодики поэтических текстов К.Д. Бальмонта, акцентно фиксирующих индивидуально-авторскую манеру художественного мышления. Анализ стихотворений показал, что К.Д. Бальмонт номинацию поэтического языка использует как действенную форму реализации смыслового потенциала. Следовательно, контакт автора и читателя осуществляется как в пределах универсальной языковой системы, так и корректируется контекстуально-ситуативной рецепцией текста. Также в работе было определено, что поэтические доминанты индивидуально-авторского стиля К.Д. Бальмонта, его разнообразие и богатство в большей степени получает действенную фиксацию на уровне фонетики, мелодики, ритмики и звукописи.

Ключевые слова: Константин Бальмонт, Рецепция Текста, Поэтический Стиль, Поэтический Язык, Мелодика, Ритмика, Смысловая Нагрузка Текста, Художественный Дискурс.

1. E-mail: in_text@mail.ru

Введение

Художественное наследие Константина Бальмонта – представителя серебряного века, поэта начала XX столетия в русской литературе – явление необычайно знаковое и интересное. Нарочито возникающие эстетические противоречия, возникающие в лирике К.Д. Бальмонта, манифестированы автором амбивалентным синтезом формального уровня и содержательного слоя, музыкальной парадигмы и смысловой дисперсии. Наличный бальмонтовский текст вбирает в себя нечто большее, чем только сам язык как таковой, звук, смысл, эстетический потенциал. Он как бы открывает перед потенциальным читателем безграничные пределы языковой знаковой системы, некие универсалии вербального, того, что характерно и свойственно мировой литературе в целом, естественному языку в частности.

Следует заметить, что рецепция и анализ языка, индивидуально-авторского стиля К.Д. Бальмонта привлекает большинство исследователей (Молчанова 2002; Петрова 2012; Петрова 2015; Суханова 2016) в первую очередь тем, что каждая новая отмеченная или найденная универсальная поэтическая, либо языковая примета его лирических текстов в свою очередь высвечивает спектр множества неповторимых черт. Сколько бы читатель не возвращался к восприятию бальмонтовского конструкта – новый, смысловой, семантический, коннотативный реверс в итоге неизбежен. В данной работе осуществлена попытка анализа языка лирики К.Д. Бальмонта с позиций лингвосемантики, стихосложения, семиотики, в работе также дана оценка специфики художественного мышления К.Д. Бальмонта как одного из представителей эпохи «серебряного века», периода влияющего на дальнейший ход развития мирового литературного процесса.

Основными методами (Эйхенбаум 1922; Лотман 1972; Жирмунский 2004; Винокур 2006; Тюпа 2009; Безруков 2015) исследования являются: структурный, сравнительно-сопоставительный, типологический, а также метод

целостной концептуальной, рецептивной оценки. Материалы работы, на наш взгляд, могут быть интересны и перспективно полезны в ходе дальнейшего изучения поэтического языка и стиля Константина Бальмонта, также они могут быть точно применены в русле определения магистральных художественных примет и черт миропонимания поэта, конкретизации ведущих принципов поэтики миромоделирования символизма.

Правильной, на наш взгляд, является мысль, что интерпретация – это стержень науки о литературе (Д.С. Лихачев). Любая интерпретация художественного текста (Хализев 2002. 323–327; Тюпа 2008. 102–128) строится на внутренних особенностях дешифровки некоей эстетической гармонии. Лирический текст явление многогранное и сложное в сопоставлении с прозой или драматургией. Исследователь лирики заинтересован как в определении общих черт данной формы, так и выявлении индивидуально-авторских особенностей в соответствии с тем или иным автором. Именно лирика требует от художника слова максимальной проработки языка, определения собственно *для себя* набора активного/частотного словаря, действенных/акцентных приемов воссоздания персонифицированного образа лирического героя, а также целостного образа мира.

Основная часть

В теории литературы уже достаточно давно устоялось, что лирика – есть самый выразительный род литературы, выстроенный на человеческих эмоциях, переживаниях, чувствах, внутренних импульсах, особых эстетических впечатлениях. Этим, вероятно, лирика и сложна, порой непонятна или противоречива в трактовке. Фридрих Шлегель заметил, что: «лирика всегда изображает лишь само по себе определенное состояние, например, порыв удивления, вспышку гнева, боли, радости и т.д., – некое

целое, собственно не являющееся целым. Здесь необходимо единство чувства» (Шлегель 1983. 62). Манифестация чувств, эмоций в поэтическом тексте происходит не буквальным названием того или иного переживания/чувства, но звуковым, фонетическим, лексическим, синтаксическим, либо графическим (принцип параграфемки) авторским намеком на это. Сложность понимания, в свою очередь, скрывается также за непростым процессом декодирования/расшифровки как собственно самого языка, далее же – верификации вслед за автором эмоционально-чувственного состояния лирического героя. Следовательно, персонаж поэтического мира формируется как самой естественной природой оценки действительности, так и рецептивной аурой читательских догадок и представлений.

В режиме схожем со Ф. Шлегелем рассуждает о лирике В.Г. Белинский. Для него это то, что занимает, волнует, беспокоит, тревожит и печалит, одновременно с этим услаждает, мучит, успокаивает. Можно дополнить, что лирика – это концентрат, который составляет содержание и суть духовной жизни человека, потенциального читателя. В.Г. Белинский, конечно, был склонен этим тезисом популяризировать литературу, донести до читателя крайности точек зрения. Критик ориентировал на гармоничное восприятие художественного текста, отчасти давал программу оценки, прогнозирования и соединения эстетических горизонтов для раскрытия полноценной картины человеческого бытия. Поэта же неизменно привлекает душевное состояние личности, некая критическая сосредоточенность на внешней и внутренне-заданной реальности, но именно форма в данном случае позволяет совместить чувства и мысли в эстетический *метацентр*.

Небезосновательно, что лирическая поэзия еще с античной эпохи была способна запечатлеть/отобразить чувства, вмещенные в условно-зримые пространственно-временные рамки. Внешний формат для лирики есть отправная точка к самому сложному, имманентному, неповторимому. «Все

многообразные области человеческой деятельности связаны с использованием языка» (Бахтин 1997. 159). Языковые категории – это базис и основа для конкретизации действительного/наличного мира, это почва и арсенал обозначения, очерчивания перспективной магистрали лирических переживаний.

Как отмечал Г.О. Винокур, «язык, употребляемый в поэтических произведениях, может представляться связанным с поэзией не одной только внешней традицией словоупотребления, но и внутренними своими качествами, как язык, действительно соответствующий изображаемому поэтическому миру, выражаемому поэтическому настроению» (Винокур 2006. 26). В поэтическом тексте необычайно широк диапазон языковых контаминаций, манифестация нарочитых лирических концепций, определение стандартно выраженных идейных соображений, конкретизация спектра эмоций. Именно малый формат реализации языковой формы создает концентрацию смысла (Гаспаров 2012), требует для объективности понимания проработки всей языковой, символично-графической системы. Спектр переживаний в лирике многопланов (Безруков 2015. 167). Переживания/чувства могут быть конкретны, условны, открыты, опосредованы, фантастичны, метафоричны, вымышлены. Носителем переживания в лирическом тексте является художественный герой, лирический персонаж отличный от всех *остальных*. Следует заметить, изначально собственно от потенциального читателя. Он другой не в силу своих сверх уникальных отличий, отличным его делает особый статус, особое положение, особая метафизика эмоций. Дистанция фигуры заглавного персонажа относительно окружающих распространяет этот процесс и на особость мыслей и чувств. Однако художественность, особая типизация лирического героя (уникальность фигуры), качественно обработанный язык текста делает произведение целостно литературным шедевром, который и будет привлекать читателей, остается на протяжении

долго времени наследием национальной литературы.

В прозе, драме герой выстраивается иначе, в иных нарративных претворениях литературный персонаж становится действенной, реагирующей, декламирующей, манифестирующей фигурой. Теоретические изыскания М.М. Бахтина, Б.О. Кормана, В.Е. Хализева включают мысль о том, что лирический герой более связан с автором, чем в прозе, но, конечно же, не тождествен ему. Он как бы вбирает особое авторское миропонимание, мировосприятие, некий душевный, а главное и духовный опыт. Следует вновь сделать акцент на то, что, эстетически обобщая, поэты достигают той высоты типизации, которая манит читателя, тревожит сознание слушателя.

Взгляд на лирику как систему идеальной взаимозависимости разных уровней стал в методологии литературоведения уже традиционным. И все же лирике присуще особое самораскрытие автора, «распахнутость», «отодвинутость» его внутреннего мира относительно других. Например, анализируя лирику Г.Р. Державина, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, С.Я. Надсона, С.А. Есенина, А.А. Блока, В.В. Маяковского, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, А.Т. Твардовского, К. Симонова, Ю. Друниной, С. Гудзенко, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Р. Рождественского, В. Высоцкого, Б. Окуджавы, И. Бродского, Д. Пригова мы получаем яркие *представления* об их чувствах, *намекы* на их личную судьбу, *ориентир*ы на трагические моменты, пророческие *посылы* на знаковые эпизоды. Хотя авторы языково, буквально и не открыты для читателя. Художественный текст, в особенности лирический, всегда остается загадкой, требующей постоянного и постоянного к нему возвращения. Именно поэтому, лирическая поэзия обладает максимально внушающей, заражающей, зовущей силой. Знакомясь с повестью, новеллой, романом или драмой, читатель воспринимает сказанное автором с определенной онтологической дистанции, несколько отстраненно, касаясь только наличной наррации, а далее

самоопределясь. В лирике нарочито чувства поэта становятся и чувствами переживающего и думающего читателя, этим лирика ближе читательскому, даже, может быть, музыкально-природному естеству. Автор всецело сориентирован на то, чтобы с помощью *языка*, собственного *стиля* как особого типа мышления (Безруков 2016. 159– 163) сориентировать читателя со-переживать, со-чувствовать лирическому герою, при этом по возможности максимально погрузиться в его внутренний мир, проникнуться колебаниями его души. Таким образом, лирика несовместима с нейтральностью и беспристрастностью тона повествования, так широко бытующего в эпосе. Основным оператором действенного эффекта в лирике, конечно, является сам язык. Как обозначал М.М. Бахтин, «язык выводится из потребности человека выразить себя, объективировать себя. Сущность языка в той или иной форме, тем или иным путем сводится к духовному творчеству индивидуума» (Бахтин 1997. 168). Поэтический язык, или поэтический дискурс преисполнен особой экспрессией, особой эмоциональностью, которая становится доминантой авторского текста. Экспрессия лирики сказывается в каждом элементе художественного целого: в отборе *слов*, лексем, в построении *синтаксических* конструкций, в вариациях *иносказания*, в особом сложении *фраз*, главное и начальное, на наш взгляд, – в *ритмико-фонетическом*, *ритмико-мелодическом* построении наличного текста.

Сославшись на Ю.М. Лотмана можно принять верифицированный тезис, что «стихотворная речь мыслится как нечто вторичное» (Лотман 1972. 23). Магистралью в лирике являются семантико-фонетические ряды в их неразрывной связи с ритмикой (Гаспаров 2012) и мелодикой (Эйхенбаум 1922). *Ритмика* есть особый раздел стихосложения (Жирмунский 2004. 258-296), который посвящен изучению стихотворной соразмерности языка. «Под ритмом принято понимать правильное чередование, повторяемость одинаковых элементов» (Лотман 1972. 45). Ритм, вероятно, в целом свойствен

человеческой речи, он также манифестирует и декларирует тон говорящего. В лирическом произведении ритм имеет особое, ничем незаменимое значение, «ритм в стихе является смыслообразующим элементом» (Лотман 1972. 45).

Исторически сложилось, что основная ритмическая единица начального уровня – это *слог*. В русском языке слоги воспроизводятся примерно с одинаковой скоростью, вариант плавности обеспечивает понятность и доступность речи для слушателя. Ритмической единицей второго порядка в лирике является *стопа*. Если взять за основу силлабо-тоническую систему стихосложения, стопа это созвучие одного ударного и одного или двух безударных слогов (ямб/хорей – дактиль/амфибрахий/анапест). Ритмической единицей третьего уровня является *стих*, или строка. Строка более самостоятельна относительно слога и стопы. Значение строки достаточно велико, ибо это уже есть цельная формула-фраза, наделенная большим потенциально звучащим смыслом. Организуясь в единый массив, стихи образуют текст, который структурно может быть дифференцирован на *строфы*. Следовательно, строфа – это группа стихов, объединенных общими формальными признаками. Таким образом, уровневый состав языка организует особую иерархию (Безруков 2017. 45–53) лирики, в которой вариация замены разрушит весь потенциал эстетического и смыслового.

Не менее важен для лирики уровень мелодического строя. Мелодика неотъемлемая часть лирического произведения наряду с ритмикой. Данные уровни как бы дополняют друг друга, создают слитность гармонии языка. Сам термин *мелодика* происходит от греческого слова *напев* (Эйхенбаум 1922), что составляет интонационную организацию стиха. Целесообразно, на наш взгляд, предположить, что мелодика есть некое движение голоса в поэтической речи, формально выраженное в повышении и понижении тона, содержательно передающее интонационно-смысловые оттенки целого произведения. Неслучайно, что экспрессивность речи роднит «лирическую напевность»

(Жирмунский 2004. 318) с музыкальным произведением. Следовательно, мелодика (Тюпа 2008. 118-119; Шатин 2014. 65– 68) связывает наличный состав языка – уровень номинаций – с коннотативной составляющей – вариацией синтеза смыслов. Читатель, воспроизводя текст по разным голосовым модусам и моделям, определяет для себя акценты особой значимости, некие точки фиксации имманентного характера. Закономерно, что поэзия не должна говорить языком понятий и определений, наоборот, она стремится воспроизводить в слушателе особое лирическое настроение. Достигается же это звуками, звучащим поэтическим словом (в контраст графическому начертанию), чем его логически-выверенным контентом. На наш взгляд, лирика Константина Бальмонта наиболее яркий тому пример. В поэзии Бальмонта соприсутствует, наличествует то, что упорядочивает через языковой строй авторский смысловой поток.

Функционально творчество К.Д. Бальмонта может быть оценено с позиций разных уровневых доминант. Это тематика текстов, их идейный смысл, сюжетное построение, и собственно поэтическая – ритмико-мелодическая мобильность. Именно ритмико-мелодический строй является существенным, онтологически выверенным для объективной рецепции стиля К. Бальмонта.

Напевный, инструментальный, мелодический характер его стихов во многом зависит от художественных приемов, оборотов и форм, точечной выборки слов с особым интонационно-мелодическим звучанием. В данном случае это влияет и на эмоциональную окраску всего текста, текста как целого (Гальперин 2007), текста как предела авторского способа мышления. Каждое слово у К.Д. Бальмонта имеет свое определенное положение. Трудно заменить уже сформированное единство его лирики в нечто новое, невысказанное. Различные виды смещений, трансформаций разрушают стиль гармонии поэта, изменяют положение авторского, буквально-непрямого взгляда, приводят к дисгармонии сочетаний, нарушают естественную логику

реализации мысли. Практически любой подобранный автором звуковой элемент (повтор, аллитерация, ассонанс, звукопись), а вместе с ним и лексический конструкт, вводит новое и точно-ограниченное содержание в пределах одной – авторской – эстетической базы. Лирике поэта «серебряного века», символисту, присуща особая острота передачи ощущений, которая видна в его уникальном *стиле*, манере письма, манере мышления. Обратимся к ряду примеров, подтверждающих акцентность и значимость ритмико-мелодической организации лирики Константина Бальмонта.

Гармонично сформировать картинку естественного бытия для поэта не представляется сложным. Но автор гармонию языковых номинаций, буквальных ориентиров дополняет мелодикой и ритмикой русского языка. Это проявляется уже в его раннем творчестве, например, в стихотворении «Фантазия» (1893):

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей, и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск Луны приемлет,
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез (Г. 1, с. 24).

Представленный в тексте звуковой состав нарочито обыгрывается поэтической инструментовкой, выраженной звукописью *ассонанса* и *аллитерации*. Также в формате звукописи, особой мелодики выступают у К.Д. Бальмонта и *паронимы*. По характеру они чаще всего представлены *сопоставительными парами*: топот / ропот; я ждал / я жаждал; слова / славы; мирной / мерной; чаю / чую и т.д. Далее утверждаемся в этом предположении на примере стихотворения «Грусть» (1894):

Внемля ветру, тополь **гнется**, с неба дождь осенний **льется**,
Надо мною раздается мерный стук часов **стенных**;

Мне никто не **улыбнется**, и тревожно сердце **бьется**,
И из уст невольно **рвется** монотонный грустный стих;
И как тихий дальний **топот**, за окном я слышу **ропот**,
Непонятный странный **шопот** – **шопот** капель дождевых (Т. 1, с.
53).

Следует заметить, что для Константина Бальмонта звуковой, да и синтаксический повтор есть форма создания текста. Способ активного сращения языковых рядов в единый монолит фразы. Буквально, вариация *стыка* – есть основа стихотворения «Я мечтою ловил уходящие тени...» (1894). Данное стихотворение *ступенчато*, сюжетно ведет читателя/реципиента от низа мировой арены с некой «тенью небытия» к вершине жизни, естеству желаемого, от намеченной, иллюзорной тени к цели бытия.

Я мечтою ловил **уходящие тени**,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, **и дрожали ступени**,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, **тем ясней рисовались**,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки **вдали раздавались**,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли (Т.1, с. 56).

Звуково шаги лирического героя, *авторского Я*, мелодически подчеркивает звукопись согласных – *ЩИЕ, ДР, СТ, СН, ЗД, КР*. Не то скрип, скрежет, не то преодоление, переступание через что-либо, но образ движется к желаемому, своей вершине. Риторически, достигается ли она – решать реципиенту. Не

случайно стихотворение заканчивается *анафорической* формой повтора, связывающего начало и конец текста:

Я узнал, как ловит уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все **выше** я шел, и дрожали ступени,
И **дрожали** ступени под ногой у меня (Т.1, с. 56).

Читателю обыграть Константина Бальмонта в вариантном сложении звуков, особой инструментовке, а далее и в режиме смысловой констатации нелегко. Его языковая картина мира индивидуального рода, статусного порядка. Мышление автора не вторит языку, оно движется чуть быстрее, но заметнее. В языковом сложении нет той нарочитой пустоты, которую можно заполнить только звуками, фонетикой сказанного. Мир для К.Д. Бальмонта есть свет солнца, свет души, метафизика ирреальности смешанной со «страшной картинкой» бытия, неслучайна созвучность его языка/манеры с эстеткой и поэтикой символизма. В частности, стихотворение «Камыши» (1895) репрезентирует:

Полночной порою в болотной **глуши**
Чуть слышно, **бесшумно**, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними **горят**?

Мелькают, мигают, – и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий **свет**.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят (Т.1, с. 59).

Читатель на первый взгляд качественно воссоздает перед собой пейзажный фон, на котором и разворачиваются основные события вечерней «жизни» – *полночь, болотная глушь, камыши, блуждающий свет, шелест камышей, жабы, змеи*. У Бальмонта просто не может такого быть. Именно ритмика текста, звуковая авторская аранжировка создают эффект дыхания жизни – *ШИ, ШИ, РЯТ, РЯТ, НЕТ, НЕТ*. Помогает в данном случае и формат дистиховой строфики; парность – это вдох, выдох, вздох, выдох... Конечно же, финал текста особо значим для верификации стилевой манеры Константина Бальмонта:

И, **вздох** повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, **шуршат** камыши (Т.1, с. 59).

Завершает естественное дыхание жизни финальная строка, она же и останавливает жизнь. Таким образом, нарушен читательский комфорт, снято ограничение на переживание и автор смог вовлечь читателя в интенсивный акт **со-творчества, со-переживания**. Сделано это в первую очередь, ритмико-мелодической организацией, далее уже – словом и слитностью синтаксиса.

В лирике поэта не раз встречается введение в текст внешней стихии. Как уже отмечалось ранее, трансцендентальное для поэта есть только повод сказать что-то большее, проникнуть с помощью нарочитой, гремящей, пугающей картины в потаенность внутреннего мира. Но и буквальное звучание стихии, что немаловажно для Константина Бальмонта, отражено в стихотворении «Океан» (1895):

Вдали от берегов Страны Обетованной,
Храня на дне души надежды бледный свет.
Я волны вопрошал, и **Океан** туманный
Угромо **рокотал** и **говорил** в ответ (Т.1, с. 64).

Стихотворение с самого начала наполнено двойственностью стандартов. Внешняя картина – «волны», «свет» – ориентирует на внутренне-желаемую – «обетованная страна», «туманный океан». В данном случае движение потоков страсти-желания редуцировано мелодикой текста, приемом, воспроизводящим интенсивный процесс говорения – *РО-КО-ТАЛ, ГО-ВО-ПИЛ*. Лирический герой/автор «вопрошает» у природы, стихии бурной, беспокойной; но и герой ждет ответа на вопрос, но получает в ответ следующее:

«Забудь о светлых снах. Забудь. Надежды нет.

Ты вверился мечте обманчивой и странной.

Скитайся дни, года, десятки, сотни лет, -

Ты **не найдешь** нигде Страны Обетованной» (Т.1, с. 64-65).

Символично, что Константин Бальмонт использует в данном фрагменте *молитвенную формулу*, некую модель ретардации, которая строится по особым принципам ритмики и мелодики – повтор, монотон, акцент, возврат, транс-вариант, гипнотический эффект слова. Внутренний повтор, повтор не прямой, сокрытый дает возможность автору, а далее и потенциальному читателю преодолеть смысловой контрапункт не лексически, но фонетически, с помощью звукописи – «Забудь... Забудь... Скитайся...». Заклинание словом работает как проекция мыслительного уровня, что свидетельствует о тщательной обработке не только языкового элемента, но и мысли, концептов, ментальных схем миропонимания.

На наш взгляд, в лирике Константина Бальмонта читателя покоряет не столько идея самого наличного текста (идеальная формула), сколько чарующая динамика и пластика, гармоничность стиха, его музыкальность, создаваемая волнообразным движением интонационных подъемов и спадов, даже внутренних колебаний голоса. Как бы выхватив звук – реципиент переживает контекстуальное состояние бессознательно, интуитивно предвидя

извод, это делает лирику поэта продуктом совершенным и качественным. Исходя из сказанного, можно отметить, что отличие поэзии К.Д. Бальмонта от ряда близких ему поэтов XX века в ориентире на начало рождения мысли – звук. Следовательно, в его текстах встречаем и оцениваем как генетический признак, рецептивный код и *паронимию*, и *ассонанс*, и *аллитерацию*, и *звукопись*, и *мелодику*, и особую *ритмику*, и *парономазию*, и *парцелляцию*, и *умолчание*. Функциональна для Константина Бальмонта вся звуковая база современного русского языка, языка особо мелодичного, напевного, яркого.

Мелодика его текстов есть своеобразный аттрактант; собственно притяжение достигается за счет «внутренней формы» (А.А. Потебня), за счет динамичной свободы в колористически-звуковой организации. Конкретизировать же роль того или иного приема, формы, средства необходимо из контекста, близкой связности звуков, лексем, синтаксических номинаций. Так, например, если обратиться к стихотворению «Вечно-безмолвное небо...» (1895) видим модульную связность звуков [В-Б], [М-Н] и смысловых коннотаций [ВЕЧНОСТЬ – ПРЕКРАСНОЕ], [НЕБО – МОРЕ]:

Вечно-безмолвное Небо, смутно-прекрасное Море,
Оба окутаны светом мертвенно-бледной Луны.
Ветер в пространстве смутился, смолк в безутешном
просторе,
Небо, и Ветер, и Море грустью одною больны (Т.1, с. 65).

На наш взгляд, именно ритмика и мелодика К.Д. Бальмонта особый вопрос, который уже не раз поднимался в научной среде, но окончательно систематизировать имеющиеся данные не получается, так как в его наследии мелодику задает ритм, а ритмика неразрывно связана с интонированием. Этим он и интересен, этим же интересен ситуативно-используемый автором язык. Например, в стихотворении «Опять» (1899):

Я хотел бы тебя *заласкать вдохновением*,
Чтоб мои над тобой *трепетали* мечты,
Как струится ручей мелодическим *пением*
Заласкать наклонившихся *лилий* цветы,
Чтобы с каждым нахлынувшим новым мгновением
Ты шептала: «Опять! Это – *ты!* Это – *ты!*» (Т.1, с. 222).

Рецепция этого текста для читателя внешне понятна, она как бы находится на поверхности, однако, стилистические магистрали авторского языка маркируются, читателю дается лишь только намек на что-то эмоционально-чувственное. Текст, как видим, произносится на одной голосовой волне, как бы пропеваётся, смыслы же стихотворения остаются тайной до конца. Они близки романтике чувств, нежности переживаний, сложности страстей, непредвиденности взаимоотношений, дистанции контакта, трепетности эмоций, доставляющей радость и удовольствие. И это нравится не только лирическому герою, автору, но и читателю. Последний как бы заражается желанием «заласкать вдохновением», но потенциал рядового масштаба вряд ли способен это сделать именно так, так как это смог К.Д. Бальмонт.

В рамках органики стихосложения языка нельзя не оценить поистине выверенный анапест Бальмонта, хотя бы в стихотворении «Меж подводных стеблей» (1903):

Хорошо меж подводных стеблей.
Бледный свет. Тишина. Глубина.
Мы заметим лишь тень кораблей,
И до нас не доходит волна.

Неподвижные стебли глядят,
Тонкоствольные стебли растут.

Как спокоен зеленый их взгляд,
Как они бестревожно цветут (Т.2, с. 81).

В данном случае, ритмический рисунок балансирует на грани эффекта мерцания и представления, колебаний реальности живой природы. Неспешность хода жизни – целостная авторская установка. Верх/низ, лево/право в традиционном особом пространственном режиме для данного текста незначимы; *чуткость, тишина, тень, взгляд, цветение* – вот, что онтологически тревожит сознание автора/читателя. Вновь Бальмонт ориентирует реципиента на *условность*, дает лишь намек на событие, может быть, даже особого *состояния*. И в тоже время автор беспристрастен к изменениям не только внешнего, но и внутреннего характера, *ямбическая* стопа в помощь поэту. Стихотворение «Я тихо сплю на дне морском...» (1913):

Я тихо сплю на дне морском,
Но близок мир земли.
Я вижу, верховым путем
Проходят корабли.

И видя бледность глубины
И жемчуга ее,
Я вспоминаю зыбь волны,
Тревожу забытье (Т.2, с. 82).

Константину Бальмонту не было свойственно смешение разных стоп в плане ритмики, но и говорит о цельности, неразделенности поэтической мысли, особом концептуальном сложении фразы, а также статусной роли «воспроизводящего», ответственности за произнесенное им, им написанное.

Стоит указать также на то, что стиль для лирики, в особенности для поэзии К.Д. Бальмонта, есть особая форма выражения или особый тип мышления. Глубинный дух фразы, ее понимание достигается только в ходе медленного чтения, «чтения вслед за автором». Сочетая, буквально вторя самому себе, автор не дистанцируется относительно текста, *он* растворяется в нем, приращивает *себя* к творческой вариации движения. Разгадать природу поэзии Константина Бальмонта можно только одномоментным принятием для себя и ритма, и мелодики, и лексики, и синтаксиса. Читатель, безусловно, должен не забывать, что перед ним эстетическое целое, дифференциация, дробность которого на части приводит к разрушению авторского стандарта, дроблению стилового применение языка на практике.

Заключение

Таким образом, рецепция и анализ индивидуально-стилевой манеры лирики К.Д. Бальмонта, позволяет сделать вывод о высокой значимости ритмики и мелодики в его лирическом наследии. Поэтические тексты Бальмонта передают чувства, эмоции, переживания, для которых недостаточна, а порой и второстепенна, содержательная, собственно смысловая сторона. Наибольшую важность играет в тексте не само слово, лексема, а их подача и звучание, выгодное и принципиально авторское построение, далее же – сложное, многомерное, многогранное читательская оценка и понимание.

Гармоническая цельность лирики К.Д. Бальмонта основная примета его стиля, способа мышления. Автор от читателя требует особого внимания на специфику языкового использования, особой дешифровки семантики звуковых соответствий, фонетических контаминаций. Сам автор конкретизировал, что за основу оценки нужно брать «мерную лиричность взнесенного чувства и умудренного сознания». На наш взгляд, это и есть первооснова колебаний,

первооснова движений чувственной базы, которая регулируется стилем как особой формы мыслить. Познать и качественно проанализировать язык Константина Бальмонта, объективировать его для современности можно только при детальной оценке мелодики и ритмики, фоники и звукописи.

Также немаловажно, что лирика Константина Бальмонта продуктивна, функциональна и действенна. Она особо значима для диалога культурных этапов, ибо собирает фольклор прошлого, историзм настоящего, перспективность вечного. Литературный процесс XX века достаточно частотно обращается к наследию Бальмонта за формой поддержки, за гармонией созвучности, за прилежностью стиха. Все это происходит благодаря созвучности и складности русского языка, смежности культурных парадигм, стилевой слитности национальных приоритетов. Стиль Константина Бальмонта противоречив, неоднозначен, окончательно утвердился в правильности понимания его языка несколько бессмысленно. Сферический вариант коннотаций у Бальмонта онтологически превалирует, метафизически поэт расширяет объем звучащего слова, за счет этого обогащается и внутренний мир читателя. Прикасаясь к наследию К.Д. Бальмонта необходимо учитывать, не только объем его поэтического богатства, не стоит забывать и про эстетику начальных языковых номинаций, реализованных в индивидуально-авторской манере.

Литература

- 1- Бальмонт К.Д. (2010а). *Собр. соч.: В 7-ми т. Т.1.: Полное собрание стихов 1909 – 1914: Кн. 1–3* / К.Д. Бальмонт / Вступ. ст. В. Макарова. Москва: Изд-во «Книжный Клуб Книговек».
- 2- Бальмонт К.Д. (2010б). *Собр. соч.: В 7-ми т. Т.2.: Полное собрание стихов 1909 – 1914: Кн. 4–7* / К.Д. Бальмонт. Москва: Изд-во «Книжный Клуб Книговек».
- 3- Бахтин М.М. (1997). *Собр. соч.: в 7-ми т. Т.5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов* / М.М. Бахтин. Москва: Изд-во «Русские словари».

- 4- Безруков А.Н. (2015). *Рецепция художественного текста: функциональный подход* / А.Н. Безруков. Вроцлав: Изд-во: Фонд «Русско-польский институт».
- 5- Безруков А.Н. (2016). *Диссолюция стиля и дискурса в пределах онтологического корпуса художественных нарративов* / А.Н. Безруков // Актуальные проблемы стилистики. № 2. С. 159–163.
- 6- Безруков А.Н. (2017). *Иерархия художественного дискурса* / А.Н. Безруков // *Litera*. № 2. С. 45–53.
- 7- Винокур Г.О. (2006). *О языке художественной литературы* / Г.О. Винокур. Москва: Изд-во «КомКнига».
- 8- Гальперин И.Р. (2007). *Текст как объект лингвистического исследования* / И.Р. Гальперин. Москва: Изд-во «КомКнига».
- 9- Гаспаров М.Л. (2012). *Метр и смысл* / М.Л. Гаспаров. Москва: Изд-во «Фортуна ЭЛ».
- 10- Жирмунский В.М. (2004). *Введение в литературоведение: Курс лекций* / В.М. Жирмунский. Москва: Изд-во «Едиториал УРСС».
- 11- Лотман Ю.М. (1972). *Анализ поэтического текста* / Ю.М. Лотман. Ленинград: Изд-во «Просвещение».
- 12- Молчанова Н.А. (2002). *Поэзия К. Бальмонта 1890-х – 1910-х годов: проблемы творческой эволюции* / Н.А. Молчанова. Москва: Изд-во «МПГУ».
- 13- Петрова Н.Г. (2015). *Лексические регуляторы в аспекте читательского восприятия (на материале поэзии К. Бальмонта)* / Н.Г. Петрова. Новосибирск: Изд-во «НГПУ».
- 14- Петрова Т.В. (2012). *Поэт солнца и волшебных звуков (К. Бальмонт и С. Прокофьев)* / Т.В. Петрова. Иваново: Изд-во «Епишева О.В. ».
- 15- Суханова И.А. (2016). *Роль имен художников в стихотворении «Аккорды» К. Бальмонта с точки зрения интермедиальных связей* / И.А. Суханова // *Ярославский текст в пространстве диалога культур*. Материалы науч. конф. Ярославль: Изд-во «Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского». С. 303-308.
- 16- Тюпа В.И. (2008). *Анализ художественного текста: учеб. пособие* / В.И. Тюпа. Москва: Издательский центр «Академия».
- 17- Хализев В.Е. (2004). *Теория литературы* / В.Е. Хализев. М.: Изд-во «Высшая школа».
- 18- Шатин Ю.В. (2014). *Б.М. Эйхенбаум и В.М. Жирмунский: две интерпретации мелодики стиха* / Ю.В. Шатин // *Известия Воронежского государственного университета*. № 4(265). С. 65– 68.

- 19- Шлегель Ф. (1983). *Эстетика. Философия. Критика. В 2-х т. Т.2* / Ф. Шлегель. Москва: Изд-во «Искусство».
- 20- Эйхенбаум Б.М. (1922). *Мелодика русского лирического стиха* / Б.М. Эйхенбаум. Петербург: Изд-во «ОПОЯЗ».

Bibliography

- 1- Bal'mont K.D. (2010a). *Sobr. soch.: V 7-mi t. T.1.: Polnoe sobranie stihov 1909 – 1914: Kn. 1–3* / K.D. Bal'mont / Vstup. st. V. Makarova. Moskva: Izd-vo «Knizhnyj Klub Knigovek».
- 2- Bal'mont K.D. (2010b). *Sobr. soch.: V 7-mi t. T.2.: Polnoe sobranie stihov 1909 – 1914: Kn. 4–7* / K.D. Bal'mont. Moskva: Izd-vo «Knizhnyj Klub Knigovek».
- 3- Bahtin M.M. (1997). *Sobr. soch.: v 7-mi t. T.5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h godov* / M.M. Bahtin. Moskva: Izd-vo «Russkie slovari».
- 4- Bezrukov A.N. (2015). *Recepcija hudozhestvennogo teksta: funkcional'nyj podhod* / A.N. Bezrukov. Vroclav: Izd-vo: Fond «Russko-pol'skij institut».
- 5- Bezrukov A.N. (2016). *Dissoljucija stilja i diskursa v predelah ontologicheskogo korpusa hudozhestvennyh narracij* / A.N. Bezrukov // Aktual'nye problemy stilistiki. № 2. S. 159–163.
- 6- Bezrukov A.N. (2017). *Ierarhija hudozhestvennogo diskursa* / A.N. Bezrukov // Litera. № 2. S. 45–53.
- 7- Vinokur G.O. (2006). *O jazyke hudozhestvennoj literatury* / G.O. Vinokur. Moskva: Izd-vo «KomKniga».
- 8- Gal'perin I.R. (2007). *Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija* / I.R. Gal'perin. Moskva: Izd-vo «KomKniga».
- 9- Gasparov M.L. (2012). *Metr i smysl* / M.L. Gasparov. Moskva: Izd-vo «Fortuna JeL».
- 10- Zhirmunskij V.M. (2004). *Vvedenie v literaturovedenie: Kurs lekcij* / V.M. Zhirmunskij. Moskva: Izd-vo «Editorial URSS».
- 11- Lotman Ju.M. (1972). *Analiz pojeticheskogo teksta* / Ju.M. Lotman. Leningrad: Izd-vo «Prosveshhenie».
- 12- Molchanova N.A. (2002). *Pojezija K. Bal'monta 1890-h – 1910-h godov: problemy tvorcheskoj jevoljucii* / N.A. Molchanova. Moskva: Izd-vo «MPGU».
- 13- Petrova N.G. (2015). *Leksicheskie reguljatory v aspekte chitatel'skogo vosprijatija (na materiale poezii K. Bal'monta)* / N.G. Petrova. Novosibirsk: Izd-vo «NGPU».

- 14- Petrova T.V. (2012). *Pojet solnca i volshebnyh zvukov (K. Bal'mont i S. Prokof'ev)* / T.V. Petrova. Ivanovo: Izd-vo «Episheva O.V. ».
- 15- Suhanova I.A. (2016). *Rol' imen hudozhnikov v stihotvorenii «Akkordy» K. Bal'monta s točki zrenija intermedial'nyh svjazej* / I.A. Suhanova // *Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur. Materialy nauch. konf.* Jaroslavl': Izd-vo «Jaroslav. gos. ped. un-t im. K.D. Ushinskogo». S. 303-308.
- 16- Tjupa V.I. (2008). *Analiz hudozhestvennogo teksta: ucheb. posobie* / V.I. Tjupa. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija».
- 17- Halizev V.E. (2004). *Teorija literatury* / V.E. Halizev. M.: Izd-vo «Vysshaja shkola».
- 18- Shatin Ju.V. (2014). *B.M. Jejhenbaum i V.M. Zhirmunskij: dve interpretacii melodiki stiha* / Ju.V. Shatin // *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta.* № 4(265). S. 65– 68.
- 19- Shlegel' F. (1983). *Jestetika. Filosofija. Kritika.* V 2-h t. T.2 / F. Shlegel'. Moskva: Izd-vo «Iskusstvo».
- 20- Jejhenbaum B.M. (1922). *Melodika russkogo liricheskogo stiha* / B.M. Jejhenbaum. Peterburg: Izd-vo «OPOJaZ».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Bezrukov Andrey Nikolaevich (2018). Reception of Individual Stylistic Manners the Lyrics of K.D. Balmont, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp:115-137

DOI: 10.29252/iarll.11.115

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-131-en.html>

Intentional Interpretation of the Poetic Text as a Key to the Author's Self-Concept

Volkov Sergey Alexandrovich¹

Associate Professor of Higher Institute of Languages of Tunis,
Carthage University
Tunisia, Republic of Tunisia.

(date of receiving: November, 2017; date of acceptance: February, 2018)

Abstract

Author's self-concept within our meaning is the self-presentation of rhymes in the content-related structure and reveals itself in the context of intentional interpretation of the poetic text, i.e. decoding the subject-matter and ideology rooted in it, complex of imageries and symbolic components. Hitting a target in seeking the key to the author's self-concept is undertaken through the case study work with *The Spring Quran*, a piece of poetry by the poet of the Silver Age of Russian literature (1890 – 1922), “the son of Asia” Velimir Khlebnikov and is confined in interpreting implications used by the author in connection with the certain sources and motives, i.e. symbolic performance as of mythological and religious (both Christian-like and Muslim). Khlebnikov's “I” – self-concept – in the poem *The Spring Quran* implicates the author's creed, aiming for the veracity through the tree of knowledge and admitting the religious values, faith in divine justice. Therefore the author's self-concept is the artistic oneness of truth-centered postulates and author's intentions to give utterance to them, identity of imageries and oneself. Interpreting the imageries and symbols of theologian, poplar, horn, sky, green, blue, etc. interlaced in the poem proves our case.

Keywords: Author's Self-Concept, Intentional Interpretation, Linguistic and Culturological Approach, Poetic Text, Symbols.

1. E-mail: sergei.volkov74@gmail.com

Интенциональный анализ поэтического текста как «разгадка» авторского «я»

Волков Сергей Александрович¹

Доцент Высшего института языков Туниса Университета Карфагена,
Тунис, Тунисская Республика.

(дата получения: ноябрь 2017 г.; дата принятия: февраль 2018 г.)

Аннотация

Авторское «я» нами понимается как самопредставление автора поэтического произведения в содержательной структуре, которое раскрывается в интенциональном анализе текста, т.е. расшифровке заложенных в нем тематико-идейной направленности, совокупности образов и символических элементов. Попытка «разгадки» авторского «я» предпринимается на примере стихотворения поэта эпохи Серебряного века Велимира Хлебникова («сына Азии», как он сам себя называл) «Весеннего Корана» и заключается в толковании смыслов, связанных с источниками и мотивами использования автором конкретных символических образов, в том числе мифологических и религиозных, как христианских, так и мусульманских. Хлебниковское «я» в «Весеннего Корана» заключает в себе мировоззренческую концепцию автора, а именно: стремление к истине через познание и принятие религиозных смыслов, веру в божественную справедливость. Отсюда авторское «я» – художественный опыт единства истинных постулатов и интенций автора выразить их, идентичность художественных образов и самого себя. Интерпретация перемежающихся образов и символов богослова, тополя, рога, невода, рыбы, столба, неба, зеленого, синего и др. доказывают нашу позицию.

Ключевые слова: Авторское «Я», Интенциональный Анализ, Лингвокультурологический Подход, Поэтический Текст, Символ.

1. E-mail: sergei.volkov74@gmail.com

Введение

Поэтический текст представляется нам категорией, в которой репрезентируются в своей целостности личностный и лингвистический факторы речетворчества. Личностный фактор – это фактор субъекта автора как психологического, социального и культурного индивида со своим духовно-художественным опытом. За лингвистический фактор здесь условно принимается авторский опыт оперирования языковыми средствами для воплощения в поэтической форме принципа эстетического и мировоззренческого самоопределения. Как видно, личностный и лингвистический факторы связаны между собой косвенно, именно поэтому в поэтическом творчестве текст можно считать «проводником» в соотношении «личность – язык». Это позволяет прийти к мысли о том, что поэтический текст, так же, как и текст вообще, – это категория лингвокультурологическая, но с особо выраженной авторской спецификой, требующей обозначения точек соприкосновения с общекультурными понятиями. Такая специфика поэтического текста – не что иное, как присутствие в нем авторского «я». Понимание сущности взаимообусловленности авторского «я» и лексических средств (не только как языковых, речевых и лингвокультурных единиц, но и как речетворческих установок для создания неповторимой образной картины «не-воображаемого» мира) достигается через интенциональный анализ содержательной структуры поэтического текста. В содержательную структуру нами включаются сюжетная линия и такие композиционные единицы текста (его художественной формы), как образы, символы, порождаемые темой слова, а также скрытые мотивы, побудившие автора к написанию произведения. Такие мотивы могут определяться мимолетным настроением или целевым поведением, при этом одно не исключает другого. В любом случае мотивы обусловлены историческими событиями, изменяющими культурную ситуацию и нравственное состояние общества, и биографическими фактами.

В данной статье на примере интенционального анализа текста стихотворения «Весеннего Корана» мы ставим цель раскрыть авторское «я» его создателя Велимира Хлебникова, уроженца Астрахани – «восточной столицы» России, человека, философа, ученого, глубокого знатока цивилизации Востока, в частности персидской и арабской, мировых религий и мифологии, поэта эпохи Серебряного века, приверженца символической поэзии и одного из идеологов футуризма.

Основная часть

В поле зрения исследователей анализируемое нами стихотворение попадало как образец нового поэтического творчества о природе. И только Х. Баран сосредоточивается на семантике текста и отмечает разницу видения «природы у Хлебникова, в котором реальное и воображаемое, природное и мифическое, субъективное и объективное неразрывно переплелись» (Баран 1993. 93), и в русской поэзии Золотого века. Всесторонняя характеристика стихотворения в связи с его местом в литературном процессе начала XX века и в развитии восточной тематики в русской культуре дана С. Заху в магистерской диссертации «Восточные мотивы в русской поэзии Серебряного века (на примере произведений Велимира Хлебникова «Весеннего Корана» и «Хаджи-Тархан»)» (2017), выполненной и защищенной под руководством автора настоящей статьи.

В нашем, одновременно психолингвистическом и лингвокультурологическом подходе, мы опираемся на утверждение, что «интенциональность выражает предметную направленность переживаний сознания, его соотнесенность с предметами опыта. Эта соотнесенность сознания и предмета понимается как смыслообразующая, сознание есть не что иное, как смыслообразование» (Словарь философских терминов 2005. 204).

Приведем текст данного поэтического произведения.

	Весеннего Корана		И вот весенний бог
	Веселый богослов,		(Осетр удивленный)
	Мой тополь спозаранок		Лежит на каждой лодке
4	Ждал утренних посллов.	18	У мокрого листа.
	Как солнца рыболов,		Открыла просьба: «Небо дай»
	В надмирную синюю тоню	20	Зеленые уста.
	Закинувши мрежи,		С сетями ловли бога
	Он ловко ловит рев волов		Великий Тополь
	И тучу ловит соню,		Ударом рога
10	И летней бури запах свежий.		Ударит о поле
	О, тополь-рыбак,	25	Волною синей водки.
	Станом зеленый,		
	Зеленые неводы		Весна 1919
	Ты мечешь столба.		(Хлебников 1986. 114).

Интенциональность хлебниковской поэтики (поэтики как художественного использования языковых средств) данного стихотворения выявляется в том, что, во-первых, каждое слово определяется «минимальной» темой, или подтемой, весь набор которых формирует сюжетную линию поэтического текста, во-вторых, каждая тема воплощает в себе конкретную интенцию и порождается главной авторской интенцией, которая задается в сознании целью создания произведения и проясняет его идею, в-третьих, применяется метод «максимального правдоподобия» определения авторских интенций на основе вероятности проявления совпадения культурно-смысловых параметров слов-символов в поэтическом тексте и источниках мировой культуры. В этой связи раскрытие интенциональности усматривается в установлении последовательности подтем и выведении общей темы и латентно-смысловом анализе атрибутов темы (слов-символов со скрытым содержанием).

Чтобы говорить о том, какая интенция породила тему «Весеннего Корана», необходимо обратиться к мысли Хлебникова, которая мучила его до конца дней: «Моя цель – найти закон чистого времени, управляющий созвездием», – записал он в своих «Мыслях и заметках» в 1920 г. (Хлебников 2006а. 90). Такой закон у Хлебникова сводился к уравнению, в котором соединялись «событие и противособытие во времени» и преломлялись «в его сухом языке» слова: «"Мне отмщение и Аз воздам"... Весь закон Моисея и весь Коран, пожалуй, укладываются в железную силу этого уравнения... Поступок и наказание, дело и возмездие» (Хлебников 2006б. 13).

В восточной тематике своего творчества Хлебников выражает одну из основных своих научных и мировоззренческих идей о соотношении времени и пространства. Эта идея заключалась в видении мира как единства, причем силу мира он в первую очередь относил к духовной силе Востока, в частности Персии, о которой писал в предисловии «Свояси» к своим «Творениям», что это «угол русской и македонской прямых» (Хлебников 1986. 36). Хлебниковская концепция времени родилась в его желании сломать «перо войны» (выражение Хлебникова из поэмы «Война в мышеловке»: Хлебников 1986. 462), «найти оправдание смертям», но не естественным, а насильственным, вызванным «жестоким законом отношения времени к месту» (выражения Хлебникова цит. по: Перцова 1994. 298-301), который действует в человеческом обществе в определенный исторический период.

Хлебников приблизился к открытию законов пространственно-временных отношений, предвидение которых может избавить мир от зла, и, по нашему мнению, в основе победы над временем и пространством заключена мысль о единении миров, цивилизаций через приход к Единому Богу, через поиск истины, веру в Судный день как очищение от грехов и приход к новому. Вот что он пишет в поэме «Азы из Узы» (1919-1922): «Я видел, что черные Веды, Коран и Евангелие, И ... Книги монголов ... сложили костер И сами легли на

него – ... Чтобы ускорить приход Книги единой» (Хлебников 1986. 466). Сознание этой мысли и преломляется в художественной форме «Весеннего Корана».

Интенциональный анализ текста прежде всего требует выделения тем, или подтем, которые образуют сюжетную линию, затем описания интенций автора, способов их выражения и рассмотрения с точки зрения правдоподобности.

1. Ожидание послов спозаранок, очевидно, в то время, когда совершается первая молитва. Образы-символы: Коран, богослов, тополь, послы (строки 1 – 4).

2. Ловля. Образы-символы: рыболов, солнце, рев волов, туча соня, запах бури. Слова-символы: тоня, мрежи (невод, сети) (строки 5 – 10).

3. Улов. Образы-символы: тополь-рыбак, бог, осетр. Слова-символы: неводы, столб, лодка, лист (строки 11 – 18). Использование слова *бог* в контексте ловли и улова, а у нас в написании с прописной буквы обуславливается не осознанием его Могущественным, Высшим Существом, а обозначением в языке различных воззрений о его сути или каких-либо божественных свойств.

4. Молитва. Взывание к небу, Богу о воздаянии. Образ просьбы (строки 19-20).

5. Обретение мощи как ознаменование конца. Образы: Великий Тополь, сети, бог, удар рога, поле, волна, водка – вода (строки 21-25).

Первый стих *Весеннего Корана* относится ко всей композиции стихотворения. Интенция Хлебникова – не простое обращение к Корану. Он хочет показать его предназначенность, а именно то, что он несет в себе защиту, благую весть, наказание. Подтверждением такого понимания могут служить слова: «1. Та. Син. Это – аяты Корана и ясного Писания, 2. Верное руководство и благая весть для верующих, 3. Которые совершают намаз, выплачивают закят и убеждены в Последней жизни» (Сура 27 «ан-Намль»

(«Муравьи»), аяты 1–3. 478¹). Коран назван весенним не только по времени написания этого произведения, ведь такое определение идеально отражает понимание художником слова Священной книги и придание ему символа начала природы, который воплощает в себе освобождение мира от хаоса.

Богослов: образ богослова, тополя, рыболова солнца, тополя-рыбака, с одной точки зрения, отождествляются, но, с другой стороны, в каждой теме приобретают дополнительные, переходные качества, как можно выразиться, по мере нарастания во времени и пространстве – от веселого богослова в надмирной тоне до Великого Тополя в поле. Один ли это образ в интенциональной структуре текста? Любовь Хлебникова к неоднозначности затрудняет ответ на этот вопрос. Однако мы можем позволить себе ассоциировать образ богослова с самим автором благодаря атрибуту *веселый*, тем более, что в Древней Греции богословами (теологами) называли поэтов, рассказывающих о богах. Не исключено поэтому намерение Хлебникова, вслед за Пушкиным, напомнить о том, что поэт – это глашатай слова Божьего. Это не противоречит и кораническому пониманию роли поэта: «224. А за поэтами следуют заблудшие. 225. Разве ты не видишь, что они блуждают по всем долинам (слагают стихи на любые темы) 226. и говорят то, чего не делают? 227. Это не относится к тем, которые уверовали, совершают праведные деяния, многократно поминают Аллаха и защищаются после того, как с ними поступают несправедливо, скоро узнают, куда они вернуться» (Сура 26 «аш-Шуара» («Поэты»), аяты 224-227. 477).

Тополь: Образ, имеющий целую мифологическую историю, отличающийся двойственностью «из-за того, что листья белого тополя – темные с верхней (солнечной) стороны и светлые с нижней (лунной)» (Словарь символов 1999. 371). Поэтому Хлебников воплотил в тополе свою интенцию видения единого

1. Тексты аятов в статье приводятся из источника, указанного в списке литературы: Священный Коран 1425 г.х.

Бога, родства мусульманской и христианской религий. В другом своем произведении – «Слове о Эль» – Хлебников дает четкую характеристику *тополю*, связывая его этимологию с латинским наименованием *populus* – *люди, народ*:

Кто не лежит во время бега	Его хребет стоит, как тополь,
Звериным телом, но стоит,	А не лежит хребтом зверей.
Ему названье дали — люд.	Прямостоячее двуногое,
Мы воду черпаем из ложки.	Тебя назвали через люд.
Он одинок, он выскочка зверей,	[Хлебников 1986. 121]

Мы приходим к выводу, что именно в значении *люд* фигурирует образ *тополя* в первой теме.

Тополь-рыбак: В атрибуте *рыбак* автор предлагает ассоциацию с Христом в связи с библейской притчей о Чудесном улове рыбы (Библия 2014. 5: 1-11. 1088-1089) и самим знаком рыбы как символом Иисуса Христа, наряду с солнцем.

Великий Тополь: Ассоциативный образ с ангелом Исафилом: «В хадисе о Роге от Абу Хурайры говорится, что этот Рог огромного размера, и что его окружность величиной с небеса и земли. Ангел Исафил будет дуть в него» (Коран онлайн). Интенция передать великое предназначение этого образа выражается даже в том, что слово Тополь в этом месте начертано с заглавной буквы.

Он (Тополь) – рыболов солнца: Этот образ у Хлебникова в разных «лицах» присутствует в его творениях (*солнцелов, сыны солнца*). В христианстве солнце – символ Христа: Христос – «Солнце правды» (Словарь символов 1999; Энциклопедия 2004. 465), а в исламе – «око Аллаха» (Энциклопедия 2004.

461). Хлебников в теме ловли солнца хотел выразить интенцию о том, что солнце суть творчества, своими лучами проясняющее слово-истину, а «победа над солнцем» (которая и предполагается в ловле) – провозглашенный футуристами символ своей мифологизированной поэтики. Улов солнца у Хлебникова означает познание истины и переход от старого к новому через конец света. Достоверность нашей интерпретации образа *рыболова солнца* подтверждается научными источниками: «Солнце – атрибут персонифицированной истины, поскольку в его свете все становится ясным» (Холл 1996. 524) и «"Победа над солнцем" ... Это "переосмысленный футуристами Апокалипсис", "метафора конца света"» (Губанова 1998. 69).

Послы: Интенция Хлебникова – поведать, кто может передать Божью волю людям на земле. Тема посллов отсюда связана с ожиданием посланников Бога, явления ангелов, связанного с возвещением о конце света. Такое толкование объясняется апокалиптической сюжетной линией поэтического текста.

Атрибуты к образам Корана, богослова и посллов *весенний*, *веселый* и *утренние* передают интенцию поэта о том, что уход старого знаменует рождение нового, то есть апокалиптические конец и начало – все те же переменные временных законов.

Авторская интенция – дать каждому понять, что ему не избежать Божьего слова – выражается в теме ловли. Местом ловли автор намеренно выбирает *тонию* – залив для ловли рыбы неводом, а также часть берега, прилегающую к нему, так как мы считаем, что он исходил из замысла написания стихотворения и символического отношения *тони* к концу жизни, в противовес воде – началу жизни.

Рев волов: Толкование *рева волов* можно связать с фольклорным представлением его как *громом*. Такого мнения придерживается исследователь Х. Баран при анализе стихотворения [Баран 1993. 88]. И это, в общем, логично, поскольку данный образ стоит в одном ряду с образами-явлениями природы

(*тучи* и *бури*), формирующими подтему объектов ловли, так сказать, добычи. Мы расширим понимание этих слов, так как видим в них глубинный смысл, исходя из того, что Хлебников часто наполнял свои образы двойственным значением, предоставляя читателю возможность поразмыслить. Поэт «выбирает» образ не *быка* – символа солнечного начала и плодovitости, в исламской традиции опоры мира, а именно *вола* как лунного символа еще у древних египтян, в христианской религии ассоциирующегося, с одной стороны, с жертвой (что, очевидно, связано с лишением его способности к плодovitости), в которую принес себя Христос (Словарь символов 1999. 45-46). *Вол* «появляется в качестве жертвенного животного в очищении храма» и, наряду со львом, орлом и ангелом, является «апокалипсическим» существом (Холл 1996. 138). В исламе слывет плохим предзнаменованием, но в то же время это знак благоприятный, приносящий пользу (Dictionnaire des symboles musulmans 1995. 73). Кроме этого, *вол* как символ терпения соотносится с обязанностью мусульманина быть долготерпимым. Образ двойственен, хотя атрибут *рев* вносит дополнение о том, что здесь просматривается страдание, вызванное приписываемым *волам* долгим терпением, а в результате, с нашей точки зрения, делается упор на символ жертвенности, связь с концом света. К тому же автор подвергает ловле не самих *воло*в, а их *рев*.

Туча соня: в Коране о *тучах* речь идет в аподиктическом стиле, когда объясняется, какая роль им отводится в великом природном цикле: «Он – Тот, Кто показывает вам молнию, чтобы вы боялись и надеялись, и создает тяжелые тучи» (Сура 13 «Ар-Рад» («Гром»), аят 12. 305). *Туча* как «знамение», средство «поучительного наказания» для неверующих, а атрибут *соня* (дополняющий нынешний характер состояния тучи) выполняет роль потенциального карательного меча. Тема ловли тучи объясняется нами как воплощение интенции показать «победу над пространством»: *туча, гром, буря* – предзнаменование сближения неба с землей.

Атрибуты *рев*, *соня*, *запах* – средства для выражения интенции о возвещении событий (дающих о себе знать *волов* с помощью *рева*, надвигающихся *тучи* и *бури*), а не об их факте.

Невод, *мрежи*, (*рыболовные*) *сети*: Образы-символы ловли. Интенция автора заключается в соотнесении этих слов с пониманием их в Священных Писаниях. «Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов» (Библия 2014. Мф. 13: 47-50. 1030). Также *сеть* олицетворяет силу, которую показал Христос своим ученикам в Чудесном улове рыбы (Библия 2014. 1088-1089). В исламе, начиная с персидской традиции, *сеть* считается мистическим средством постижения Бога. *Невод* в теме ловли в сочетании с атрибутом *столб* и действием глагола *метать*, совершаемым *тополем-рыбаком*, с одной стороны, подобен молнии, описанной в Коране: «Гром прославляет Его хвалой, а также ангелы от страха перед Ним. Он мечет молнии и поражает ими, кого пожелает. Они спорят об Аллахе, а ведь Он силен и суров в наказании» (Сура 13 «ар-Рад» («Гром»), аят 13. 305). С другой стороны, в этой теме интенциональность Хлебникова состоит в осознании *невода*, сплетенного из звезд, как символа небесного, улова *рыбы* – земного, а *столба* – моста между небом и землей – пространственного единства. Хлебников пишет в одной из своих микропоэм: «Годы, люди и народы Убегают навсегда, как текучая вода. В гибком зеркале природы Звезды – невод, рыбы – мы, Боги – призраки у тьмы» (Хлебников 1931. 7). Мы практически всегда видим у него двойственный характер одного образа (например, рыба здесь ассоциируется с земным и далее – божественным), что отвечает его главной интенции – доказательства единства, целостности кажущихся на первый взгляд несоединимых вещей.

Употреблению трех слов фактически с одним значением, по нашему мнению, Хлебников придает особый смысл, располагая их появление как бы по временной вертикали, чем утверждается уходящее прошлое: *мрежи* – устарелое слово, по звучанию мягкое и непредвещающее еще опасности, *невод* приближен к воде и служит для ловли с целью отбора хорошего и плохого улова (праведников и грешников), *сети* – средство возмездия. В этом видится опять-таки его интенция представить течение времени по особому закону.

Интенция обрисовать возмездие в тексте присутствует в единстве с мыслью показать пути спасения человека. Тема лодки, на наш взгляд, используется в качестве символа храма, путь к которому в христианстве означает покаяние и спасение. Мы можем предположить, что Хлебников стремился найти аналогию христианского символа *лодки* с мусульманским представлением о спасении и проводит ее со *столбом*, который сопутствуется или представляется неводом и устремляется ввысь, подобно минарету, предвещая спасение тем, кто уверовал. Между прочим, вариант этого слова *столп* в русскую старину имел значение сторожевой башни, на самом верху которой находилось помещение, служившее жилищем для затворников либо приспособленное под часовню. То есть *столб* связан с местом для молитв и в христианской традиции, которая восходила к языческим культам. Здесь слово *столб* может быть истолковано и как один из пяти столпов Ислама – намаз, ежедневная молитва, совершаемая пять раз, или хадж, в ходе которого паломники в день праздника жертвоприношения бросают по 7 камешков в «большой столб (*джамрат аль-кубра*), символизирующий шайтана» [Исламский энциклопедический словарь 2007. 759]. Хадж – это путь мусульман к спасению, ведущий в Мекку к Каабе: «96. Воистину, первым домом, который был воздвигнут для людей, является тот, который находится в Бекке (*Мекке*). Он был воздвигнут как благословение и руководство для миров. 97. В нем есть ясные знамения – место Ибрахима (*Авраама*). Кто

войдет в него, окажется в безопасности. Люди обязаны перед Аллахом совершить хадж к Дому (*Каабе*), если они способны проделать этот путь. Если кто не уверует, то ведь Аллах не нуждается в мирах» (Сура 3 «Аль Имран» («Семейство Имрана»), аяты 96, 97. 73).

Осетр: Образ хлебниковский. Выбран им потому, что распространен осетр в дельте Волги, родных местах Хлебникова и, очевидно, поэт хорошо знаком с нравами этой рыбы с особенным взглядом наивного существа, с его невероятной способностью к плодовитости, поэтому уподобляет богу как началу и концу всего сущего, возможно благодаря. Кроме этого, своим внушительным внешним видом и необычной формой головы он под стать царствующей особе. Именно его поэт удостоивает права на спасение. Объяснение этому мы найдем в интерпретации интенционального смысла последующих слов-символов.

Лист можно представить как символ языка, который должен провозгласить правду, истину, но лишь тогда, когда наступит время. Здесь мы проводим параллель с историческими событиями, связанными с сопротивлением сирийцев в борьбе за власть четвертому Праведному халифу Али ибн Абу Талибу, двоюродному брату и зятю пророка Мохаммеда, и в которых листы Корана сыграли решающую роль: предвидя поражение, сирийцы по приказу своего правителя «нанизали на кончики копий листы Корана и призвали Али к Божьему суду» (Исламский энциклопедический словарь 2007. 50). Об этом явно знал Хлебников как знаток и исследователь Востока. Нет сомнения в том, что в тексте *лист в каждой лодке* значит лист Корана с «Ниспосланием от Господа миров»: «189. Они сочли его лжецом, и их постигли мучения в день тени. Воистину, это были мучения в Великий день. 190. Воистину, в этом – знамение, но большинство их не стали верующими. 191. Воистину, твой Господь – Могущественный, Милосердный. 192. Воистину, это – Ниспослание от Господа миров. 193. Верный Дух (*Джибрил*) сошел с ним 194. на твое

сердце, чтобы ты стал одним из тех, кто предостерегает. 195. *Оно ниспослано на ясном арабском языке*» (Сура 26 «аш-Шуара» («Поэты»), аяты 189-196. 474-475) (в аяте 189: *его* значит *Мусу*). В теме *листа* скрыта интенция автора отразить мысль о сущности времени как средства обнаружения истины.

Просьба молит Бога послать бурю. Ее молитва была услышана. Интенция автора: посланник Бога – Аллаха (о чем свидетельствует атрибут образа просьбы *зеленые уста*) возвестит о Судном дне, наступление которого так описано в Коране: «В тот день подуют в Рог, и в тот день Мы соберем грешников синими (*синеглазыми*)» (Сура 20 «Та Ха» («Та Ха»), аят 102. 398). *Тот день* значит *День Воскресения*, или Судный день. В исламе этот день связан с воскрешением всех мертвых, отсюда и его название.

В поэтическом тексте образ-символ *Великий Тополь* обретает могущество, позволяющее вершить правосудие над несправедливостью (в той системе перемежающихся «миров» гражданской войны, в которой жил Хлебников). Атрибутами такой власти автор делает *сети ловли бога*, который, в нашей интерпретации, выступает символом начала и конца всего сущего, и *рог* – божественная сила, сила души – символ солнечный и лунный. Интенция Хлебникова в использовании образов сетей и рога заключается в открытии жизненного принципа – постижения Бога, а значит и истины. Эта мысль гармонично сочетается со словом-образом *волна*, символизирующим хлебниковскую идею о событии и противособытии во времени. Тем самым еще раз подчеркивается интенция изобразить «победу» над временем и пространством в выражении *ударит о поле волною* (где поле – место, а волна – время), соотносимом с представлением о конце света. Мы можем предположить, что Хлебников, употребляя в своем тексте стихотворения слово *водка* относил читателя к народному пониманию выражения *водка богов*, означающего дождь, то есть воду. Важно отметить, что в контексте Судного дня в Коране и у Хлебникова присутствует атрибут *синий*. В толковании слов

Аллаха из аята 102 суры «Та Ха» «... и в тот день Мы соберём грешников синими (*синеглазыми*)» Саади пишет: «Богобоязненные праведники будут собраны перед милостивым Аллахом почтенной делегацией, а грешники изменятся в облике до неузнаваемости. От страха, переживаний и невыносимой жажды они станут синими...» (Ас-Саади 2012).

Сочетание *синяя водка* в поэтическом тексте выражает интенцию автора показать смертоносную сущность, которую несет в себе вода в день Страшного Суда, т.е. это гнев Божий: «Вожди Иудины стали подобны передвигающим межи: изолью на них гнев Мой, как воду» (Библия 2014. Ос. 5:10. 866).

Следует обратить внимание, что в тексте стихотворения неоднократно появляются цветковые атрибуты образов. Их понимание мы также связываем с заложенными в интенциях автора его законами и соотносим их с пространственно-временными свойствами.

Изумрудно-зеленый цвет является христианской эмблемой веры. Духовный символизм зеленого цвета «наиболее важен в исламском мире, где он был священным цветом Пророка и Божьего провидения» (Словарь символов 1999. 108). В языческом Египте зеленый цвет встречается на изображениях бога Осириса и символизировал его роль как бога смерти и новой жизни (Словарь символов 1999. 109).

Второй цветовой символ, который использует Хлебников в своем стихотворении, – это синий. Это цвет неба. В Египте он символизировал истину. Значение синего у Хлебникова соотносится с цветом цветка василька. Он пишет в статье «О пяти и более чувств<ах>»: «...Так есть величины, с изменением которых синий цвет василька..., непрерывно изменяясь, проходя через неведомые нам, людям, области разрыва, превратится в звук кукования кукушки или плач ребенка, станет им» (Хлебников 1940. 319). То есть для Хлебникова синий – символ трагического, связанного со смертью.

Следовательно, приведенный нами интенциональный анализ поэтического текста позволяет утверждать, что интенциональность Хлебникова заключается в стремлении «послать» людям «опыт» того, в соответствии с его законами, что изменит реальный мир. Слово «опыт» здесь не случайное, если основываться на хлебниковском законе времени. В этом и состоит авторское «я» поэта.

Заключение

Поэтический язык Велимира Хлебникова глубоко философичен, что проявляется в наполнении содержания слова смыслами, впитавшими в себя опыт и мудрость человеческую с древних времен, европейскую и азийскую, и мудрость Божью. Прочтение каждого его произведения требует применения большого мыслительного труда и знаний, чтобы понять хотя бы частично его собственную мудрость, которая объединяет в себе заумь и научный язык, постижение силы слова и придание ему нестандартного звучания, постановку перед собой глобальной задачи и поиск пути ее решения через преодоление условностей бытия, поиск истины в ее идеале, накопленные знания и умение их выразить с отдачей, умение целесообразно применить свои законы. В этом и состоит кредо Хлебникова, его «я», которое реализуется в его творениях. Разгадать это авторское «я» невозможно путем прохождения школы знаний Хлебникова. Необходимо проникнуться его духом, поэтому наше внимание в статье и было обращено на интенциональный анализ его текстов.

Литература

- 1- Ас-Саади, Абд ар-Рахман бин Насир (2012). *Толкование Священного Корана «Облегчение от Великодушного и Милостивого»* / Пер. с араб. Э. Кулиев. Москва: Изд-во «Умма». [Электронная версия].
- 2- Баран Х. (1993). *Поэтика русской литературы XX века: Сборник*. Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Универс».

- 3- *Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета* (2014). Москва: Изд-во «Российское Библейское общество».
- 4- Губанова Г. (1998). *Групповой портрет на фоне Апокалипсиса* (к проблеме толкования «Победы над Солнцем» // Литературное обозрение. № 4. С. 69–77.
- 5- *Исламский энциклопедический словарь* (2007) / Али-заде А. Москва: Изд-во «Ансар».
- 6- *Коран онлайн*. URL: <http://quran-online.ru/20:102>. (Дата обращения: 09.02.2018).
- 7- Перцова Н.Н. (1994). *Об «уравнениях рока» Велимира Хлебникова* // Понятия судьбы в контексте разных культур. Москва: Изд-во «Наука». С. 298–301.
- 8- *Священный Коран: Смысловой перевод на русский язык (1425 г.х.)* / Пер. с араб. Кулиева Эльмира. Первое изд. Медина, Саудовская Аравия: Комплекс имени Короля Фахда по изданию священного Корана.
- 9- *Словарь символов* (1999) / Тресиддер Дж. / Пер. с англ. С. Палько. Москва: Изд-во «Фаир-Пресс».
- 10- *Словарь философских терминов* (2005) / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. Москва: Изд-во «ИНФРА-М».
- 11- Хлебников В. (1931). *Собрание произведений Велимира Хлебникова* / Под общ. ред. Ю.Тынянова и Н.Степанова. Том III. Изд-во писателей в Ленинграде.
- 12- Хлебников В. (1940). *Неизданные произведения* / Под ред. Н. Харджиева и Т. Грица. Москва: Гос. изд-во худ. лит.
- 13- Хлебников Велимир (1986). *Творения*. Москва: Изд-во «Советский писатель».
- 14- Хлебников В. (2006а). *Мысли и заметки*. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 6. Книга вторая. Москва: Изд-во «ИМЛИ РАН». С. 73–104.
- 15- Хлебников В. (2006б). *Слово о числе и наоборот*. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 6. Книга 2-ая. Москва: Изд-во «ИМЛИ РАН». С. 9–29.
- 16- Холл Дж. (1996). *Словарь сюжетов и символов в искусстве*. Москва: Изд-во «КРОН-ПРЕСС».
- 17- *Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы* (2004) / Авт.-сост. В. Андреева и др. Москва: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ».
- 18- *Dictionnaire des symboles musulmans : Rites, mystique et civilisation* (1995) / Malek Chebel. Paris: Editions Albin Michel S.A.

Bibliography

- 1- As-Saadi, Abd ar-Rahman bin Nasir (2012). *Tolkovanie Svjashhennogo Korana «Oblegchenie ot Velikodushnogo i Milostivogo»* / Per. s arab. Je. Kuliev. Moskva: Izd-vo «Umma». [Jelektronnaja versija].
- 2- Baran H. (1993). *Pojetika russkoj literatury HH veka: Sbornik*. Moskva: Izdatel'skaja gruppa «Progress» – «Univers».
- 3- *Biblija: Knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta* (2014). Moskva: Izd-vo «Rossijskoe Biblejskoe obshhestvo».
- 4- Gubanova G. (1998). *Gruppoj portret na fone Apokalipsisa* (k probleme tolkovanija «Pobedy nad Solncem» // Literaturnoe obozrenie. № 4. S. 69–77.
- 5- *Islamskij jenciklopedicheskij slovar'* (2007) / Ali-zade A. Moskva: Izd-vo «Ansar».
- 6- *Koran onlajn*. URL: <http://quran-online.ru/20:102>. (Data obrashhenija: 09.02.2018).
- 7- Percova N.N. (1994). *Ob «uravnenijah roka» Velimira Hlebnikova* // Ponjatija sud'by v kontekste raznyh kul'tur. Moskva: Izd-vo «Nauka». S. 298–301.
- 8- *Svjashhennyj Koran: Smyslovoj perevod na russkij jazyk (1425 g.h.)* / Per. s arab. Kulieva Jel'mira. Pervoe izd. Medina, Saudovskaja Aravija: Kompleks imeni Korolja Fahda po izdaniju svjashhennogo Korana.
- 9- *Slovar' simbolov* (1999) / Tresidder Dzh. / Per. s angl. S. Pal'ko. Moskva: Izd-vo «Fair-Press».
- 10- *Slovar' filosofskih terminov* (2005) / Nauchnaja redakcija professora V.G. Kuznecova. Moskva: Izd-vo «INFRA-M».
- 11- Hlebnikov V. (1931). *Sobranie proizvedenij Velimira Hlebnikova* / Pod obshh. red. Ju. Tynjanova i N. Stepanova. Tom III. Izd-vo pisatelej v Leningrade.
- 12- Hlebnikov V. (1940). *Neizdannye proizvedenija* / Pod red. N. Hardzhieva i T. Grica. Moskva: Gos. izd-vo hud. lit.
- 13- Hlebnikov Velimir (1986). *Tvorenija*. Moskva: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 14- Hlebnikov V. (2006a). *Mysli i zametki*. *Sobranie sochinenij*: V 6 tt. T. 6. Kniga vtoraja. Moskva: Izd-vo «IMLI RAN». C. 73–104.
- 15- Hlebnikov V. (2006b). *Slovo o chisle i naoborot*. *Sobranie sochinenij*: V 6 tt. T. 6. Kniga 2-aja. Moskva: Izd-vo «IMLI RAN». C. 9–29.
- 16- Holl Dzh. (1996). *Slovar' sjuzhetov i simbolov v iskusstve*. Moskva: Izd-vo «KRON-PRESS».

- 17- *Jenciklopedija. Simvoly, znaki, jemblemy* (2004) / Avt.-sost. V. Andreeva i dr. Moskva: OOO «Izd-vo Astrel'»: OOO «Izd-vo AST».
- 18- Dictionnaire des symboles musulmans : Rites, mystique et civilisation (1995) / Malek Chebel. Paris: Editions Albin Michel S.A.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Volkov Sergey Alexandrovich (2018). Intentional Interpretation of the Poetic Text as a Key to the Author's Self-Concept, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatry*,11(1): pp: 139-158.

DOI: 10.29252/iarll.11.139

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-132-en.html>

Training of Foreign Students in the Academic Russian Letter

Fedotova Vera Sergeevna¹

Associate Professor of A. Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: September, 2017; date of acceptance: January, 2018)

Abstract

For the foreign student it is very important to own skills of the academic letter. It is an important indicator of professional and research competence of the student. The mobility of foreign graduates of the Russian higher education institutions depends on their level of proficiency in the academic Russian letter as communications between the educational and scientific organizations extend at the international level. Research objective — scientific justification of research tasks for training of foreign students in the academic Russian letter. Research tasks are a modern tutorial of foreign students. The author in article offers-level structure of research tasks of training of foreign students in the academic Russian letter. The author offers three levels of complexity of research tasks. Selection criteria of maintenance of research tasks for training of foreign students in the Russian academic letter — the ideas contextual, activity and personal focused approaches. The author gives a research task, directed to formation of skills of the academic letter in Russian. The author draws a conclusion, that in educational process it is necessary to organize continuity of system research tasks. It helps to create at the foreign student complex ideas of style and features of the academic Russian letter, Skills of the academic letter is a basis for good scientific and professional written and oral communication in Russian.

Keywords: Academic Russian Letter, Foreign Student, Russian, Research Tasks, Scientific Text.

1. E-mail: kafivm@lengu.ru

Обучение иностранных студентов академическому русскому письму

Федотова Вера Сергеевна¹

Доцент Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: сентябрь 2017 г.; дата принятия: январь 2018 г.)

Аннотация

Академическое письмо – важная компонента профессиональной и исследовательской компетентности студента, неотъемлемая черта современного профессионального образования. В условиях расширения связей между образовательными и научными организациями на международном уровне, интеграции и стандартизации мировых образовательных систем успешность и мобильность выпускников российских вузов, в том числе иностранных студентов, во многом определяется их уровнем владения академическим русским письмом. Цель исследования – научное обоснование исследовательских заданий как современного средства обучения иностранных студентов академическому русскому письму. В статье введена уровневая структура исследовательских заданий обучения иностранных студентов академическому русскому письму. Автором выделены три уровня исследовательских заданий по степени сложности. В основу отбора содержания исследовательских заданий для обучения иностранных студентов русскому академическому письму заложены идеи контекстного, деятельностного и личностно-ориентированного подходов. Приводятся примеры заданий исследовательского характера, направленные на формирование навыков академического письма на русском языке. Сделан вывод, преимуществом реализации в учебном процессе системы заданий исследовательского характера позволит сформировать у иностранного студента целостные представления о стиле и особенностях академического русского письма, создаст основу для свободного осуществления профессиональной письменной и устной коммуникации на русском языке и соблюдению норм научной этики.

Ключевые слова: Академическое Русское Письмо, Иностранный Студент, Русский Язык, Исследовательские Задания, Научный Текст.

1. E-mail: kafivm@lengu.ru

Введение

Долгое время академическое письмо являлось объектом изучения исключительно студентов-филологов, а также научных сотрудников, молодых ученых и диссертантов, которые планировали опубликовать результаты своих исследований в виде научной статьи, реферата, диссертации. Сегодня «академичность» получила широкое распространение. Академическое письмо рассматривается как компонента профессиональной и исследовательской компетентности человека, как элемент научного дискурса, ориентированный на «организацию, оформление и вербализацию знаний академического характера с учетом особенностей научной деятельности и специфики языка» (Колябина 2016. 182). Все более часто стали говорить о формировании академической грамотности личности для обеспечения научной и профессиональной коммуникации, в том числе и международной, о необходимости внедрения в учебную практику отдельной дисциплины «Академическое письмо». Свидетельством усиления внимания общественности к академическому письму также является активное появление новых средств его обучению. Так, например, в последнее время появился блог «Академическое письмо» о том, как написать и опубликовать научную статью (<https://writing-skills-development.blogspot.ru>), а на портале «Открытое образование» представлен дистанционный курс, разработанный Санкт-Петербургским государственным университетом «Академическое русское письмо». (<https://openedu.ru>). Сравнительно новое явление в России – открытие центров академического письма при ведущих университетах, миссией которых стало «приобщение магистрантов, аспирантов, молодых научных работников и профессорско-преподавательского состава университета к научному иноязычному дискурсу и формирование у них компетенций для повышения качества научных текстов, предназначенных для публикации в международных журналах, индексируемых аналитическими базами данных, в том числе Web of Science и Scopus» (Базанова 2015. 135).

Усиление научно-исследовательского компонента в образовательной деятельности вузов, позиционирование академического письма в роли важного компонента речевой деятельности в большинстве профессий объясняют нарастающую тенденцию необходимости всеобщего развития навыков академического письма.

Как следствие сегодня характерно стремительное увеличение числа научных публикаций, современных учебников и учебно-методических разработок (Короткина 2015), (Ярская-Смирнова 2013), посвященных разработке методики обучения академическому письму. Однако при всем многообразии информационных ресурсов и возможностей современных образовательных технологий у иностранных студентов, а иногда и у русских студентов – носителей языка до сих пор возникают затруднения в освоении академического русского письма. Это обусловлено тем, что «академическое письмо представляет собой сложный и многоплановый комплекс умений, который сегодня во всем мире признается главнейшим по отношению ко всем другим умениям, которые необходимы для успешного обучения в вузе, непременным условием успешной интеграции в международную научную и профессиональную среду. Этот комплекс умений включает в себя не только лингвистические (языковые, синтаксические и стилистические), но прежде всего металингвистические компетенции, такие как логика, анализ, критическое мышление, объективность и уважение к иным идеям и чужим текстам. Именно этих умений зачастую не хватает нашим студентам и молодым специалистам» (Короткина 2015. 6). По нашему мнению, здесь должен быть сделан акцент на организационно-методической стороне обучения академическому письму. Наиболее трудная ситуация складывается в случае присутствия в русскоязычной аудитории студентов иностранных обучающихся. Иностранному студенту, например, получая задание прочитать научный текст (фрагмент монографии/научную статью), идет в библиотеку,

берет книгу/научный журнал и начинает читать, но при этом чтение у него не получается. Несмотря на то, что студент видит знакомые русские слова, они в комплексе не создают понимания содержания текста. Еще более настораживает тот факт, что иностранный студент не может самостоятельно грамотно написать связный научный текст на русском языке. В результате иностранный студент испытывает ощущение беспомощности и безысходности ситуации. Принимая во внимание тот факт, что иностранные студенты составляют почти треть студентов магистратуры, которые обязаны владеть академическим письмом для написания выпускной квалификационной работы, то возникает тревога за ожидаемые результаты. «Искусство письма как умение, способность излагать мысли, передавать информацию требует многолетней систематической подготовки, разнообразия форм творческой деятельности. Академическое письмо – тем более (Роботова 2011. 48). Таким образом, проблема подготовки иностранного студента к академическому русскому письму в условиях поликультурной образовательной среды вуза требует особого внимания.

По нашему мнению, наиболее целесообразным средством обучения иностранных студентов академическому русскому письму является использование в учебном процессе системы исследовательских заданий, которые позволяют погрузиться обучающимся в научно-профессиональную среду и целенаправленно овладеть не только профильным тезаурусом направления подготовки, но создать естественную среду для овладения навыками создания научного текста на русском языке.

В основу отбора содержания исследовательских заданий для обучения иностранных студентов русскому академическому письму положены идеи контекстного, деятельностного и личностно-ориентированного подходов. В частности, при составлении исследовательских заданий в соответствии с дидактическим принципом доступности отбираются аутентичные тексты,

которые являются источниками профессиональной информации; содержат важные для рассматриваемой сферы понятия; служат образцами языкового материала, речевых образцов и клише. Обучение академическому письму через чтение аутентичных текстов создает предпосылки для использования читаемого текста в качестве модели для создания в последующем иностранными студентами собственных научных текстов. Формирование навыков использования научного стиля речи реализуется в непосредственно активной деятельности студента, его последовательном переходе от уровня «погружения» к уровню «открытия» в овладении академическим письмом через преемственное формирование умений и навыков письменной научной речи. Кроме того, исследовательские задания, предлагаемые обучающимся, должны быть ориентированы непосредственно на их научные интересы и сферу будущей профессиональной подготовки.

Основная часть

В условиях расширения связей между образовательными и научными организациями на международном уровне, интеграции и стандартизации мировых образовательных систем успешность и мобильность выпускников российских вузов, в том числе иностранных студентов, во многом определяется их уровнем владения академическим русским письмом.

Целью академического письма является «обучение студентов основам организации и выражения полученных оригинальных знаний в соответствии с научно-исследовательскими критериями соответствующей области знаний, специфики предмета познавательной деятельности, особенностями вербализации знаний в изучаемом языке, формой выбранного жанра академического письма. Магистрант должен быть способен и готов точно и корректно сформулировать задачи и результаты исследования, что предполагает не только создание специальных текстов в основных научных

жанрах, но также редактирование и грамотное оформление текстов» (Колябина 2016. 182). Академическое письмо характеризуется рядом специфических особенностей: «использованием понятийного языка и терминологического аппарата, линейной логикой развертывания мысли, максимальным устранением разночтений, приведением доказательств каждого утверждения» (Мороз 2015. 38), «объективность, безличностное изложение, насыщенность терминологией, использование речевых стратегий аргументации, четко обозначенные причинно-следственные связи» (Макарова 2014. 13).

Учеными выделены жанры академического письма: первичный (научная статья, рецензия, монография, диссертация и др.) и вторичный (аннотация, тезисы, автореферат, описание научного проекта и др.), структурирующая научное изложение лексика. Отмечается, что в современной системе образования студенты должны владеть каждым из жанров и научной лексикой на определенном уровне. Так бакалавры должны уметь проектировать элементы научного текста (обосновывать актуальность, характеризовать противоречия, описывать проблему, проектировать цели и задачи исследования). В продолжение перечисленных навыков научно-исследовательской деятельности магистры должны составлять научный текст (магистерская диссертация, научная статья и т.п.), аннотировать, реферировать, представлять результаты в виде научного проекта, конкурсной научной работы. Не только оформлять, но и понимать научный текст других исследователей. Одной из актуальных проблем обучения иностранных студентов академическому русскому письму является обучение научному стилю речи.

В понимании, что этапы развития научной деятельности включают в себя этап совершения и этап оформления открытия, следует заметить, что научный стиль речи характеризует второй этап – этап речевого оформления открытия.

Письменное представление научного стиля речи – академическое письмо – представляет собой форму существования научного знания, требует соблюдения информационной точности, логичности, целостности, выразительности.

Становление и совершенствование владения академическим языком студентов в России требует разработки эффективных способов и приемов работы с научными текстами. Формирование навыка академического письма является «безусловным трендом в современной образовательной ситуации»(Баребина 2015.30).

В научной литературе авторами предприняты попытки к обоснованию методов и моделей обучения чтению и письму научных текстов, в частности, обозначены следующие направления работы:

1. Изучение структурных блоков научного текста (Макарова 2014).
2. Трансдисциплинарный и внутридисциплинарный подходы к формированию академической речи параллельно освоению профессиональных дисциплин(Короткина 2018).
3. Формирование набора лексических средств связности для организации высказывания, обогащение запаса аутентичных научных оборотов, используемых в научных работах, оборотов научной речи и распространенных устойчивых сочетаний (Дугарцыренова 2016).
4. Обучение академическому письму через чтение (Нужа 2013) и др.

Данный перечень выделенных подходов, по-нашему мнению, можно объединить общей концепцией обучения иностранных студентов академическому русскому письму –использованием системы исследовательских заданий.С учетом выделенных в научной литературе трудностей, с которыми сталкиваются студенты при проектировании научного текста морфологического, лексического, грамматического, стилистического характера нами выделено три уровня исследовательских заданий,

используемых в обучении академическому письму: уровень «погружения», уровень «приобретения умений и навыков письменной научной речи», уровень «открытия».

Уровень «погружения» – это начальный уровень, который предполагает получение исходных знаний о научном стиле речи. Второй уровень ориентирован на приобретение обучающимися умений и навыков письменной научной речи. Третий уровень – уровень открытия – создание научных текстов, письменное описание планируемого научного исследования.

Нами был рассмотрен процесс и результат внедрения в педагогическую практику исследовательских заданий в системе обучения иностранных студентов в классическом университете. Классический университет представлен в образовательной деятельности многочисленным перечнем образовательных программ различного профиля. Безусловно, приемы и пути обучения академическому русскому письму студентов зависят от индивидуального стиля мышления и опыта научно-исследовательской деятельности обучающихся. Однако в учебных целях этот процесс можно разбить на этапы и реализовать различным содержанием исследовательских заданий, что обеспечит последовательное и преемственное формирование навыков академического русского письма.

В предложенной уровневой структуре обучения академическому письму в основу положена используемая в школьной практике совокупность приемов обучения письму в целом: демонстрация педагогом образцов написания текста, списывание текста с готового образца, освоение правил письма, анализ ошибочного написания. Важными педагогическими факторами при этом является предоставленная возможность зрительного восприятия русскоязычного текста, соблюдение принципа наглядности, преемственности, природосообразности.

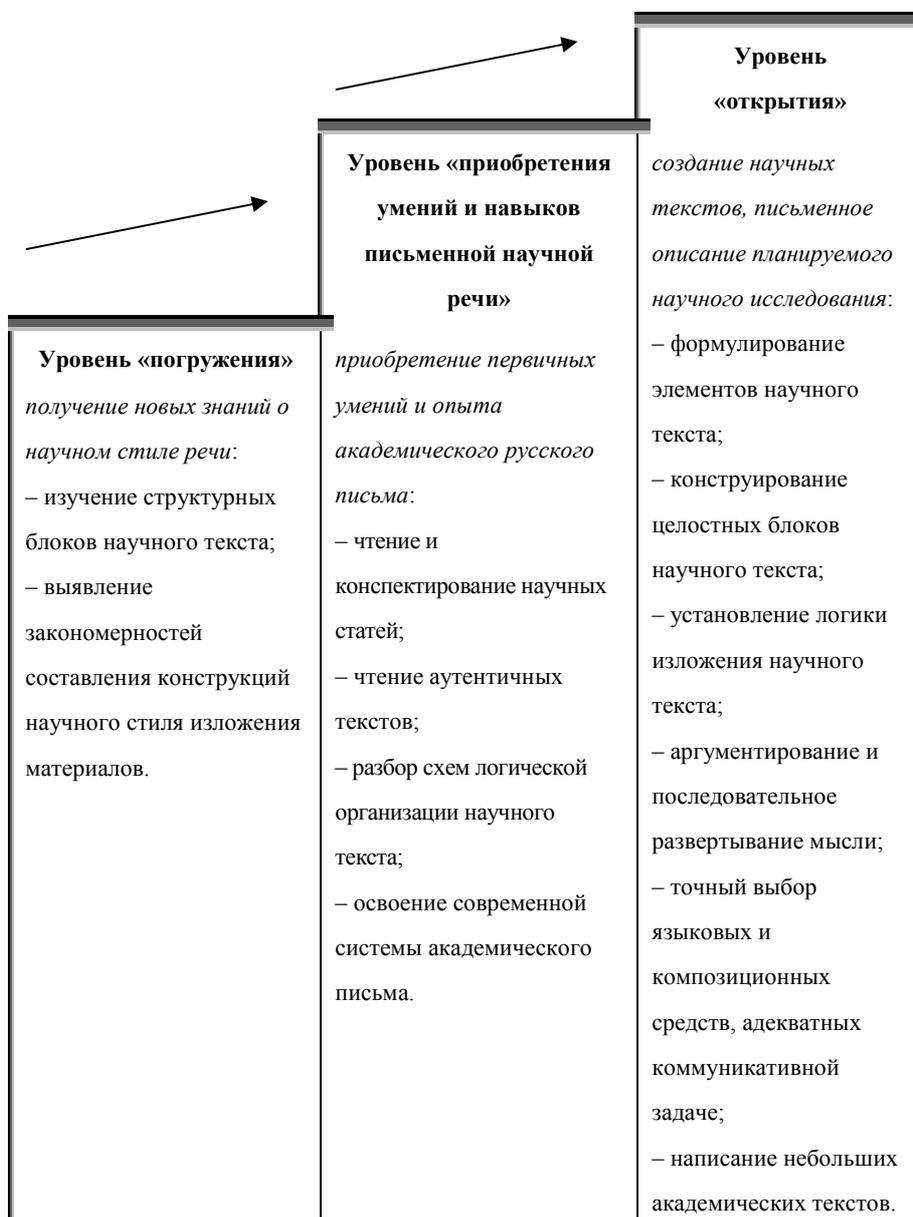

Рис. 1. Схема преемственного формирования навыков академического письма у иностранных студентов.

Приведем примеры возможных исследовательских заданий различного уровня, ориентированных на подготовку иностранного студента к академическому русскому письму. Система заданий предопределена общим заданием – прочитать указанный преподавателем фрагмент текста монографии Н.В. Бордовской «Диалектика педагогического исследования» (Бордовская 2016). Далее студенту предлагается выполнить комплекс заданий.

Задание 1 (уровень погружения). Выделите ключевые слова, раскрывающие основную мысль текста, выпишите глаголы, отражающие процедуру работы с информацией, а также отметьте типичные обороты, обеспечивающие логическую связь предложений в тексте. При необходимости обратитесь к толковому словарю.

Ключевые слова – это семантическое ядро статьи, смысловой блок, наиболее полно отражающий тематику и содержание текста. Ключевые слова необязательно должны встречаться в тексте, но должны отражать ответы на вопросы: «чему посвящен текст?», «какие слова наиболее точно отражают объект и предмет исследования?», «какова цель и задачи исследования?». Ключевые слова помогают определить более точно специализацию и круг рассматриваемых вопросов текста, не читая материал полностью.

Примеры глаголов: адресуется, акцентируется, анализируется, аргументируется, демонстрируется, классифицируется, обсуждается, отмечается, рассматривается, характеризуется.

Примеры типичных оборотов: следует отметить..., по мысли автора..., с нашей точки зрения..., приведем пример...

Задание 2 (уровень погружения). Составьте каталог Интернет-ресурсов, посвященных характеристике научного стиля речи.

Задание 3 (уровень погружения). Выстройте логику научного аппарата рассматриваемого научного текста.

Задание 4 (уровень приобретения умений и навыков письменной

научной речи). Выделите основное содержание прочитанного текста и составьте его краткий конспект в виде ментальной карты (визуализировать ключевые идеи текста и показать связи между ними), в виде линейного конспекта (последовательное изложение содержания текста), в виде списка позиций (продемонстрировать различные точки зрения).

При составлении конспекта используйте ответы на стандартные вопросы: В чем заключается главная идея автора? Как автор эту идею доказывает, какие свидетельства привлекает? Согласны ли Вы с этой точкой зрения? Соотносятся ли мысли автора с Вашими аргументами? Каковы ключевые моменты основных частей текста? На какой вопрос стремится ответить автор? Как выразить содержание текста в нескольких фразах?

Задание 5 (уровень приобретения умений и навыков письменной научной речи). Дайте определение приведенным словам и словосочетаниям терминологического характера, которые составляют основу языка науки: актуальность темы, аспект, гипотеза, диссертация, категория, концепция, краткое сообщение, ключевое слово, метод исследования, методология научного познания, наука, научная дисциплина, научная тема, научная теория, научное исследование, научное познание, научный доклад, научный отчет, научный факт, обзор, объект исследования, определение, предмет исследования, понятие, принцип, проблема, теория.

Задание 6 (уровень приобретения умений и навыков письменной научной речи). На примере самостоятельно выбранной научной статьи определите ее композицию, охарактеризуйте логику построения текста, определите методологическое основание, положенное автором в основу статьи.

Задание 7 (уровень приобретения умений и навыков письменной научной речи). Обоснуйте актуальность темы прочитанного фрагмента текста с использованием предложенных лексико-грамматических моделей.

Примеры лексико-грамматических моделей обоснования актуальности: «в последнее время»/ «в наши дни особую актуальность приобретает изучение проблем ...», «многие исследователи обращаются к теме ...», «на современном этапе проблема ... находится в центре внимания исследователей», «актуальность исследования обусловлена ...», «актуальность работы определяется ...», «... и это определяет актуальность нашей работы», «... поэтому обращение к данной теме является особенно важным», «тем не менее до сих пор не выявлено (не описано, не систематизировано, не установлено...», «однако...», «несмотря на это...».

Задание 8 (уровень приобретения умений и навыков письменной научной речи). Сформулируйте проблему исследования с использованием предложенных лексико-грамматических моделей.

Примеры лексико-грамматических моделей формулировки: «в работе рассматривается...», «затрагивается вопрос...», «противопоставляются различные точки зрения...», «очерчен круг проблем, связанных с ...», «высказывается специфика...», «предложен анализ процесса, явления, факта...».

Задание 9 (уровень приобретения умений и навыков письменной научной речи). Изложите цели исследования с использованием предложенных лексико-грамматических моделей.

Примеры лексико-грамматических моделей обоснования актуальности: вводное клише – «в цели исследования входит...», «целью работы является ...»; конкретизация цели – «разработать...», «изучить...», «выявить...», «выяснить ...», «рассмотреть...», «описать...», «обосновать...», «определить...», «создать...», «разработать...», «классифицировать...», «охарактеризовать...», «проанализировать...», «установить...», «доказать...» и др.

Задание 10 (уровень приобретения умений и навыков письменной научной речи). Проанализируйте используемый в исследовании подход с использованием предложенных лексико-грамматических моделей.

Примеры лексико-грамматических моделей обоснования актуальности: «автор делает обзор...», «затрагивается вопрос...», «автор утверждает...», «автор подвергает критике...», «автор строит свое исследование исходя из...», «предлагает свою концепция...», «исследование основано на идее ...».

Задание 11 (уровень открытия). На примере самостоятельно выбранной научной статьи определите ее композицию, охарактеризуйте логику построения текста, определите методологическое основание, положенное автором в основу статьи.

Задание 12 (уровень открытия). Изложите свои размышления относительно прочитанного текста. Для определения логики повествования используйте вводные слова и словосочетания, союзы и предлоги.

Примеры вводных слов и словосочетаний: таким образом, также, наконец, с одной стороны, как правило, следовательно, подводя итог, итак, во-первых, во-вторых, и т.п.

Примеры союзов: однако, тем не менее, тогда как, в то время как.

Примеры предлогов: несмотря на, благодаря, вследствие.

Задание 13 (уровень открытия). Ознакомьтесь с тематикой и проблематикой предложенного научного текста, сформулируйте тему своего исследования в стилистически и тематически близком ключе. Разработайте исходные предположения (гипотезы) о конечном результате исследования и способах его получения. Проведите собственное исследование данной темы, ссылайтесь на авторитетных в научном сообществе авторов, правильно оформляйте цитирование, обоснуйте собственный взгляд на данную проблему.

Задание 14 (уровень открытия). Подберите научную статью по теме магистерской диссертации. Проанализируйте теоретическое обоснование проблемы, рассматриваемой в статье по приведенной схеме: история возникновения проблемы, гипотеза, основные понятия теории, методы исследования, доводы в пользу или против теории. Проанализируйте

эмпирические методы, используемые автором: организация исследования; данные, на которые опирается суждение, приемы исследования, выводы относительно полученных данных и возможности практического использования. Используйте уже известные Вам лексико-грамматических модели определения теоретического аппарата исследования.

Задание 15 (уровень открытия). Определите ведущие фундаментальные труды по планируемой к разработке теме выпускной квалификационной работы, охарактеризуйте идеи ведущих авторов по проблеме исследования. Сравните различные подходы авторов к изучаемой проблеме. Представьте и обоснуйте свою точку зрения на исследуемую проблему.

В результате выполнения системы исследовательских заданий, направленных на формирование готовности к использованию научного стиля речи в письменном оформлении исследования – академическом письме, происходит подсознательное формирование так называемой шаблонной речевой матрицы, которая может быть использована иностранным студентом для конструирования собственных письменных научных текстов.

Эффективным приемом в формировании навыков письменной научной речи у студентов является подготовка научной статьи, отвечающей требованиям, например, какого-то серьезного периодического издания. Написание статьи может рассматриваться как комплексная последовательность выполнения всех уровней овладения академическим текстом, как отчетный вид самостоятельной работы студента, на основании которого можно сделать вывод о готовности/неготовности студента к академическому русскому письму.

Контент-анализ требований научных изданий к предоставляемым к публикации материалам показал, что научная статья традиционно включает в себя ряд постоянных компонентов: аннотацию, основную часть, выводы, список используемых источников. При этом аннотация содержит цель,

методологию, методику и методы исследования, основные результаты, выводы, результаты, обсуждение, обоснование научной новизны и практической значимости. К аннотации прилагается перечень ключевых слов.

Основной текст статьи излагается в следующей последовательности: введение, обзор литературы, материалы и методы, результаты исследования и обсуждение, заключение.

Подготовка введения статьи требует от автора в наибольшей степени внимания и сформированных навыков работы с научным текстом: постановки научной проблемы, обоснования ее актуальности, установления связи с наиболее важными задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Постановка научной проблемы определяет цель и задачи исследования. Обзор литературы предполагает анализ автором источников, на основе которых он будет строить свое исследование; характеристику современных взглядов на проблему; выделение нерешенных вопросов, которым будет посвящена статья. В разделе «Материалы и методы» описывается процесс организации эксперимента, используемые методики, приводятся подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов. Результаты исследования и обсуждение представляют собой основной материал статьи в виде систематизированного авторского аналитического и статистического материала. В заключении в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы, включая прогноз развития рассмотренных аспектов проблемы.

Все этапы подготовки научной статьи можно представить как систему исследовательских заданий дифференцированного уровня и реализовать их на разных этапах профессиональной подготовки, в пределах одной или разных дисциплин, в составе построения отдельных структурных блоков научного текста.

Заключение

Как нам представляется, выполнение преемственных заданий исследовательского характера позволит сформировать у иностранного студента систему представлений о стиле и особенностях академического русского письма, создаст основу для свободного осуществления профессиональной письменной и устной коммуникации на русском языке с преподавателем, однокурсниками и научным сообществом в целом, будет содействовать использованию различных методов изложения материала (индуктивный, дедуктивный, метод аналогии, контраста, ступенчатый, концентрический), активному участию в дискуссии на семинарских занятиях, созданию на русском языке текстов различных научных жанров (эссе, рецензия, аннотация, реферат, научный обзор литературы, научная статья и пр.), составлению библиографических списков в соответствии с требованиями стандартов, грамотному научному цитированию и соблюдению норм научной этики.

Обучение написанию научных текстов – это обязательный компонент вузовского образования. Таким обучением должны заниматься не только филологи или представители гуманитарных наук, а все преподаватели, планирующие самостоятельную работу студентов по своим дисциплинам. Написанию научных текстов различных жанров необходимо учить всех без исключения студентов, так как любой специалист должен понимать научные тексты, уметь извлекать из них актуальный смысл, важный в профессиональной деятельности, быть в курсе достижений соответствующих наук.

Литература

- 1- Базанова Е.М. (2015). *Лаборатория научной коммуникации: российский опыт // Высшее образование в России.* № 8-9. С. 135–143.

- 2- Баребина Н.С., Баребина А.Д. (2015). *Проблема формирования навыков аргументации в обучении академическому письму* // *Baikal Research Journal*. № 1. С. 30.
- 3- Бордовская Н.В. (2016). *Диалектика педагогического исследования: монография*. – Москва: Изд-во«КНОРУС».
- 4- Дугарцыренова В.А. (2016). *Трудности обучения иноязычному академическому письму* // *Высшее образование в России*. №6. С. 106–112.
- 5- Колябина Н.С. (2016). *Роль академического письма в формировании общепрофессиональных компетенций магистра* // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки*. №21 (242). С.180–184.
- 6- Короткина И.Б. (2015). *Академическое письмо: процесс, продукт и практика*. – Москва: Изд-во«Юрайт».
- 7- Короткина И.Б. (2018). *Модели обучения академическому письму. Зарубежный опыт и отечественная практика: монография*. – М.: Издательство Юрайт.
- 8- Макарова Л.С. (2014). *Развитие навыков научной речи у студентов-иностранцев, изучающих русский язык на продвинутом уровне* // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. №4 (146). С. 112–116.
- 9- Мороз Д. (2015). *Академическое письмо: законы жанра* // *Наука и инновации*. №147. С.38–39.
- 10- Нужа И.В., Щемелева И.Ю. (2013). *Обучение письму через чтение в курсе английского языка для академических целей* // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. №5. С.113–121.
- 11- Роботова А. С. (2011). *Надо ли учить академической работе и академическому письму?* // *Высшее образование в России*. №10. С.47–55.
- 12- Ярская-Смирнова Е. (2013). *Создание академического текста*. Москва: Изд-воООО «Вариант»: ЦСПГИ.

Bibliography

- 1- Bazanova E.M. (2015). *Laboratorija nauchnoj kommunikacii: rossijskij opyt* // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. № 8-9. S. 135–143.
- 2- Varebina N.S., Varebina A.D. (2015). *Problema formirovanija navykov argumentacii v obuchenii akademicheskomu pis'mu* // *Baikal Research Journal*. № 1. S. 30.
- 3- Bordovskaja N.V. (2016). *Dialektika pedagogicheskogo issledovanija: monografija*. – Moskva: Izd-vo «KNORUS».

- 4- Dugarcyrenova V.A. (2016). *Trudnosti obuchenija inojazychnomu akademicheskomu pis'mu* // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. №6. S. 106–112.
- 5- Koljabina N.S. (2016). *Rol' akademicheskogo pis'ma v formirovanii obshheprofessional'nyh kompetencij magistra* // *Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Gumanitarnye nauki*. №21 (242). S.180–184.
- 6- Korotkina I.B. (2015). *Akademicheskoe pis'mo: process, produkt i praktika*. – Moskva: Izd-vo «Jurajt».
- 7- Korotkina I.B. (2018). *Modeli obuchenija akademicheskomu pis'mu. Zarubezhnyj opyt i otechestvennaja praktika: monografija*. – M.: Izdatel'stvo Jurajt.
- 8- Makarova L.S. (2014). *Razvitie navykov nauchnoj rechi u studentov-inostrancev, izuchajushih russkij jazyk na prodivinutom urovne* // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3: Pedagogika i psihologija*. №4 (146). S. 112–116.
- 9- Moroz D. (2015). *Akademicheskoe pis'mo: zakony zhanra* // *Nauka i innovacii*. №147. S.38–39.
- 10- Nuzha I.V., Shhemeleva I.Ju. (2013). *Obuchenie pis'mu cherez chtenie v kurse anglijskogo jazyka dlja akademicheskikh celej* // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*. №5. S.113–121.
- 11- Robotova A. S. (2011). *Nado li uchit' akademicheskij rabote i akademicheskomu pis'mu?* // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. №10. S.47–55.
- 12- Jarskaja-Smirnova E. (2013). *Sozdanie akademicheskogo teksta*. Moskva: Izd-vo OOO «Variant»: CSPGI.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Fedotova Vera Sergeevna (2018). Training of Foreign Students in the Academic Russian Letter, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp: 159-177

DOI: 10.29252/iarll.11.159

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-133-en.html>

Impersonal Russian Sentences with the Subject in the Accusative Case and the Meaning of a Person's Physical Condition in the Terms of Persian Language

Golkar Abtin¹

Assistant Prof., Department of Russian Language, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran.

Mohammadi Mohammad-Reza²

Assoc. Prof., Department of Russian Language, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran.

Aliyari Shorehdeli Mahboubeh³

Assistant Prof., Department of Russian Language, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran.

Estiri Majid⁴

Ph.D. student of Russian Language, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran.

(date of receiving: March, 2017; date of acceptance: January, 2018)

Abstract

In this article, considering impersonal sentences with the subject in the accusative case, which conveys the physical state of a living being, an attempt is made to compare them with the Persian correlates. This type of impersonal sentences can cause different problems for the Persian-speaking students due to their grammatical specificity (e.g. the uses of the subject in the accusative, rather than in the more common dative case, the dissimilarity of their syntactic structure with the native, Persian, language, etc.). The article shows that for many of the analyzed Russian sentences there can be found Persian correlates in which the real semantic subject of the sentence does not coincide with the grammatical subject. The use of such structures during the learning process can contribute to the more effective teaching of this model of Russian sentences to the Iranian students.

Keywords: Impersonal Sentences, Physical State, Accusative Case, Russian Language, Persian Language.

1. E-mail: golkar@modares.ac.ir

2. E-mail: mrmoham@modares.ac.ir

3. E-mail: m.aliyari@modares.ac.ir

4. E-mail: m.estiri@modares.ac.ir

**Безличные предложения со значением физического состояния
лица и живого существа с субъектом в винительном падеже в
зеркале персидского языка**

Голкар Абтин¹

Преподаватель университета Тарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

Мохаммади Мохаммад-Реза²

Доцент кафедры русского языка, Университет Тарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

Алияри Шорехдели Махбубех³

Преподаватель, Университет Тарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

Эстири Маджид⁴

Аспирант, Университет Тарбиат Модарес,
Тегеран, Иран.

(дата получения: март 2017 г.; дата принятия: январь 2018 г.)

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются безличные предложения с субъектом в винительном падеже, которые передают физическое состояние лица и живого существа. Предпринимается попытка сопоставления их с персидскими коррелятами. Анализируемый тип безличных предложений в силу своей специфики (использование субъекта в винительном, а не в распространенном дательном падеже; несоответствие синтаксической структуры с родным, персидским, языком и т.п.) может вызывать трудности различного характера для персоязычных учащихся. В статье показано, что для многих из анализируемых русских предложений можно найти персидские корреляты, в которых субъект предложения не совпадает с подлежащим. Использование таких конструкций в процессе обучения может способствовать более эффективному усвоению данной русской конструкции иранскими студентами.

Ключевые слова: Безличные Предложения, Физическое Состояние, Винительный Падеж, Русский Язык, Персидский Язык.

1. E-mail: golkar@modares.ac.ir

2. E-mail: mrmoham@modares.ac.ir

3. E-mail: m.aliyari@modares.ac.ir

4. E-mail: m.estiri@modares.ac.ir

Введение

Общее типовое значение безличных предложений – состояние кого-либо (чего-либо). Без осмысления структурных характеристик безличных предложений в русском и персидском языках и заключенного в них значения, формирование русской речи у персоговорящих не представляется возможным. Практическое **овладение** структурой и семантикой безличных предложений учащимися связано с определенными трудностями, потому что из-за разницы в синтаксических конструкциях двух языков в сфере безличных предложений иранские учащиеся в определенных случаях под влиянием родного языка могут допускать ошибки в выборе правильного строя предложения с точки зрения его личности/ безличности. Определение структурных сходств и различий в данной области, может, на наш взгляд, способствовать оптимизации методики обучения русским безличным предложениям в иранской аудитории. Учитывая функцию, место и конструкционные различия безличных предложений русского языка в сопоставлении с их коррелятами в персидском языке, мы выбрали в качестве темы данной статьи рассмотрение безличных предложений со значением физического состояния лица и живого существа с субъектом в винительном падеже в зеркале персидского языка.

В русской грамматике изучение безличных предложений имеет глубокие корни. Начиная с Мелетия Смотрицкого (1618 г.) данная тема стала объектом исследования в трудах многочисленных языковедов, среди которых можно упомянуть работы Юлия Крыжанича (1666 г.), А.А. Барсова (1771 г.), М.В. Ломоносова (1755 г.), А.Х. Востокова (1831 г.), Н.И. Греча (1841 г.), Ф.И. Буслаева (1863 г.), В.И. Классовского (1870 г.), К.Г. Говорова (1875 г.), А.А. Потебни (1899 г.), А.В. Попова (1881 г.), Д.Н. Овсяннико–Куликовского (1900 г.), В.А. Богородицкого (1935 г.), А.А. Шахматова (1941 г.), А.М. Пешковского (1956 г.), А.Г. Руднева (1963 г.), В.В. Бабайцевы, (1968 г.), В.В. Виноградова (1972 г.), П.Р. Амировы (2001 г.) С.В. Зайцевы (2003 г.), Е.В. Зарецкого (2008 г.) А.В. Величко (2009 г.), Е.М. Галкина–Федорука (2012 г.) и т.д.

В персидском языке, однако, тема безличных предложений является сравнительно новой, малоизученной. Здесь можно указать на магистерскую работу Арезу Наджафиян «Рассмотрение безличных конструкций в персидском языке на основе гипотезы “непереходности”» (2001 г.), где классифицируются разновидности персидских безличных конструкций, а также на статью М.М. Вахеда Лангруды «Рассмотрение безличных конструкций (шаблонов) в четырех языковых типах» (2005 г.). Кроме того, уже написан иранскими русистами ряд научных статей по сопоставлению безличных предложений в русском и персидском языках, в том числе: *Обучение безличным конструкциям русского языка персоговорящих*, А. Мадаени Аввал, *Rajhuhesh-e adabiat-e moaser-e jahan*, Тегеранский университет, №. 15. 2002 г.; *Сравнение безличных предложений в русском и персидском языках*, Х. Лесани, *Rajhuhesh-e adabiat-e moaser-e jahan*, Тегеранский университет, №. 16. 2003 г.; *Сопоставление безличных предложений в русском и персидском языках*, А. Хоссейни, М. Хонарвар, *Rajhuhesh-e zabanha-ye khareji*, Тегеранский университет, №. 16. 2003 г.; *Способы выражения русских безличных предложений в персидском языке*, М. Хонарвар, Магистерская работа, Тегеранский университет, 2004 г.; *Безличные глаголы в русском языке и способы их выражения в персидском языке*, Б. Аря, Магистерская работа, университет Тарбиат Модаррес, Тегеран, 2004 г.

Вышеназванные сопоставительные работы посвящены рассмотрению всех разновидностей русских безличных предложений в целом и приводят к обобщенным выводам о месте и соотношении безличных предложений в двух языках, в то время как в настоящей статье предметом изучения является весьма ограниченный тип безличных предложений: конструкции со значением физического состояния лица и живого существа с субъектом в винительном падеже. Основываясь на классификации «Книги о грамматике» (2009) под редакцией А.В. Величко, мы в данной статье сделали попытку с помощью

перевода и рассмотрения многочисленных примеров определить всевозможные соответствия русских и персидских безличных конструкций анализируемого типа.

Основная часть

Безличное (имперсональное) предложение – простое односоставное предложение со сказуемым, называющим действие или состояние (признак) без участия грамматического субъекта (подлежащего) действия или состояния. Безличность в русском языке передается безличными глаголами (*смеркается – хāва гō рг вā миш-шāвād, вечереет – хāва тарик ми-шāвād, светает – хāва рў шāн ми-шāвād и т.п.*), личными глаголами в безличном употреблении (*темнеет – хāва тарик ми-шāвād, пахнет – бў ми-айād, моросит – нām нām баран ми-барād и т.п.*) или безлично-предикативными словами, (*мне скучно – дэлām тāнг āст; мне можно войти? – ми-тāванām варэд шāвām? и т.п.*), что отличает безличные предложения от других односоставных обобщенно-личных, определенно-личных и неопределенно-личных предложений, а также значимым отсутствием подлежащего, что противопоставляет все эти односоставные предложения двусоставным (Книга о грамматике 2009. 70). Безличность в персидском языке обычно выражается безличными конструкциями подъема (*Бэ нāзār рэсидāн – Казаться, Выглядеть, Гō ман рāфтāн – Может быть, Эхтэмал даштāн – Может быть и т.п.*), усеченными безличными конструкциями (*Ми-тāван рāфт – Можно пойти, Байād шэнид – Нужно слышать, Ми-шāвād фāрар кārд – Можно убежать и т.п.*), шаблонными безличными предложениями (клише) (*Хō шэман амād – Нам понравилось, Гāmām гэрэфт – Мне стало грустно, Гārмām шō д – Мне стало жарко и т.п.*) и безличными предложениями пассивной конструкции (*Бэ мārдō м кō мāk шō д – Оказалось помощь людям, Бэ Иран хāmлэ шō д – Совершилось нападение на Иран, Намэ нэвэште шō д – Письмо написано и т.п.*) (Наджафян, Вахеда Лангруды 2002. 23).

Сопоставляя безличные предложения русского и персидского языка, можно понять, что безличные предложения русского языка гораздо более многообразны по грамматической структуре и по своим смысловым возможностям.

Определяющей особенностью смысла безличных предложений русского языка является выражение значений: 1) состояния природы, действия стихийных сил, неконтролируемых явлений; 2) психического и физического состояния лица, живого существа; 3) отсутствия лица, предмета, явления; 4) модальных значений (Книга о грамматике 2009. 70).

Все данные значения, выражающиеся разными безличными структурами в русском языке, передаются на персидский язык разнообразными (личными или безличными) синтаксическими конструкциями. Поэтому иранские студенты, изучающие русский язык, иногда в силу интерференции персидского языка стремятся избегать употребления безличных предложений, предпочитая обходиться двусоставными конструкциями.

В структуре данного типа предложений в двух языках встречается ряд структурных различий. Так, например, в русских безличных предложениях со значением физического состояния играет важную роль морфологическое понятие падежа, в то время как в персидском языке не определена такая категория. Мало того, русские безличные предложения со значением состояния лица и живого существа, как правило, требуют субъекта, а наличие подлежащего в персидских коррелятах данных предложений факультативно. Такие нюансы естественно должны быть учтены при процессе обучения безличным предложениям персоговорящих учащихся.

В русском языке в составе структур с описанием физического состояния субъекта в винительном падеже могут употребляться глаголы со значениями "дрожь", "тошнота", "рвота", "качание" и т.п. Далее на основе классификации «Книги о грамматике» (2009) под редакцией А.В. Величко

данные модификации будут рассматриваться вместе с их персидскими коррелятами:

1) глаголы со значением "испытывать дрожь": *трясет, знобит, лихорадит*:

Когда Анна все это рассказывала в лесу, ее трясло от возмущения. – Вә гти Анна хамэйэ инха ра дяр джәнгәл шә рх ми-дад, ә з хә им ми-лә рзид (лә рзә ш ми-гэрэфт).

Сейчас в деревянном доме меня знобит от холода – Әлан дахэлэ ханэйе чү би (мә н) әз сә рма ми-лә рзә м. (Әз сә рма лә рзә м гэрэфтә).

Его лихорадит от высокой температуры. – (Ү) Әз тә бә бала ми-лә рзә д. (Әз тә бә бала лә зрәә зи гэрэфтә).

В русских безличных предложениях имя со значением субъекта, то есть лица, испытывающего это состояние, употребляется в форме винительного падежа, в то время как наличие подлежащего в персидских коррелятах факультативно; иными словами, безличные предложения в персидском языке могут выражаться односоставными или двусоставными предложениями.

В персидском языке безличные предложения со значением состояния лица живого и существа, как правило, выражаются шаблонными безличными предложениям (клише). Это такие предложения, состоящие из существительного или прилагательного типа «*лә рз (озноб), тә б (температура), сә рд (холодный), гә рм (жаркий), дә рд (боль) и т.д.*» в сочетании с формой глаголов типа «*шө д (стало), гэрэфт (взяло), бө рд (унесло), амә д (приходило) и т.п.*». В книге «Грамматика персидского языка I» в разделе классификации глаголов на основании их структуры Х. Ахмади Гиви и Х. Анвари называют такие структуры, как "*хө шә м амә д*" (*мне понравилось*), "*сә рдә м ә ст*" (*мне холодно*), "*гә рмә м ә ст*" (*мне жарко*) и др. одноличными непереходными предложениями и дают им такое определение: «Одноличный непереходный глагол – это глагол, который не может иметь объект. Данный тип глаголов употребляется только в форме

третьего лица, а их лицо определяется не флексией, а слитными местоимениями "-м, -т, -ш, -ман, -тан, -шан"» (Ахмади Гиви, Анвари 2007. 17).

Л.С. Пейсиков в книге «Вопросы синтаксиса персидского языка» разделяет безличные предложения персидского языка на три группы. Он включает глаголы "*сә рдәм шө д* (мне стало холодно), *хө шә м амә д* (мне понравилось), *гә рмә ш шө д* (ему/ей стало жарко) и т.п." в третью группу безличных предложений со значением состояния, хотя сразу и добавляет, что в "*сә рдәм шө д* (мне стало холодно)" употребление подлежащего "*мә н* (мне)" представляется возможным; иначе говоря, трансформируя "*сә рдәм шө д*" (мне стало холодно) в "*мә н сә рдәм шө д* (мне стало холодно)", Л.С. Пейсиков считает "*мә н* (мне)" подлежащим (Шафаи 1984. 170).

А. Шафаи в книге «Научные основы грамматики персидского языка» дает следующее определение: «Безличными называются такие предложения, в которых существует только один главный член. Данный главный член может сопровождаться другими второстепенными членами» (Шафаи 1984. 171). В его книге заявлено, что в персидском языке существуют две группы безличных предложений: а) собственно безличные предложения; б) безличные формы безличных предложений (Там же. 176–177).

А. Шафаи безличные предложения со значением физического состояния вводит в собственно безличные предложения. По мнению исследователя, в безличных предложениях со значением физического состояния существует определенная структура, которая состоит из трех элементов:

а) определенный ряд глаголов как *гэрэфтә н* (взять), *шө дә н* (стать), *амә дә н* (идти) и т.д.;"

б) определенный ряд имен существительных и прилагательных "*лә рз* (озноб), *хэйф* (жаль), *лә дж* (упрямство), *сә рд* (холодный), *гә рм* (жаркий) и т.п.;"

в) слитное объектное местоимение "-м, -т, -и, -ман, -тан, -шан", присоединяющееся к вышеуказанным определенным именам существительным и прилагательным (Там же. 176–177).

По мнению А. Шафай, в данном типе безличных предложений слитное объектное местоимение "-м, -т, -и, -ман, -тан, -шан" безусловно не является подлежащим, потому что глагол не согласовывается с ним (Там же. 174).

Как мы видим в предыдущих примерах, предложения "*меня, тебя, его/ее, нас, вас, их знобит, лихорадит, трясет*" могут выражаться также в персидском языке личными предложениями, в которых личное местоимение заместителя слитного местоимения может употребляться в функции подлежащего.

2) глаголы со значением "*тошнота*": в данном значении употребляются глаголы "*тошнит*", "*мутит*" и "*рвет*". Русские безличные предложения со значениями "*тошнота*" и "*мут*" и их корреляты с глаголами данной семантики в персидском языке могут иметь факультативный обстоятельственный распространитель со значением причины описываемого состояния. В таких предложениях со значением "*тошнота*" и "*мут*" субъект выражается формой винительного падежа. Существительное в винительном падеже обозначает лицо, которое испытывает это состояние. В предложениях "*меня, тебя, его/ее, нас, вас и их тошнит (мутит)*" субъект в винительном падеже соответствует в персидском языке слитным местоимениям "-м, -т, -и, -ман, -тан, -шан", обозначающим субъект, испытывающий это состояние:

Вида сладкое, Ивана тошнит. – Иван ба дидә нә ширини тә хә вө ә ш ми-гирә д.

Нас мутит от сигаретного дыма. – Ä з дудә сигар тә хә вө ман ми-гирә д.

Меня мутило от несвежей рыбы. – Äз махи кә тазә нист тә хә вө ә м ми-гэрэфт.

В предложениях с этим значением в персидском языке существуют нижеприведенные устойчивые компоненты:

- а) устойчивый глагол "*гэрэфтә н (взять)*";
- б) устойчивое имя существительное "*тә хә вö (тошнота, муть)*";
- в) слитное местоимение "*-м, -т, -ш, -ман, -тан, -шан*", присоединяющееся к вышеуказанному устойчивому существительному "*тә хә вö (тошнота, муть)*" в составе глагола "*тә хә вö гэрэфтә н (тошнить, мутить)*".

Ю. Рубинчик в книге «Грамматика современного персидского литературного языка» делит безличные предложения в зависимости от того, являются они свободной синтаксической конструкцией или фразеологизмом, на свободные безличные предложения и фразеологизированные безличные предложения (Рубинчик 2001. 388).

По его мнению, фразеологизмы-предложения в зависимости от наличия или отсутствия в их составе выраженного субъекта делятся на две разновидности: бессубъектные и субъектные безличные фразеологизмы-предложения. Рубинчик считает персидские корреляты русских безличных предложений со значением "*тошнота*" и "*муть*" субъектными безличными фразеологизмами-предложениями (Там же. 387).

Он включает указанные трехкомпонентные структуры в безличные структуры и предполагает, что данные структуры не могут быть превращены в двухкомпонентную, ибо в их составе всегда входят слитные местоимения "*-м, -т, -ш, -ман, -тан, -шан*", свободно изменяющиеся по лицам (Там же. 392–393):

Меня мутит (тә хә вö әм ми-гирә д), тебя мутит (тә хә вö ә т ми-гирә д), его/ее мутит (тә хә вö ә ш ми-гирә д) и т.п.

Ю. Рубинчик говорит, что «в составе субъектных безличных предложений слитные местоимения являются конститутивными элементами и всегда выражают субъект действия» (Там же. 393).

Основную семантическую нагрузку в этом типе персидских безличных предложений несет на себе именной компонент, выражаемый обычно существительными со значением "состояния".

В глаголе *"тә хә вö гэрэфтә н (тошнить, мутить)"* глагольный компонент *"гэрэфтә н (взять)"* вносит в общее содержание безличного предложения значение начала действия.

На наш взгляд, безличные предложения (*меня, тебя, его/ее, нас ... тошнит (мутит)*) могут совпадать с предложениями *"халә м бэхә м ми-хө рә д, халә т бэхә м ми-хө рә д, халә и бэхә м ми-хө рә д, халэман бэхә м ми-хө рә д и..."*, которые считаются личными предложениями в персидском языке. В данных предложениях *"хал"* является подлежащим.

В безличном предложении *"меня, тебя, его/ее, нас ... рвет"* существительное в винительном падеже обозначает субъект, т.е. лицо, испытывающее это состояние.

В качестве главного члена употребляется непереходный глагол *"рвать"* и модель предложения требует распространитель со значением причины с предлогом *"от"*.

Безличные предложения с глаголом *"меня, тебя, его/ее, нас ... рвет"* соотносятся с личными предложениями *"мә н эстэфраг ми-кө нә м, тӯ эстэфраг ми-кө ни, ұ эстэфраг ми-кө нә д, ма эстэфраг ми-кө ним и..."*:

Когда у меня болит голова, меня обычно рвет. – Вә эти сә рә м дә рд ми-кө нә д, (мә н) мәмӯ лән эстэфраг ми-кө нә м.

На наш взгляд, данный тип безличных предложений русского языка может выражаться также в персидском языке безличными предложениями *"эстэфрагә м ми-гирә д, эстэфрагә т ми-гирә д, эстэфрагә и ми-гирә д, эстэфрагэман ми-гирә д и..."*.

Основную семантическую нагрузку в персидском предложении несет на себе именной компонент, выражаемый обычно существительным со

значением "*эстэфраг (рвота)*", показывающим состояние лица. Отсутствие существительного со значением "*эстэфраг (рвота)*" приводит к потере смысла.

3) В предложениях со значением "*качание*" и "*нарушение равновесия*" так же, как в безличных предложениях со значениями "*тошнота*", "*мусть*" и "*рвота*", субъект передается формой винительного падежа. В данном типе безличных предложений в качестве главного члена употребляется глагол "*укачивать*". В предложениях данной семантики обычно употребляется обстоятельственный распространитель со значением места, указывающего, где проявляется эта особенность организма (*в самолете, в автобусе, в поезде, в метро, в транспорте, на судне и т.п.*).

В машине обычно меня укачивает. – Машин мә мў лә н мә ра ми-гирә д.

В самолете часто нас укачивает. – Хавапэйма галэбан ма ра ми-гирәд.

В метро по утрам меня укачивает. – Сө бхха мэтрө мәра ми-гирә д.

Как видно из примеров, глагол "*укачивать*" в русском языке соответствует глаголу "*гэрэфтә н*" в переносном значении в персидском языке. Глагольный компонент "*гэрэфтә н (укачивать)*" в данных предложениях вносит в общее содержание предложения значение начала и становления действия. Глагол "*укачивать*" в предложениях с субъектом в винительном падеже употребляется в безличных предложениях, в то время как глагол "*гэрэфтә н*" в вышеуказанных конструкциях используется в личных предложениях, в которых обстоятельственный распространитель со значением места считается подлежащим.

Субъект, выражаемый формой винительного падежа, передается прямым дополнением, выражающимся собственными именами или местоимениями, и послелогом "*ра*" в персидском языке.

4) В русском языке глаголы "*продуть*" и "*просквозить*" в значении "*простудиться, находясь на ветру*" употребляются в составе безличных

предложений. Особенность данных глаголов в качестве главного члена состоит в том, что данные глаголы чаще всего используются в форме совершенного вида и показывают результат действия. Субъект, употребленный в составе этого типа безличных предложений, передается винительном падежом. В данной структуре возможен также обстоятельственный распространитель со значением места, в котором произошло это состояние.

Усвоить данные конструкции персоязычным учащимся гораздо сложнее, так как глаголы "продуть" и "просквозить", используемые в безличных предложениях русского языка, в персидском языке не имеют вполне соответствующего эквивалента, которым удастся передать все семантические нюансы русского глагола. В «Русско-персидском словаре», например, оба русских глагола переводятся структурой глагола + дополнение: *дә р нә тиджэйэ кӯ ран / джә рйанэ хә ва сә рма хӯ рдә н* (букв.: «простудиться в результате ветра / сквозняка») (Овчинникова и др. 1965. 716). Правда, эти глаголы и в русском языке часто используются вместе с дополнением, уточняющим источник действия (чем продуло или просквозило), и тогда составы предложений в двух языках с точки зрения количества знаменательных слов в них более или менее совпадают:

Ребенка просквозило ветром. – Бә ччэ бэ хатэрэ бад (джэлө йэ бад) сә рма хө рд. / Бад бә ччэ ра сә рма дад. (букв.: Ребенок из-за (напротив) ветра простудился. / Ветер простудил ребенка.)

Мою шею просквозило кондиционером. – Гә рдә нә м бэ хатэрэ (бадэ) кӯ лэр (джэлө йэ бадэ кӯ лэр) сә рма хө рд. (букв.: Моя шея простудилась из-за (ветра от) кондиционера. / (Ветер от) Кондиционер простудил мою шею).

Как видно, в обоих персидских коррелятах использованы личные конструкции, меняются в них лишь субъекты.

Если же в безличном предложении отмечена часть тела, находившаяся на

ветру, то в персидском языке можно использовать глаголы «бад хў рдä н» или «бад зä дä н», которые как и русский «*просквозить*» имеют яркую разговорную тональность:

Кондиционером продуло мою спину. – Пö штä м джö лö ү вз кў лэр бад хў рд. / Пö штä м ра бадэ кў лэр зä д.

Как лечить по-домашнему, если продуло шею? – – Äгä р гä рдä нэман бад хў рд (гä рдä нэман ра бад зä д), дä рманэ ханэги ан чист?

Когда же русский глагол употребляется без каких-либо дополнений, в персидском языке приходится все равно использовать два знаменательных слова, выражающих понятия «ветер» («сквозняк», «дуть») и «простудиться»:

Продуло ее как-то на речке, и начала она кашлять еще больше. (Голубева, Мальчик из Уржума). – Ў йэк бар дä р рў дханэ бэ хатэрэ бад (джэлö йэ бад) сä рма хö рд вä сö рфэä и биштä р шö д.

Он направился на веранду, но теща тотчас сказала: — Матвей, вас там просквозит (Гранин, Искатели). – Ў бэ эйван рä фт, ä мма мадä рзä нä и бэлафасэлэ гö фт: Матвэй, шö ма анджа джэлö йэ сў з (бад) сä рма михö рид.

В целом, во всех рассмотренных примерах персидские корреляты выражены в форме личных предложений с помощью глаголов «сä рма хö рдä н» (вместе с дополнением со значением «ветер», «сквозняк») и «бад хö рдä н». Причем, в определенных случаях в качестве субъекта может выступать и человек (или орган), находящийся на ветру, и сам ветер (сквозняк).

Заключение

Русские безличные предложения со значением физического состояния лица и живого существа в винительном падеже создают трудности для

персоязычных учащихся. Во-первых, студентами, привыкшими к более распространенным безличным предложениям с субъектом в дательном падеже, часто допускаются ошибки в выборе правильного падежа для субъекта, создаются такие предложения как **мне знобит*, **спине продуло*. С другой стороны, влияние родного, персидского, языка, в котором безличные конструкции в данном значении по сравнению с русским языком не так развиты, побуждает учащихся чаще употреблять русские личные конструкции даже в тех случаях, когда использование безличной формы предпочтительно.

Как было видно из примеров, во многих случаях русские безличные предложения со значением физического состояния лица и живого существа с субъектом в винительном падеже можно передать на русский язык с помощью конструкций, в которых действительный субъект предложения не совпадает с подлежащим, например: *"лә рзә м гэрэфт"*, *"тә хә вө ә м гэрэфт"*, *"машин мә ра гэрэфт"*, *"бад хө рдә н"* и т.д.

Ряд предложенных нами персидских коррелятов (например, *«лә рз гэрэфтә н»* вместо *«лә рзидә н»*) с точки зрения переводческого искусства не вполне удачные, однако, они, на наш взгляд, своим структурным соответствием с русским языком лучше удовлетворяют учебным требованиям, способствуют более глубокому внедрению анализируемой конструкции в память учащихся. Персидские предложения *«тә хә вө ә м гэрэфт»* или *«Машин мә ра гэрэфт»* с точки зрения красноречия, безусловно, уступают место предложениям *«Халә м бә хә м хө рд»* и *«ә з тәканхайе машин халә м бә д шө д»*, однако тот факт, что субъект в этих предложениях стоит не в именительном падеже, помогает персоязычному учащемуся легче усвоить русскую конструкцию.

Литература

- 1- Аря М.Б., Мохаммади М.Р. (2004). *Безличные глаголы в русском языке и способы их выражения в персидском языке*. Тегеран. Магистерская работа. Университет Тарбиат Модарес.
- 2- Ахмади Гиви Х. Анвари Х. (2007). *Грамматика персидского языка 1*. Тегеран. Изд-во «Фатемии».
- 3- Бабайцева В.В. (2004). *Система односоставных предложений в современном русском языке*. Москва. Изд-во «ДРОФА».
- 4- Вахеда Лангруди М.М. (2005). «Рассмотрение безличных конструкций (шаблоны) в четырех языковых типах». *Грамматика*, № 2. стр. 34–70
- 5- Галкина-Федорук Е.М. (2012). *Безличные предложения в русском языке*. Москва. Изд-во Книжный дом «ЛИБРОКОМК».
- 6- *Книга о грамматике* (2009). Под ред. Величко А.В. Москва. Изд-во «МГУ».
- 7- Лесани Х. (2003). «Сравнение безличных предложений в русском и персидском языках». *Pajhuhesh-e adabiat-e moaser-e jahan*. No. 16.
- 8- Мадайени Аввал А. (2002). «Обучение безличным конструкциям русского языка персоговорящих». *Pajhuhesh-e adabiat-e moaser-e jahan*. No. 15.
- 9- Наджафян А. (2001). *Рассмотрение безличных конструкций в персидском языке на основе гипотезы «непереходности»*. Тегеран. Магистерская работа. Университет Тарбиат Модарес.
- 10- Наджафян А. Вахеда Лангруди М.М. (2002). «Группировка безличных конструкций в персидском языке». Журнал *Рошд*. № 67.
- 11- Овчинникова И.К. и др. (1965). *Русско-персидский словарь*. Москва. Изд-во советская энциклопедия.
- 12- Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. и др. (2010). *Современный русский язык*. Москва. Изд-во «АЙРИС-пресс».
- 13- Рубинчик Ю.А. (2001). *Грамматика современного персидского литературного языка*. Москва. Изд-во «Восточная литература».
- 14- Руднев А.Г. (1963). *Односоставные предложения*. Москва. Изд-во «Высшая школа».
- 15- Хонарвар М., Хосейни А (2004). *Способы передачи русских безличных предложений в персидском языке*. Тегеран. Магистерская работа. Тегеранский Университет.
- 16- Хосейни А., Хонарвар М. (2003). *Сопоставление безличных предложений в русском и персидском языках*. Тегеран. *Pajhuhesh-e zabanha-ye khareji*. No. 16.
- 17- Шафай А. (1984). *Научные основы грамматики персидского языка*. Тегеран. Изд-во «Новин».

Bibliography

- 1- Arja M.B., Mohammadi M.R. (2004). *Bezlichnye glagoly v russkom jazyke i sposoby ih vyrazhenija v persidskom jazyke*. Tegeran. Magisterskaja rabota. Universitet Tarbiat Modares.
- 2- Ahmadi Givi H. Anvari H. (2007). *Grammatika persidskogo jazyka 1*. Tegeran. Izd-vo «Fatemi».
- 3- Babajceva V.V. (2004). *Sistema odnosostavnyh predlozhenij v sovremennom russkom jazyke*. Moskva. Izd-vo «DROFA».
- 4- Vahedi Langrudi M.M. (2005). «Rassmotrenie bezlichnyh konstrukcij (shablony) v chetyreh jazykovyh tipah». *Grammatika*, № 2. str. 34–70
- 5- Galkina-Fedoruk E.M. (2012). *Bezlichnye predlozhenija v russkom jazyke*. Moskva. Izd-vo Knizhnyj dom «LIBROKOMK».
- 6- *Kniga o grammatike* (2009). Pod red. Velichko A.V. Moskva. Izd-vo «MGU».
- 7- Lesani H. (2003). «Sravnenie bezlichnyh predlozhenij v russkom i persidskom jazykah». *Pajhuhesh-e adabiat-e moaser-e jahan*. No. 16.
- 8- Madajeni Avval A. (2002). «Obuchenie bezlichnym konstrukcijam russkogo jazyka persogovorjashhih». *Pajhuhesh-e adabiat-e moaser-e jahan*. No. 15.
- 9- Nadzhafijan A. (2001). *Rassmotrenie bezlichnyh konstrukcij v persidskom jazyke na osnove gipotezy «neperehodnosti»*. Tegeran. Magisterskaja rabota. Universitet Tarbiat Modares.
- 10- Nadzhafijan A. Vahedi Langrudi M.M. (2002). «Gruppirovka bezlichnyh konstrukcij v persidskom jazyke». *Zhurnal Roshd*. № 67.
- 11- Ovchinnikova I.K. i dr. (1965). *Russko-persidskij slovar'*. Moskva. Izd-vo sovjetskaja jenciklopedija.
- 12- Rozental' D.Je., Golub I.B. i dr. (2010). *Sovremennyj russkij jazyk*. Moskva. Izd-vo «AJRIS-press».
- 13- Rubinchik Ju.A. (2001). *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo jazyka*. Moskva. Izd-vo «Vostochnaja literatura».
- 14- Rudnev A.G. (1963). *Odnosostavnye predlozhenija*. Moskva. Izd-vo «Vysshaja shkola».
- 15- Honarvar M., Hosejini A (2004). *Sposoby peredachi russkih bezlichnyh predlozhenij v persidskom jazyke*. Tegeran. Magisterskaja rabota. Tegeranskij Universitet.

- 16- Hosejmi A., Honarvar M. (2003). Sopostavlenie bezlichnyh predlozhenij v russkom i persidskom jazykah. Tegeran. *Pajhuhesh-e zabanha-ye khareji*. No. 16.
- 17- Shafai A. (1984). *Nauchnye osnovy grammatiki persidskogo jazyka*. Tegeran. Izd-vo «Novin».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Golkar, Abtin et al (2018). Impersonal Russian Sentences with the Subject in the Accusative Case and the Meaning of a Person's Physical Condition in the Terms of Persian Language, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp:179-196.

DOI: 10.29252/iarll.11.179

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-107-en.html>

Kronelope in Ulitskaya's Short Stories

Motamednia Masoumeh¹

Assistant professor Department of Russian language, University of Mazandaran,
Babolsar, Iran.

(date of receiving: September, 2017; date of acceptance: February, 2018)

Abstract

The features of the composition of small prose by L. Ulitskaya (on the example of the stories "Bronka", "Happy", "Poor Relatives") are analyzed. Particular attention is paid to the features of picturing time in stories, to the past which is sometimes more important for understanding the motives and characters of L. Ulitskaya's heroes than the present and even the future. Heroes of L. Ulitskaya live in the past; her prose is permeated with nostalgic intonation. In many respects this is due to the author's attention to the values of the departed world, the world of the old Moscow intelligentsia and the new Soviet intelligentsia, due to their comparison and opposition. Family intimacy in his prose, seen in the context of the separate lives of the family members, reveals the characteristic feature of his work as a kronelope. Getting a retrospective image that lets the boundaries of time to extend is the routine of Ulitskaya's stories. The flow of time in Ulitskaya's narrative is intermittent and heterogeneous, and is based on the key events of the subject and less important events from the author's point of view. The intimate atmosphere of the inner world of the heroes and the nostalgic attitudes resulting from their experiences create a unique feature in Ulitskaya's short prose.

Keywords: Short Prose, Ulitskaya, "Poor Relatives", "Bronka", "Happiness", Kronelope, Nostalgic Tone.

1. E-mail: m.motamednia@umz.ac.ir

Хронотоп в рассказах Л. Улицкой

Мотамедния Масуме¹

Старший преподаватель русской литературы Мазандеранского университета,
Баболсар, Иран.

(дата получения: сентябрь 2017 г.; дата принятия: февраль 2018 г.)

Аннотация

Анализируются особенности композиции малой прозы Л. Улицкой (на примере рассказов «Бронька», «Счастливые», «Бедные родственники»). Особое внимание уделяется особенностям изображения времени в рассказах, прошлому, которое для понимания мотивов и характеров героев Л. Улицкой оказывается порой важнее настоящего и даже будущего. Герои Л. Улицкой живут прошлым, ее проза пронизана ностальгической интонацией. Во многом это обусловлено вниманием автора к ценностям ушедшего мира, миру старой московской интеллигенции и новой советской, их сравнением и противопоставлением. Особенности хронотопа утверждают домашний интимный характер ее прозы, заключенной в рамки частной жизни отдельного человека (семьи). Традиционным для Л. Улицкой является прием ретроспективного изображения, позволяющий расширить границы художественного времени – пространства (из настоящего в прошлое). Временной поток в ее повествовании прерывист и неоднороден, характеризуется вниманием к ключевым событиям сюжета и временными лакунами относительно менее значительных, с точки зрения автора, событий. Интимная атмосфера внутреннего мира ее героев и ностальгические интонации их переживаний создают неповторимое своеобразие малой прозы Улицкой.

Ключевые слова: Малая Проза, Л. Улицкая, «Бедные Родственники», «Бронька», «Счастливые», Хронотоп, Ностальгическая Интонация.

1. E-mail: m.motamednia@umz.ac.ir

Введение

Проза Л. Улицкой – это целый мир, существующий по своим законам и имеющий определенное пространственно-временное положение. Время и пространство в ее рассказах служат конструктивными принципами организации литературных произведений.

Пейзаж у Л. Улицкой всегда консонирован с переживаниями героев: печальный осенний пейзаж и его увядающие краски гармоничны ностальгии героини, ее разочарованию в своей неинтересной жизни, ее скучному внутреннему миру.

Мир вещей в прозе писательницы преодолевает функцию исключительно предметную и приобретает значение психологического акцента. В частности, это иллюстрирует такая вещная деталь, как детский стульчик в рассказе «Счастливые», где становится чем-то вроде центра средоточия психической жизни Матиаса и Берты, концентрирующим в себе смысл их существования до трагедии с их ребенком, и после нее.

Анализ цикла «Бедные родственники» убеждает, что детали портрета, символичность пейзажа, психологическая значительность интерьерных описаний, двойная функциональная нагрузка бытовых деталей «мира вещей» выполняют функцию косвенного изображения психологии героев.

Заметим, что при всей глубине психологического анализа понимание характера героини становится как бы «личным открытием» читателя, суммирующим все перечисленные детали вещного мира. Л. Улицкая самоустраняется от каких бы то ни было прямых оценок.

Своеобразие психологического стиля Л. Улицкой и состоит в ненавязчивом проникновении в самую сущность человеческой психологии. Многостороннее воспроизведение внутреннего мира персонажей, пристальный интерес к наиболее тонким и сложным душевным движениям сочетается в ее рассказах с нулевой императивностью авторских оценок.

Особое значение в ее рассказах имеют детали портрета, символичность пейзажа, психологическая значительность интерьерных описаний, двойная функциональная нагрузка бытовых деталей «мира вещей».

В настоящей статье анализируется, как пространственно-временная организация ее рассказов («Счастливые», «Бедные родственники», «Бронька») служит формированию и выражению картины мира и «этической модели» (Лотман 1988. 252) писателя.

Основная часть

Несмотря на то, что в литературе «представление о том, что художественное пространство представляет собой модель некоего естественного пространства, оправдывается далеко не всегда» (Там же.), в рассказах Л. Улицкой, род. 21 февраля 1943, Давлеканово, Башкирская АССР, СССР., из цикла «Бедные родственники» художественное пространство совпадает с естественным пространством «провинциальной Москвы» с ее «ветхими строениями», «дровяными сараями и голубятнями», «с немощными дворами, бельевыми веревками, натянутыми между старых тополей, и пышными палисадами» (Улицкая 2003. 27) («Бронька»). В рамках этого пространства автор моделирует ряд более узких пространств: Москва Л. Улицкой сужена до границ дома и часто отдельной комнаты. Это утверждает домашний интимный характер ее прозы, заключенной в рамки частной жизни отдельного человека (семьи).

В рассказе «Счастливые» доминирующей пространственной категорией является дом. При этом значение, которое подразумевает понятие «дом» как места проживания, в рассказе Л. Улицкой приобретает дополнительные смыслы. Рассказ открывается описанием еженедельного посещения кладбища престарелыми супругами, на котором похоронен их единственный поздний ребенок – сын Вовочка. Именно могила сына названа «дом». Домашняя уборка

(традиционное занятие домовитой Берты) превращается в рассказе в приведение в порядок дорогой могилы: *«Берта доставала сверток с газетой, развязывала узелок, складывала вчетверо газету, в которой он был завернут, а Матиас смахивал веником пыль или снег с незамысловато зеленой скамейки. ... Они немного отдыхали, а потом прибирали этот дом – ловко, не торопясь, но быстро, как хорошие хозяйева»* (Там же. 8). Таким образом, Берта и Матиас являются обладателями двух домов: своего собственного и дома на кладбище (могилы).

Тот факт, что две разные пространственные точки обозначены одинаково («дом»), заключает в себе важный в художественном плане смысл. С одной стороны, пространство в рассказе шире точечной локализации «квартиры», поскольку Берта и Матиас способны к преодолению ее границ и выходу в большой мир, за ее пределы. С другой, пространство, расширяя свои границы («кладбище»), так и остается замкнутым, домашним, потому что кладбище – такой же «дом» для героев Л. Улицкой, как и их квартира. Герои рассказа в буквальном смысле – домашние люди, или, иначе, люди своего дома, границ которого они, в сущности, так и не покидают. В процессе анализа текста даже возникает вопрос: какой из этих топосов в большей степени является для Берты и Матиаса домом: квартира или могила на кладбище? Вероятно, все-таки второе, поскольку на кладбище сосредоточено вся ценность и все счастье их жизни, пусть и мимолетное. Художественное пространство в рассказе «Счастливые», таким образом, представляет собой, по терминологии Ю.М. Лотмана, цепочку точечных локализаций (Лотман 1988. 253).

Одной из доминирующих пространственных категорий в рассказе «Счастливые» является универсальная в литературе категория дороги, пути. В данном случае – дороги из дома на кладбище. Являясь открытым, обширным пространством, дорога – это своего рода сцена, на которой разворачиваются все жизненно значимые события. Противопоставляя оба вида пространства

(«дом» и «дорога»), писательница наполняет каждое из них особым содержанием: если в доме царит покой, счастье, понимание, то дорожное пространство заключает в себе лишь беды, трудности, лишения. Сын Вовочка, нарушая границы домашнего пространства, оказывается на дороге, где его сбила машина; путь к мальчику на кладбище изображается полным трудным, как сама жизнь Матиаса и Берты: «...у трамвайной остановки они долго ждали редкого трамвая... Они долго тряслись в трамвае, где было жарко или холодно в зависимости от времени года, но всегда душно» (Улицкая 2003. 7). Дорога из дома на кладбище в рассказе – символ человеческой жизни в целом, некая схема человеческого существования – от рождения к могиле, времени существования.

Путь Берты и Матиаса совершается по замкнутому кругу: от дома – к кладбищу, и обратно. Меняется только сопровождающая их путь атрибутика внешнего («пальто, или плащ, или жакетка»), отмечающая смену времен года, но жизнь героев остается неизменной: «Каждое воскресенье Берта и Матиас отправлялись к сыну... Матиас подавал ей пальто, или плащ, или жакетку...» (Там же.). Неделя за неделей они проходят все той же дорогой. Е. Щеглова, анализируя повесть «Медея и ее дети», пишет о том, что Л. Улицкая писательница «неспешная, (что в наше время, сумасшедшее-стрессовое, дорогого стоит)» (Щеглова 2003. 185). Эти слова приложимы и к рассказу «Счастливые». В связи с тем, что пространственные категории текста неизменны, течение времени в нем как бы приостанавливается, застывает. Точечно локализованные пространства «всегда ахронны» (Лотман 1988. 253), – пишет об этом Ю.М. Лотман.

Время в рассказе включает один день из жизни героев, но временная протяженность повествования шире из-за используемого Л. Улицкой приема ретроспективного изображения событий. Некоторые события описываются предельно кратко, другие (наиболее важные), напротив, выделяются «крупным

планом». Отдавая большую роль деталям, писательница очень подробно останавливается на двух эпизодах: восьми годах жизни, проведенных с сыном, и на посещении пожилыми родителями кладбища. Время в рассказе изображено в противостоянии двух пластов: прошлого и настоящего. Настоящее героев статично, их жизнь как бы застыла и превратилась в движение по замкнутому кругу. Это произошло много лет тому назад, когда *«Берта на вытянутых руках внесла со двора Вовочку... на шею, целиком открытой и удлинившейся из-за запрокинутой головы не билась ни одна жилка»* (Там же. 11). Л. Улицкая использует экспрессивные возможности глагольных форм прошедшего времени совершенного и несовершенного вида со значением многократно повторяющегося действия. Если формы прошедшего совершенного выражают последовательно сменяющиеся действия, то формы несовершенного вида передают не динамику события, а динамику самого действия, представляя его как развертывающийся процесс: *«Все произошло мгновенно и напоминало плохой плакат – ... мяч... выкатило, ... за ним вылетел ... мальчик, раздался скрежет тормозов... Мяч еще продолжал ... движение, ... а мальчик ... лежал на спине»* (Там же.). Сравнение с плакатом многозначительно в контексте изображаемого: со смертью Вовочки жизнь превращается в «плохой плакат», динамика самой жизни – в ее тиражируемое статичное изображение, навсегда застывшее в картинке дурного качества.

Движение во времени связано с развертыванием в памяти героев, в *«обычных воскресных... послеобеденных снах счастливейших восьми лет, которые они прожили втроем»* (Там же. 9). Если в реальном пространстве жизнь героев лишена динамики и статична, то во сне (ирреальном пространстве) она полна движения, наполнена глубоким смыслом. В том же соотношении находится прошлое и настоящее в рассказе: *«Во сне она легко, как в соседнюю комнату, входила в прошлое и легко двигалась в нем,*

счастливо дыша одним воздухом со своим сыном» (Там же. 11). Таким образом, герои живут в прошлом, а в настоящем, лишившимся со смертью сына будущего, они только существуют в «наркотическом обаянии много раз виденного спектакля», двигаясь по неизменной траектории однажды прочерченного пути. Такая организация пространственно-временного пласта косвенно выражает авторские представления о мире. Жизнь человека наполнена смыслом только в заботах о детях – своем продолжении. Без будущего, сконцентрированного в ребенке, жизнь теряет смысл, превращаясь в топтание на одном месте, хождение по замкнутому кругу.

Ахронность и замкнутость домашнего пространства Матиаса и Берты соответствует характеристикам идиллического пространства. По мнению М.М. Бахтина, в идиллическом хронотопе «...на первый план выдвигается глубокая человечность самого идиллического человека и человечность отношений между людьми, далее цельность идиллической жизни... и, наконец, идиллические вещи, не оторванные от собственно труда, неразрывно связанные с этим трудом и идиллическим бытом. В то же время подчеркнута узость и замкнутость идиллического мирка» (Бахтин 1975. 382). Квартира супругов описывается как замкнутый мирок, наполненный бытовыми предметами вещного окружения и торжествующими в нем: *«Они сидели за круглым столом, покрытым жесткой, как фанера, скатертью. Посреди стола торжествовала вынутая из буфета вазочка с самодельными медовыми пряниками»* (Там же.). Центром домашнего пространства является стол и вазочка с пряниками на нем. На кладбище, этом втором доме супругов, центром является «маленький прямоугольный столик», на котором *«Берта стелила бумажную салфетку, наливала в скользкие пластмассовые крышки чай, ставила стопочку ... бутербродов. Это была их семейная еженедельная трапеза, которая за долгие годы превратилась в сердцевину всего этого обряда, начинающегося с заворачивания венка и оканчивающегося»*

завинчиванием крышки пустого термоса» (Там же. 8). Чайник, вазочка, термос сообщают миру Матиаса и Берты уют и покой. Идиллический мирок наполнен идиллическим трудом: Матиас, «варшавский портной парижской выучки», шьет, Вовочка часами плетет коврики, Берта *«мыла свою посуду, взбивала сливки, которые никогда не взбивались у соседок, пекла пирожные и делала паштеты»* (Там же. 10). Со смертью сына идиллический мирок супругов не разрушается, так же стоит вазочка на столе, те же самодельные пряники готовит Берта. Супруги неизменно следуют уже установленному миропорядку: Матиас, например, каждое воскресенье за обедом выпивает «воскресные полбутылки водки». И это превращается в поминальный ритуал: *«Трижды налил он в большую серебряную рюмку с грубым рисунком, пасхальную рюмку Бертиногo отца, трижды по-коровьи вздыхала Берта»* (Там же. 8-9). Посещение кладбища, как, вероятно, и воскресные полбутылки водки, становятся еще одной традицией, появившейся в идиллическом мире супругов со смертью сына. «Любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда, питье, традиции, смена поколений, пишет М.М. Бахтин, – основные реальности идиллической жизни» (Бахтин 1975. 380-381).

Идиллический хронотоп рассказа парадоксально не соответствует трагическому содержанию жизни героев: у Матиаса первая жена и четыре дочери погибли во время войны (*«дым их тел давно уже рассеялся над бледными полями Польши»*); во втором браке у него и Берты погибает единственный любимый сын. В то же время хронотоп находится в полном соответствии с заглавием рассказа – «Счастливые», объясняя его скрытый смысл. Можно ли считать Берту и Матиаса счастливыми людьми? В общепринятом толковании этого понятия, подразумевающего настоящее время (здесь и сейчас), нельзя. Но Л. Улицкая привносит в рассказ собственное понимание счастья. Заглавие рассказа, как и финал, – прямое указание на это. В финале Матиас и Берта, совершив свой воскресный ритуал

(посещение кладбища, обед, полбутылки водки, послеобеденная любовь, сон), проснувшись, играют в карты. Этот эпизод, вынесенный в финал и тем самым привлекающий внимание, подчеркнuto символичен. Символика карточной игры в русской классической литературе связана с «игрой личности с обстоятельствами, историей, Целым, законы которых остаются для нее Неизвестными Факторами» (Лотман 1975. 126), то есть с символикой случайного, где сама судьба уподобляется карточному раскладу. Выигрыш и проигрыш в карточной игре в принципе случаен и непредсказуем. Так и сама жизнь, видимо, толкуется в рассказе «Счастливые» как карточная игра с непредсказуемостью счастливых и трагических обстоятельств жизни. В этом мире послевоенной Москвы, утверждает заглавие рассказа, подтверждаемое всем его содержанием, и финалом в том числе, счастлив уже тот, кто имел хотя бы маленький кусочек счастья. Тем более счастливы Матиас и Берта, обладатели «счастливейших восьми лет».

Итак, проблематика рассказа Л. Улицкой сосредоточена на выяснении философских вопросов: смысла человеческой жизни, ее сложности, трагического и идиллического в ней. Глобальным же вопросом ее малой прозы является вопрос о том, что есть счастье.

Эта тема актуальна для цикла «Бедные родственники» в целом и разрабатывается в разных аспектах. Рассказ «Бедные родственники», давший название всему циклу, заслуживает в этом плане особенного внимания. Его заглавие привносит в развертывающееся далее повествование эмоционально-оценочную авторскую характеристику и обозначает объект авторского внимания – «бедные родственники». Такого рода заглавие, определяя проблематику рассказов цикла, сосредоточивает внимание на судьбе «маленького» человека, являющемся центром художественного мира Л. Улицкой. «Бедные родственники» – заглавие аллюзивное, вызывающее ассоциации с «Бедными людьми» и «Униженными и оскорбленными» Ф.М.

Достоевского. Вместе с тем, как покажет дальнейший анализ, заглавие провоцирует эффект обманутого ожидания.

Рассказ «Бедные родственники» воссоздает часовую встречу двух троюродных сестер, Анны Марковны и Аси Шафран, однако временной охват произведения значительно шире. Своеобразие композиции рассказа позволяет проследить судьбы женщин с юного возраста: повествование о настоящем прерывается обращением в прошлое, используется традиционный для Л. Улицкой прием ретроспективного изображения (из настоящего в прошлое). Совмещение двух временных пластов позволяет раздвинуть границы рассказа и создать объемное представление об образах персонажей. Основным в рассказе является композиционный прием со-противопоставления.

Изначально обе героини рассказа объединены общим пространством – Калужской женской гимназией Саловой: *«Когда-то они учились в одном классе гимназии, ходили в одинаковых серо-голубых форменных платьях, пошитых у лучшего в Калуге портного, носили на пышных грудях одинаковые гимназические значки»* (Там же. 13), – повествуется в ретроспективном отступлении от канвы сюжета. Тавтология *«в одном классе», «в одинаковых серо-голубых форменных платьях», «одинаковые гимназические значки»* убеждает, что обе героини изначально обладали одинаковым статусом в мире, но существенным различием в понимании мира и его оценках. Рассказчица замечает, что еще в детстве сестры отличались: *«Анечка была отличницей с толстой косой... У Аси не было такого рвення к учебе»* (Там же. 14). Противопоставление двух характеров, намеченное в ретроспективном описании юности героинь, далее выражается в рассказе противопоставлением двух его топосов. «Поскольку пространство, – указывает Ю.М. Лотман, – ... становится формальной системой для построения различных, в том числе и этических, моделей, возникает возможность моральной характеристики литературных персонажей через соответствующий им тип художественного

пространства, которое выступает уже как своеобразная двуплановая локально-этическая метафора» (Лотман 1988. 256).

Если перенести систему школьных оценок на реальную взрослую жизнь, начавшуюся за границами гимназии, Анна Марковна в общепринятом понимании по-прежнему сохраняет статус отличницы. Ее жизнь с бытовой точки зрения устроена отлично, что означает – богато. Пространство героини – это пространство ее отдельной (не коммунальной) квартиры. Оно в буквальном смысле переполнено предметами вещного мира: «ковровой кушеткой», дорогой дубовой мебелью (Ася сидит на черном дубовом стуле) и так далее. Особо подчеркивает богатство Анны Марковны наличие домработницы, и не простой, а *«красавицы с перманентными волосами ... с двумя заколками на висках»* (Улицкая 2003, 16). Чаепитие обставлено соответствующим образом: *«Чай пили из богатых синих чашек. В розовые розетки из такого странного стекла, что они казались оббитыми, Анна Марковна положила зеленое варенье из крыжовника, сваренное по редкому рецепту»* (Там же. 17). *«Богатые синие чашки»*, неординарные розетки из *«странного стекла»*, *«редкого рецепта»* варенье – все показывает исключительность жизненного благополучия Анны Марковны. Ася, напротив, принадлежит другому миру и, соответственно, другому пространству. У бедной родственницы не квартира, а только комната, неудачно расположенная *«в конце коленчатого коридора, возле кухни». «Какая-то лавка старьевщика, а не жилье»*, – характеризуется пространство Аси вспомнившей о ее жилищных условиях Анной Марковной: *«Все стены в беспорядочно вбитых гвоздях всех размеров, на одном – мужское пальто, на другом – блузка, на третьем – открыточка или пучок травы. Запах – невозможный, настоящее жилище сумасшедшего; и повсюду еще стопки газет...»* (Там же. 16).

Л. Улицкая конструирует своеобразное двуемирие: мир богатой родственницы Анны Марковны и мир ее бедной троюродной сестры Аси.

Граница между ними не проходима. При появлении дальней родственницы муж Анны Марковны, «...кисло хмыкнул, спросил у нее, как дела, и, не дожидаясь ответа, ушел в смежную со столовой спальню, закрыв за собой двойную стеклянную дверь» (Там же.). Двойная стеклянная дверь выступает в тексте в функции преграды, закрывая Асе доступ в другой мир, мир богатых и значительных людей. На уровне пространственных обозначений закрытая дверь подчеркивает невозможность понимания между родственницами. Этим объясняется отчетливо ощущаемая обеими собеседницами (и читателем) проблематичность межличностной коммуникации. Например, муж Анны Марковны уходит, не дождавшись Асиного ответа на свой вопрос. Бедная родственница вызывает у него чувство пренебрежительной снисходительности. Анна Марковна разговаривает с Асей «снисходительно, с ощущением выполняемого родственного долга» (Улицкая 2003. 16) и так далее. Единственной деталью, объединяющей героинь, становится их беседа по-французски. Французский язык – язык аристократов, но знают его в советской России немногие, и беседа двух героинь, с одной стороны, подчеркивает привилегированное положение Анны Марковны, а, с другой, контрастирует с реальным положением бедной Аси, только увеличивая дистанцию между ними. Беседы героинь не такие доверительные, какие они должны быть между сестрами, и носят формальный характер, лишь имитируя родственные отношения. Анна Марковна, как выясняется, встречаясь с Асей, «много времени даром потратила». Все это указывает на принудительность встречи и желание героинь поскорее расстаться, при этом Анна Марковна остается с чувством выполненного долга, а Ася Шафран, «испытывая облегчение..., скатывалась чуть ли не в припрыжку со второго этажа» (Там же. 18), ощущая легкость, которую чувствуют люди, вырвавшиеся на свободу.

Пространственное разграничение двух миров, трудности коммуникации – все это свидетельства противоположности героинь. При подчеркиваемом в

рассказе материальном благополучии Анны Марковны резче выявляется бедность духовного мира героини. Она одаривает Асю унижительным подношением: старой порванной, но «крепкой», по выражению Анны Марковны, ночной рубашкой, перчатками мужа, «заплатанными женскими трико». Финал рассказа усиливает это впечатление. Ася перемещается в новый топос, квартиру своей подружки, «полупарализованной старухи» Маруськи Фомичевой, по отношению к которой сама Ася занимает положение богатой благодетельницы: «На шаткий стол, припертый к сырой стене, она выгружала богатые подарки» (Там же.). Но в отличие от Анны Марковны Ася отдает все, что имеет: не только деньги, но и особо приглянувшиеся ей верблюжьи перчатки. И здесь мы вернемся к заглавию рассказа, которое в свете развязки получает новый смысл. Ася, эта «полоумная родственница», оказывается духовно богаче своей обеспеченной сестры, щедрее и милосерднее ее. «Бедной», согласно авторской концепции, следует считать Анну Марковну, лишенную душевной щедрости и доброты Аси.

Так что такое счастье: материальное благополучие или духовное богатство? В художественном мире Л. Улицкой ответ на этот вопрос однозначен. Если в мире Анны Марковны по шкале значимостей и жизненных ценностей на первом месте – материальное благополучие, то Ася Шафран принимает иную систему координат. Как отметила Л. Улицкая в одном из своих интервью, «...есть разные системы координат, в которых по шкале значимости откладываются совершенно разные ценности – от денег и красоты до прыгучести и гибкости спины. Когда я говорю о «маленьких», «незначительных», то почти всегда это означает социальный неуспех, неумение пробиться на «место под солнцем», часто это и слабость, иногда даже физическая. Это люди, на которых мало кто обращает внимание. Иногда среди этих «неудачливых» оказываются люди с незыблемыми моральными принципами...» (Улицкая 2001). Следуя традиции русской классической

литературы, писательница показывает, что маленький человек, бедный родственник обладает богатым внутренним миром, оказываясь нравственно чище и благороднее благополучных людей.

В рассказе «Бронька» постулируется близкая идея. Анализируя этот рассказ, отметим традиционный для Л. Улицкой прием ретроспективного изображения. История Броньки, родившей первого ребенка в седьмом классе, в 14 лет и затем еще троих сыновей в течение трех лет, описывается в категориях настоящего времени и разворачивается изначально в хронологической последовательности, так, «как рассказывала впоследствии Анна Марковна» (Улицкая 2003. 19). Первоначально повествование воспринимается как история о семейной драме и непутевой дочери. Традиционно для Л. Улицкой крупный план изображения ключевых событий сочетается в рассказе с пропусками незначительных с точки зрения автора элементов сюжета. Так при детальном описании трех лет Бронькиной жизни дальнейшие почти сорок лет ее жизни пропадают из поля зрения автора и читателя. Временная лакуна легко заполняется, когда Бронька встречается с Ириной, внучкой Анны Марковны и знакомой своего детства. Читатель узнает, что на Броньку снизошло богатство: *«приличная квартира в генеральском доме», «множество дорогой музыкальной техники», «синие кобальтовые чашки с густым золотом внутри»,* сама Бронька выглядит *«невероятно молодо и одета в зеленый лайковый костюм, которые отнюдь не на каждом углу продаются»* (Там же. 29-30). В прошлом обитательница *«каморки при кухне», «клетушки»,* Бронька уравнивается в своем пространственном положении с Ириной, которая в детстве жила в квартире обеспеченной Анны Марковны, имеет такие же чашки, обладание которыми когда-то казалось ей недостижимой мечтой и было чем-то вроде болезни.

В момент встречи следует ретроспективный возврат в прошлое, к уже известным читателю обстоятельствам. И прошлое, обогащенное взглядом из

настоящего, получает принципиально иную оценку: «Ирина внимательно слушала Броньку – ошеломленно и с тонкой неприязнью: не должно быть у этой маленькой бывшей потаскушки, посмешища всего двора, таких сложных чувств, глубоких переживаний. Это нарушало представления о жизни, которые были у Ирины Михайловны тверды и плотны» (Там же. 34). Картина ее мира, ее представления о мире бедных родственников по линии отца рушатся. Бронька открывает Ирине иной мир, о существовании которого она не подозревала. На языке пространственных категорий этот мир воплощает комната старого фотографа, мир старой интеллигенции. «У него в комнате как на острове», – объясняет Бронька Ирине ощущения своей юности. Это пространство замкнуто и непроницаемо для Анны Марковны, Ирины, «всех остальных»: «Вокруг него ... была другая жизнь, и она не касалась той, которой жили все остальные ... Он ото всего был как-то огражден, относился с уважением ко всем, даже к кошкам. Хамство ужасное и грубость ... а его это не касалось» (Там же. 35). Если во внешнем мире торжествуют «хамство ужасное и грубость», то в мире старого фотографа и Броньки властвует любовь и поэзия.

Мы узнаем, что бедность обстановки в кухонной каморке не предполагают бедности духовного мира. Духовное богатство, как убеждается Ирина, не является прямым следствием материального достатка и устроенного быта. Вновь и вновь, размышляя о счастье, Л. Улицкая утверждает ту систему ценностей, носителям которой в ее рассказах являются маленькие люди, в рассказе «Бронька» это – «отдаленные родственники по линии отца». Понятие о счастье в художественном мире Л. Улицкой не равно его обывательскому пониманию. Истинной ценностью становится духовное богатство и щедрость души.

Заключение

Проблематика рассказов Л. Улицкой реализуется перечнем нескольких вопросов, которые решаются в ее произведениях: Что есть смысл человеческой жизни? Что такое счастье? В чем стоит истинное богатство?

Доминантой ее малой прозы становится противопоставление бедных, но красивых душой и умеющих любить их благополучным, умеющим жить героям – антиподам (Анна Марковна – Ася Шафран; Бронька – Ирина).

На пространственном уровне это противопоставление утверждается формируемым в рассказах двуемирием (квартира Анны Марковны – комната Аси; комната Ирины и «остров» любви, на котором обитает Бронька и старый фотограф).

Традиционным для Л. Улицкой является прием ретроспективного изображения, позволяющий расширить границы художественного времени – пространства (из настоящего в прошлое). Временной поток в ее повествовании прерывист и неоднороден, характеризуется детализованным показом ключевых, узловых событий сюжета и временными лакунами незначительных, с точки зрения автора, событий.

Вновь и вновь, размышляя о счастье, Л. Улицкая утверждает ту систему ценностей, носителям которой в ее рассказах являются маленькие люди, «бедные родственники», материально бедные, но богатые духовно, обладающие милосердием, щедростью, добротой и способностью любить.

Литература

- 1- Бахтин М.М. (1975) *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. М.: Изд-во «Худ. лит-ра».
- 2- Лотман Ю.М. (1988) *В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь*. М.: Изд-во «Просвещение».
- 3- Лотман Ю.М. (1975) *Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX в. Ученые записки Тартусского гос. ун-та*. Тарту. Вып. 365.

- 4- Улицкая Л. (2003) *Бедные, злые, любимые: Повести. Рассказы*. М.: Изд-во «Эксмо».
- 5- Улицкая Л. *Мне чужда борьба с жизнью...* / Беседовала О. Глебова <http://www.bigbook.ru/win/ulitskaya-interview.php>, (15.08.2017).
- 6- Щеглова Е. (2003) *О спокойном достоинстве и не только о нем*. Нева. №7. С. 185-186.

Bibliography

- 1- Bahtin M.M. (1975) *Voprosy literatury i jestetiki: Issledovaniya raznykh let*. М.: Изд-во «Hud. lit-ra».
- 2- Lotman Ju.M. (1988) *V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'*. М.: Изд-во «Prosveshhenie».
- 3- Lotman Ju.M. (1975) *Tema kart i kartochnoj igry v russkoj literature nachala XIX v. Uchenye zapiski Tartusskogo gos. un-ta*. Tartu. Vyp. 365.
- 4- Ulickaja L. (2003) *Bednye, zlye, ljubimye: Povesti. Rassказы*. М.: Изд-во «Jeksmo».
- 5- Ulickaja L. *Mne chuzhda bor'ba s zhizn'ju...* / Besedovala O. Glebova <http://www.bigbook.ru/win/ulitskaya-interview.php>, (15.08.2017).
- 6- Shheglova E. (2003) *O spokojnom dostoinstve i ne tol'ko o nem*. Neva. №7. S. 185-186.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Motamednia Masoumeh (2018). Kronelope in Ulitskaya's Short Stories, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*,11(1): pp: 197-214.

DOI: 10.29252/iarll.11.197

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-109-en.html>

Application of Proper Nouns as Terms of Address in Russian Compared to their Persian Equivalent

Hasanzadeh Rezvan¹

Assistant Professor at the Department of Russian and Slavic Languages and Literatures, Faculty of Literature and Humanities, Shahid Beheshti University
Tehran, Iran.

(date of receiving: November, 2017; date of acceptance: February, 2018)

Abstract

This study delved into the application of proper nouns as terms of address in Russian and Persian. In other words, it examined the rules governing the application of terms of address expressed as the names of individuals in different speech situations in both languages. The comparative study of the cultural features of languages spoken by Russians and Iranians called for the investigation of this subject. This is the first study to examine the application of proper nouns as terms of address in Russian and Persian focusing on their cultural-linguistic features. The findings suggest that the choice of terms of address depends on factors such as the degree of familiarity with the person being addressed, formality and informality of the speech situation, age, social status, gender, and even cultural, personality, and religious characteristics of those involved in the speech communication. The results of this study can benefit not only Iranian students who learn Russian, but also Russian speakers who learn Persian as a foreign language. This study employed descriptive and comparative linguistics research methods.

Keywords: Russian as a Foreign Language, Terms of Address, Speech and Speech Culture, Manners of Speech, Proper Nouns, Persian.

1. E-mail: re_hassanzadeh@sbu.ac.ir

Анализ функционирования собственных имен в качестве слов-обращений в русском языке в сопоставлении с их эквивалентами в персидском языке

Хасан-заде Резван¹

Преподаватель кафедры русского языка и литературы и славянских языков,
Университет им. Шахида Бехешти,
Тегеран, Иран.

(дата получения: ноябрь 2017 г.; дата принятия: февраль 2018 г.)

Аннотация

Тема данной статьи посвящена изучению функционирования собственных имен в виде обращений в русском и персидском языках. В ней изучены правила употребления собственно-именных обращений (личные имена), распространенных в обоих языках в различных коммуникативных сферах общения. Выбор темы вызван, прежде всего, актуальностью изучения особенностей речевых культур и традиций народов Ирана и России. Новизна исследования заключается в том, что впервые сопоставляются собственно-именные слова-обращения в русском и персидском языках сквозь призму лингвокультурологических особенностей этих двух языков. Объектом исследования данной статьи послужили русские и персидские формы обращений, выраженных собственными именами, в различных коммуникативных сферах изучаемых языков. Результаты исследования показывают, что выбор обращений зависит от коммуникативной ситуации: это степень знакомства с адресатом, официальность или неофициальность речевой ситуации, возраст и социальный фактор адресата, и его половая принадлежность, здесь также учитываются лингвокультурологические, мировоззренческие особенности, как адресатов, так и адресантов общения, и даже их личностные черты характера и манеры их поведения. Результаты данного исследования могут быть полезными не только студентам, изучающим РКИ в иранской аудитории, но и русскоговорящим учащимся персидскому языку как иностранному. В ходе выполнения работы используются описательный и сравнительно-сопоставительный метод.

Ключевые слова: Русский Язык Как Иностраный (РКИ), Слова-Обращения, Речевая Культура, Речевой Этикет, Собственные Имена, Персидский Язык.

1. E-mail: re_hassanzadeh@sbu.ac.ir

Введение

Одной из особенностей, которые вызывают многочисленные трудности для иранской аудитории, являются слова-обращения, т.е. слова или сочетания слов, называющие адресата речи, с помощью которых одно лицо обращается к другому. (Стариченок 2008.302)

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, ссылаясь на языковой материал двух языков, охарактеризовать особенности обращений русского и персидского этикета, которые отражают материальную и морально-духовную культуру народов этих двух стран. Результаты данного исследования могут быть полезными не только для студентов, изучающих РКИ в иранской аудитории, но и для русскоговорящих учащихся персидскому языку как иностранному, так как коммуникативные потребности учащихся, желание научиться хорошо владеть русским или персидским языком зримо ощущается со стороны учащихся обоим языкам как в иранской, так и российской аудиториях. В данной работе используются описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Основная часть

Как известно, во всех языках мира существуют слова, с помощью которых в различных коммуникативных ситуациях люди обращаются к другим лицам с целью привлечь их внимание к себе. В лингвистике русского языка подобные слова носят названия «обращения» или «вокативные слова» (или просто «вокативы»). В Большом лингвистическом словаре В.Д. Стариченок описывает обращения, как «слова или сочетания слов, называющие адресата речи и характерные для русской речевой культуры.» (Стариченок 2008.302) Это такие слова как: *господин, молодой человек, пап, папаша, мам, мамуля, мамка, Сережа, Сашка, Сашенька, дядька, гражданин, ты-обращение, вы-обращение, пацан, гражданочка, начальник* и т.д., которые в русской речевой

культуре активно употребляются, но каждое из них помимо лингвистических особенностей, в зависимости от коммуникативной ситуации и намерения говорящего и ряда других экстралингвистических факторов обладает узким ситуативным употреблением. Уместное употребление подобных слов и выражений обращения весьма важно для учащихся РКИ, так как неуместное употребление обращений может посчитаться невоспитанностью и проявлением неуважения к адресату.

Согласно лингвистическим учениям об обращениях русского языка, обращения представляют собой «формально не включенное в состав предложения слово или словосочетание, называющее того, к кому обращается говорящий, т.е. употребляющееся с целью привлечь внимание того лица, к которому обращается говорящий» (Ахманова О. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/ Ахманова. – Дата доступа: 21.10.2017). С синтаксической точки зрения применительно к словам обращения С.Г. Ильенко в Коммуникативно-структурном синтаксисе современного русского языка излагает свою следующую точку зрения: «Под обращением понимается изолированное выражение, которое используется как самостоятельное высказывание с фиксированным коммуникативным заданием: одернуть адресата, напомнить ему о недопустимости нарушения неких парвил» (Ильенко 2009.141).

Все вышеприведенные дефиниции касательно лингвистического описания обращения можно обобщить в следующем: «Обращение – это обособленный интонационно и грамматически самостоятельный компонент предложения или сложного синтаксического целого, служащий для обозначения лица или предмета, являющегося адресатом речи» (Фаткуллина 2012. 47).

Однако В.И.Карасик, в отличие от вышеупомянутого учения, не характеризует обращения в качестве чисто лингвистического феномена. Под понятием обращения он подразумевает «речевые акты и языковые единицы,

посредством которых выражаются соответствующие языковые единицы. Слова, используемые в качестве обращения, выражают не только отношение говорящего к адресату, но и несут информацию о самом говорящем, о его воспитании, умении вести себя в социальном положении. Обращения существуют во всех языках, специфично отражают национально-культурные особенности языков, неоднородны по своему составу и имеют сложное содержательное строение». (Карасик 2002.67)

Таким образом, можно утверждать, что обращения помимо лингвистических особенностей дополнительно обладают коммуникативной значимостью и выполняют ряд речевых функций в процессе непосредственного речевого контакта. Следовательно, правила употребления подобных слов в речи разных народов мира регламентируются в тесной связи с лингвокультурологическими и коммуникативно-ситуативными факторами, которые в свою очередь образуют речевой этикет, действующий в той или иной речевой культуре.

Исследования в области речевого этикета свидетельствуют о том, что употребление слов-обращений сильно зависит от особенностей коммуникантов, вступающих в коммуникацию, т.е. социального статуса адресанта и адресата, их места в социальной иерархии, их профессии, национальности, вероисповедания, возраста, пола и характера; от речевой ситуации, в которой происходит речевое общение: темы, места, времени и цели общения; а также от национальных особенностей, т.е. каждый народ создает свою систему правил поведения, в том числе и речевого.

Как правило, обращения, в том числе и собственно-именные, выполняют две функции, обычно реализующиеся совместно: призывную (апеллятивную): это, когда определенное лицо (адресант) использует обращение лишь для того, чтобы привлечь внимание адресата, например *Борис, скажи, пожалуйста, правду!*; и оценочно-характеризующую (экспрессивную функцию): в которой

помимо апеллятивной цели адресант преследует выражение своей субъективной оценки к адресату, например: *Боренька* (у адресанта положительные эмоции к Борису), *как я рада тебя видеть!* (Гольдин 2009. 81) В русском языке к первой функции обращений можно отнести такие стилистически нейтральные полные формы собственных имен, как *Сергей, Николай, Александра, Владимир* и т.д., которые в нейтральной коммуникативной обстановке употребляются в русской речевой культуре для обращения к лицам. Однако, подобные нейтральные обращения могут осложняться и дополнительной экспрессивно-оценочной окраской, и нести в себе дополнительную субъективную сему. Например, в русском языке существуют более ласкательные и эмоциональные обращения, обозначающие вышеуказанных лиц, которые в зависимости от намерения адресанта могут обращению придавать как положительную оценку, так и достаточно ярко отрицательную. Сравните, применительно к нейтральному обращению *Сергей* в русском языке существуют обращения с положительной ласкательной оценкой: *Серёжа, Серёж, Серёга, Серёжка, Серёжечка, Серж, Сержик*, и т.д. Неуместное употребление каждого из вышеперечисленных суффиксальных и сокращенных форм от полного имени *Сергей*, может внести в речевую ситуацию более отрицательную и невежливую окраску, и поспособствовать тому, чтобы адресат почувствовал неловкость и некое смущение в общении с адресантом; например, суффиксальная форма собственного имени *Серёжка* может в контексте получать одобрительную окраску (*Серёжка, ты просто молодец!*) и неодобрительную (*Серёжка, ты чего не гасишь свой долг! А?*).

Ильенко к этим двум функциям добавляет еще и ситуативно-определяющую. В качестве примера можно привести следующие обращения, которые в зависимости от конкретной речевой ситуации употреблены по отношению к одному и тому же лицу: *Сергей, Сереженька, Серёга, Серёга* и др. (Ильенко 2009: 217).

В зависимости от отношений между говорящим и его собеседником языковое оформление обращения может различаться. Выделяют обращения по семейному статусу (*Сережка, Боря, Петя*), по гражданскому, социальному, политическому, профессиональному статусу или званию (*Борис Иванович, Уважаемый Иван Петрович, Сергеев Иван Петрович*), по половой принадлежности (*тетя Маня, дядя Коля*,), по возрастной категории (*Петька, Сан Саныч, Михалыч, дядя Ваня*). (Формановская 2007. 298)

По степени официальности речевой ситуации обращения делятся на официальные, неофициальные и безличные. Они используются в зависимости от ситуации. Так, фамильярное обращение *Таян, Толик* (от имени *Анатолий*), даже между людьми одного возраста отнюдь не уместно в официальной речевой ситуации, а обращение *Николай Петрович* в дружеском коллективе, скорее всего, будет интерпретировано, как шутка. Безличное обращение обычно используют в общественном транспорте, в магазинах, на улице. К незнакомому человеку в общественном транспорте, в магазинах, обычно обращаются со словами «*позвольте*», «*прошу прощения*». В такой обстановке обращаться к человеку по половому признаку («*мужчина*», «*женщина*», «*девушка*») не следует. Такой вид обращения еще именуется как нулевое обращение. (Формановская 2009. 115) К знакомым людям обычно обращаются по имени, имени-отчеству, фамилии. (Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.etiquetterules.ru/> Дата доступа: 21.10.2017.) Как видно, наряду с ранее перечисленными коммуникативно-ситуативными факторами, на выбор соответствующего обращения влияет и то, насколько адресат знаком с адресантом речи. На этой основе обращения делятся на две группы: обращение к знакомому лицу, и обращения к незнакомому лицу.

Среди иранских лингвистов, специализирующихся по данной тематике, выдающимися являются: Модарреси, Джахангири Н., Кешаварз. Джахангири в своей книге «Язык - отражение времени, культуры, и мышления» (2008)

пишет: «Появление новых слов и выражений в персидском языке, в том числе и обращений в рамках речевого этикета, тесно связано с социальным положением иранского общества, принадлежностью к социальным сословиям, родственными отношениями, религиозными, половыми и возрастными признаками коммуникантов». (Джахангири 2008. 125)

Кешаварз также описывает и классифицирует новые слова-обращения, которые появились и стали употребляться в персидском языке после совершения Исламской революции в Иране. Им анализируются обращения в персидском языке исходя из социальных и идеологических убеждений иранского народа. (Keshavarz 1988. 566)

Далее с учетом вышеперечисленной коммуникативной специфики обращений будут рассматриваться собственно-именные обращения, употребляемые в русской речи, и с помощью сопоставительного метода будут анализироваться их персидские эквиваленты, с тем, чтобы выявить сходные и отличительные черты таких форм обращений в русском и персидском языках.

Как правило, во всех языках мира одной из более ярких функций личных имен (а также фамилий и отчеств) является призывная (апеллятивная), т.е. они могут употребляться для обращения к тому или иному адресату. В русском языке особенность обращений по собственным именам заключается в том, что система собственных имен русского языка состоит из трех компонентов: имя, отчество, фамилия. Исходя из этого, в русской речевой культуре существует множество форм обращений, выраженных с помощью личного имени в качестве обращения. Это разнообразие осложняется многочисленностью сокращённых форм имени (а также отчества). Однако, здесь необходимо учесть тот факт, что в зависимости от коммуникативной ситуации речи, включая деловую, дружескую, семейную и т.п. в русском языке отличаются различные виды обращений по собственным именам и фамилиям.

Что же касается речевого этикета персидского языка, то обращения по

собственным именам в этом языке не столь разветвленные, как в русском. Именная система персидского языка включает в себя как максимум два компонента: имя и фамилия. Отчества в персидском языке не употребляются. Следовательно, обращения по личным именам в персидском языке классифицируются по пяти типам:

- обращения по имени: حسن [hasan]

- Обращения по фамилии: احمدی [ahmadi]

- Полное официальное обращение по имени и фамилии: حسن احمدی [hasan-e ahmadi], которое, как правило, образуется с помощью изафетного показателя (– э) между двумя компонентами изафетной конструкции со значением родства, т.е. первый компонент конструкции обозначает имя лица, которое принадлежит к роду, обозначенному вторым компонентом в изафетной конструкции: в вышеприведенном примере حسن [hasan] принадлежит роду احمدی [ahmadi].

- Обращение по «имени + притяжательное местоимение»: محمدم [mohammadam]. В подобных обращениях по имени слово-обращение помимо апеллятивной функции осложняется еще и экспрессивно-оценочной окраской с ласкательным значением. Оно может употребляться по отношению к любимому человеку, как например к супругу или ребенку и т.п.

- Обращения по имени и фамилии в сочетании со словами, указывающими возрастную, половую, религиозную, социальную, профессиональную и даже научную принадлежность адресата: آقای حسن زاده [āqāye hasanzāde], خانم حسن - زاده [xānome hasanzāde], حاج اکبر [hāj akbar], دکتر فرامرزی [doctor farāmarzi], سید کربلایی ابوالفضل [karbalāyi abolfazl], مشهدی حسن [mašhadi hasan], رضا [seyed rezā], جناب پور حسن [jenābe pur hasan], سرکار خانم حسن پور [sar kār xānome hasan pur], آقا حسن [hasan āqā] и т.д.

Далее будут анализироваться формулы обращений в русском языке в сопоставлении с персидским языком. В русском языке в зависимости от

степени знакомства, положения и условий общения употребляются следующие формулы обращений (Гвоздева 2008. 99):

1. Обращения-антропонимы типа господин (госпожа), товарищ, гражданин + фамилия: это вежливо-официальная форма обращения в публицистической и деловой речи русского языка, например *господин (товарищ) Смирнов, гражданин Петров*. Эквивалентом выражения подобного рода слов-обращений в персидском языке является форма: آقای [āqāye] или خانم [xānome]: آقای سمیرنوف [āqāye smirnof], آقای پتروف [āqāye petrof]. Слова товарищ, гражданин, гражданка в персидской речевой культуре выражаются, как آقای [āqāye] или خانم [xānome], а также آقایان [āqāyan] и خانمها [xānomhā] в зависимости от пола адресата и его числа. В персидском же языке в официальном обращении представителей власти и государства иногда употребляется и слово شهروند [šahrvand], которое является эквивалентом слова *гражданин* в русском языке: شهروند گرامی رضا بیات [šahrvand-e gerāmi rezā bayāt].

Иногда в русском языке для выражения более уважительного и официального обращения употребляется форма «Уважаемый (глубокоуважаемый) + имя + отчество», которая, как правило, встречается в письменных деловых текстах и переписках. Такая форма обращения адресуется по отношению к высокопоставленным чиновникам, деятелей культуры, науки, политики и т.п. В персидском языке для выражения этого вида обращения в зависимости от пола адресата используются: جناب آقای [jenāb-e āqāye] (применительно к мужчинам) и سرکار خانم [sar kār-e xānome] (применительно к женщинам). Учащиеся РКИ в иранской аудитории должны учитывать, что подобные обращения употребляются исключительно в официально-деловых отношениях, и их употребление придает речевой ситуации официальность.

2. Имя + фамилия: это распространенная в русском языке форма

вежливого обращения к взрослому человеку в официальной речевой обстановке: *Иван Петров*. В персидском языке данная форма обращения также используется в чисто официальной ситуации, и употребляется в публицистических текстах и репортажах корреспондентов, дикторов политических обозревателей и т.п., например в персидском языке иногда в спортивных рубриках можно вычитать такие выражения, как *علي دايي* [ali-e dāyi], *کريم باقري* [karim-e bāqeri], *حسن فتحی* [hasan-e fathi], которые являются спортивными и кинематографическими деятелями в Иране, в публицистических текстах корреспонденты или журналисты или обозреватели называют деятелей различных сфер деятельности по имени и фамилии. В персидском языке форма «имя+фамилия» используется и в ситуации, когда делается переключки на занятии или в других мероприятиях. Для вежливого обращения к взрослому человеку в персидском языке употребляется форма «фамилия» в сочетании с обращениями-антропонимами: *آقاي* [āqāye] или *خانم* [xānome]. Конечно же, подчеркивая религиозные и профессиональные признаки адресата, в персидском языке перед фамилией могут употребляться религиозные и профессиональные титулы, такие как *آقا حاج* [haj āqā], *حاج خانم* [haj xānom], *کربلايي* [karbalāyi], *مشهدی* [mašhadi], *مهندس* [mohandes], *دکتر* [doktor]. Иранским учащимся русскому языку необходимо учесть, что для перевода подобных обращений на русский язык лучше всего употреблять такие слова как *господин* или *госпожа*, либо обозначать их в русском тексте путем транслитерации подобных титулов: *Кярбалаи*, *Хаджи*, *Мохандес*, *Маишхад* и т.д.

3. Имя + отчество: это самая распространенная в русском языке форма вежливого уважительного обращения к взрослому человеку. Данная форма также употребляется для представления при знакомстве и обращения к адресату, она является уважительной и сближающей. По отношению к детям – шутливо-ироничное, игровое: *Николай Петрович*. Неупотребление отчества

при обращении к старшему по возрасту, уважаемому человеку является нарушением норм русского речевого этикета. Учащиеся РКИ в иранской аудитории часто задаются вопросом, не умаляет ли вежливости и официальности общения в русском языке употребление личного имени адресата в обращении. Данный вопрос у иранских учащихся проистекает из иранского речевого этикета. Так как в Иране в официальной обстановке не употребляется личное имя адресата, а называется лишь его фамилия вместе со словами آقای [āqāye] и خانم [xānome], а в более официальной обстановке جناب آقای [jenāb-e āqāye] и سرکار خانم [sar kār-e xānome], а при подчеркивании его научного и социального и профессионального статуса могут употребляться и آقای مهندس [āqāye mohandes], آقای دکتر [āqāye doktor], خانم مهندس [xānome mohandes], آقای پروفیسور [āqāye profesor] и т.п.

4. Имя + отчество + фамилия: данная форма обращения в русском языке обычно несет обращение биографического характера, и употребляется для представления адресата с целью знакомства, презентации какой-либо выдающейся личности в официальной речевой ситуации, например *Николай Петрович Смирнов* в русской речи употребляется для ознакомления аудитории с полным ФИО того или иного адресата. В персидском же языке из-за отсутствия имени отчества, эквивалентным обращением является форма «имя + фамилия» вместе со словами آقای [āqāye] и خانم [xānome], а в более официальной обстановке جناب آقای [jenāb-e āqāye] и سرکار خانم [sar kār-e xānome], а при подчеркивании его научного и социального и профессионального статуса могут употребляться и آقای مهندس [āqāye mohandes], آقای دکتر [āqāye doktor], خانم مهندس [xānome mohandes], آقای پروفیسور [āqāye profesor] и т.п.

5. Отчество: данный вид обращения является уважительным среди пожилых людей. Возможно в знак уважения обращение к молодым специалистам. Среди подростков в городе – к молодым наставникам, тренерам

и т.п., например *Петрович*; в более неофициальной обстановке в русском языке бытуют более сокращенные формы отчеств, например, отчество-обращение Михалыч, образованное от Михайлович, и употребляемое для уважительного обращения в более неофициальной обстановке. В персидском же языке из-за отсутствия имени отчества, нет эквивалентных выражений подобных обращений русского языка. В персидском языке в подобной речевой ситуации для проявления большего уважения к пожилым людям могут употребляться слова, обозначающие их религиозные или социальные признаки адресата: آقا سید [āqā seyed], سید [seyed], حاجی [hāji], حاج [hāj], کربلایی [karbalāyi], مشهدی [mašdi] или عمو [amu] и т.д.

6. Фамилия: данная форма обращения в русском языке считается нейтральной в учебной среде. В производственных и бытовых отношениях как обращение стилистически снижено, фамильярно, а как название 3 лица и самоназвание 1 лица при знакомстве представляет собой нейтральное и официальное обращение: *Смирнов*. Можно утверждать, что данное обращение русского языка полностью соответствует форме обращения в персидской речи, так как в персидском языке в нейтральной и более официальной обстановках речи предпочтение отдается употреблению фамилии в качестве обращения: حسن زاده [hasanzāde], احمدی [ahmadi]. Иногда для проявления более уважительного отношения к адресату могут использоваться и слова آقای [āqāye] и خانم [xānome], а в более официальной обстановке جناب آقای [jenāb-e āqāye] и سرکار خانم [sar kār-e xānome], а при подчеркивании его научного и социального и профессионального статуса могут употребляться и مهندس [āqāye mohandes], آقای دکتر [āqāye doktor], خانم مهندس [xānome mohandes], آقای پروفیسور [āqāye profesor] и т.п.

7. Личное имя: полная форма имени употребляется в русской речи в неофициальной ситуации. Как правило, это обращение к хорошо знакомому, близкому человеку. Оно также может получать оттенок строгости: *Николай!*

Давай собирайся скорее же! Обычно в неофициальной семейной и дружеской обстановке относительно детей полное имя не употребляется, вместо него предпочтительнее употреблять суффиксальные формы личных имен, о которых речь пойдет в следующем пункте: *Коля! Коль! А ну-ка иди сюда!* В персидском языке в указанных речевых ситуациях употребляются личные имена адресатов: احمد [ahmad], حسن [hasan]. По этому виду обращений русский язык сходен с персидским языком.

8. Сокращенные формы личных имен: это сокращенная форма, обозначающая «свой», близкий, равный или младший по возрасту, положению; данная форма обращения используется в неофициальном общении. В русском языке она довольно часто употребляется и образуется от всех русских личных имен: *Николай-Коля, Александр-Саша, Сергей-Серёжа, Иван-Ваня, Пётр-Петя* и т.д. При знакомстве русский человек при желании сблизиться с адресатом, может ему предложить называть его по сокращенной форме своего личного имени: *Можно просто Саша!* В персидской речи система сокращенных имен не такая развитая и разветвленная как в русском языке. В ней встречаются такие сокращенные имена, как مَمَد [mamad] от محمد [mohammad], مَمَلِي [mamali] от محمدعلي [mohammad ali], فَاطِي [fāti] от فاطمه [fāteme], زَرِي [zari] от زهرا [zahrā] и пр., которые в персидском языке могут в себе нести отрицательную и порицающую окраску. Однако данный способ образования сокращенных имен достаточно непродуктивный, поэтому русскоговорящие учащиеся персидскому языку как иностранному должны учитывать, что персидские личные имена не сокращаются по аналогии русского языка. В персидском языке для ласкательного и дружеского обращения к адресату к концу имени обычно присоединяется ласкательный показатель ی [i], который к общению придает более неофициальность при дружеских отношениях: حسن [hasan] – حسنی [hasani]. Также в персидском языке для выражения теплых, дружеских и близких отношений к адресату после личного

имени употребляют слово جان [jān]: حسن جان [hasan jān].

9. Суффиксальные формы личных имен: этот вид обращения употребляется в русском языке по отношению к «своему», близкому человеку, с одобрительной окраской. *Коленька, Колюша, Колька*. В персидской речи эквивалентом выражения суффиксальных форм личных имен могут служить эксперссивно-оценочные слова, как прилагательные کوچولو [kučulu] или عزیز [aziz], а также دوستداشتنی [dust dāštani], или же притяжательный показатель первого лица -m: *Коленька*: نیکالای عزیز [nikolāye aziz], *Андрюша* آندری دوستداشتنی ام [āndreye dust dāštani-am], *Колечка* نیکالای کوچولو و عزیزم [nikolāye kučulu va azizam]. Данный вид обращения в семейной и неофициальной обстановке в обязательном порядке употребляется для обращения к маленьким детям, что в персидском языке обычно выражается с помощью прилагательных с одобрительным значением, либо ласкательно-уменьшительных средств персидского языка: علی کوچولو [ali kučulu], حسنی [hasani]. Иногда взрослые в обращении к маленьким детям могут употреблять более официальную форму, которая помимо чувства одобрения адресанта к адресату, еще и выражает некую строгость взрослого к ребенку: علی آقا! [ali āqā].

10. Ново-звательные формы собственных имен с помощью родительного падежа: в разговорной речи имена собственные, их сокращенные формы и существительные, обозначающие разные степени родства (*мама, папа, дедушка, бабушка, дядя, тетя*), в функции обращения нередко принимают особую – усеченную – форму, без окончания, которую некоторые языковеды считают особым звательным падежом, совпадающим с формой родительного падежа множественного числа. Данные звательные формы, ограниченные разговорно-обиходной сферой, очень часто употребляются в неофициальной дружеской и семейной коммуникативной ситуации. Они образуются от собственных имен, которые оканчиваются на

окончание –а или –я: *Таня-Тань, Варвара-Варвар, Гена-Ген, Вася-Вась, Коля-Коль* и т.п.: *Коль, поди-ка сюда, дело есть!* В речевой культуре персидского языка из-за отсутствия падежных форм в этом языке, нет эквивалентных флрмул в обращении к адресатам. Существует лишь способ сокращения некоторых собственных имен, который совпадает по употреблению с данной формой обращения в русском языке: محمد-ممد [mohammad-mamad], محمدعلي [mohammad ali-mamali].

11. Дядя (тётя) + имя: это неофициальное, сближающее обращение. Во-первых, со стороны племянников, во-вторых, со стороны детей к друзьям родителей; в третьих, к пожилым людям «простых» профессий: нянечкам в школе или больнице, сторожам и т.п., например *дядя Коля*, тетя Маня. В персидском языке в качестве эквивалентов двух первых вышеперечисленных употреблений в зависимости от половой принадлежности адресата перед личным именем используются либо *عمو* [amu] (применительно к мужчинам), либо *خاله* [xāle] (применительно к женщинам). Относительно третьего употребления данной формы обращения в русском языке необходимо отметить, что здесь эти два языка отличаются в употребляемых словах-обращениях. В персидском языке эквивалентным выражением в данной ситуации являются такие слова, как *آقاي* [āqāye], *خانم* [xānome], *آقا* [āqā], *خانم* [xānom], *حاج آقا* [haj āqā], *حاج خانم* [haj xānom].

Заключение

Анализ и рассмотрение слов-обращений с помощью собственных имен в русском и персидском языках показал, что можно ли назвать человека по его собственным именам (личному имени, фамилии, отчеству) или нет, зависит от совокупности факторов коммуникативной ситуации: это степень знакомства с адресатом, официальность или неофициальность речевой ситуации, возраст и социальный фактор адресата, и его половая принадлежность, здесь также

учитываются лингвокультурологические, мировоззренческие особенности, как адресатов, так и адресантов общения, и даже их личностные черты характера и манеры их поведения. Если адресант обращается по форме обращения, адекватной той или иной коммуникативной ситуации, то он закладывает прочную основу хорошим отношениям. Проведенное исследование данной темы свидетельствует о том, что в русском языке существует порядка 11 форм обращений, которые выражаются с помощью собственных имен адресатов. Результаты исследования показали, что в русском языке обращение по имени отчеству уместно при общении с человеком, которого адресат видит впервые, старшим по возрасту, выше по статусу и должности. Обращение по имени отчеству служит подтверждением важности адресата, признания качеств, достоинств, возможностей, статуса. Такой ход вызывает у него моральное удовлетворение, помогает склонить в сторону адресанта. Обращение по одной из 11 вышеперечисленных форм в русском языке представляет собой простой и действенный способ обратить на себя внимание другого человека, побороть неприязнь и недоверие, вызвать симпатию, построить продуктивный диалог, получить желаемый результат.

Литература

- 1- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов (электронный ресурс). <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (дата обращения: 21.10.2017)
- 2- Гвоздева Е.В., Косицына Е.Ф., Орлова В.Н., Чирич И.В. (2008). *Русский язык и культура речи: Учебное пособие для студентов нефилологических специальностей.* –М.: Изд-во «МГИУ».
- 3- Гольдин В.Е. (2009). *Обращение: теоретические проблемы/ Под ред. Л.И. Баранниковой.* – 2-е изд. – М.: Изд-во Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- 4- Джахангири Надер (1387/2008). *Забан, Базтаб заман, Фарханг ва андишех.* Тегеран: Изд-во «Агах».
- 5- Ильенко С.Г. (2009). *Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка.* СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.

- 6- Карасик В.И. (2002). *Язык социального статуса*. – М.: Изд-во ИТДГК «Гнозис».
- 7- Стариченок В.Д. (2008). *Большой лингвистический словарь*. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс».
- 8- Фаткуллина Ф.Г., Сулейманова А.К. и др. (2012). *Современная лингвистика и межкультурная коммуникация: монография. В 2 книгах*. – Одесса: Купrienko С.В., – Кн. 2.
- 9- Формановская Н.И. (2007). *Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика*. –М.: Изд-во «ИКАР».
- 10- Формановская Н.И. (2009). *Речевой этикет в русском общении. Теория и практика*. –М.: Изд-во «ИКАР».
- 11- Keshavarz, H.M. (1988). *Forms of Address in Post-Revolutionary Iranian Persian: A Sociolinguistic Analysis*. Language in Society.
- 12- <http://etiquetterules.ru/osobennosti-etiketa/157-vidy-obraschenij.html> (дата обращения: 24.10.2017)

Bibliography

- 1- Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov (jelektronnyj resurs). <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/> (data obrashhenija: 21.10.2017)
- 2- Gvozdeva E.V., Kosicyna E.F., Orlova V.N., Chirich I.V. (2008). *Russkij jazyk i kul'tura rechi: Uchebnoe posobie dlja studentov nefilologicheskikh special'nostej*. – М.: Изд-во «МГИУ».
- 3- Gol'din V.E. (2009). *Obrashhenie: teoreticheskie problemy/ Pod red. L.I. Barannikovej*. – 2-e izd. – М.: Изд-во Knizhnyj dom «LIBROKOM».
- 4- Dzhahangiri Nader (1387/2008). *Zaban, Baztab zaman, Farhang va andisheh*. Tegeran: Изд-во «Agah».
- 5- Il'enko S.G. (2009). *Kommunikativno-strukturnyj sintaksis sovremennogo russkogo jazyka*. SPb: Изд-во RGPU im. A.I. Gercena.
- 6- Karasik V.I. (2002). *Jazyk social'nogo statusa*. – М.: Изд-во ИТДГК «Гнозис».
- 7- Starichenok V.D. (2008). *Bol'shoj lingvisticheskij slovar'*. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс».
- 8- Fatkullina F.G., Sulejmanova A.K. i dr. (2012). *Sovremennaja lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija: monografija. V 2 knigah*. – Одесса: Купrienko С.В., – Кн. 2.
- 9- Formanovskaja N.I. (2007). *Rechevoe vzaimodejstvie: kommunikacija i pragmatika*. –М.: Изд-во «ИКАР».

- 10- Formanovskaja N.I. (2009). Rechevoj jetiket v russkom obshhenii. Teorija i praktika. –M.: Izd-vo «IKAR».
- 11- Keshavarz, H.M. (1988). Forms of Address in Post-Revolutionary Iranian Persian: A Sociolinguistic Analysis. Language in Society.
- 12- <http://etiquetterules.ru/osobennosti-etiketa/157-vidy-obraschenij.html> (data obrashhenija: 24.10.2017).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Hasanzadeh Rezvan (2018). Application of Proper Nouns as Terms of Address in Russian Compared to their Persian Equivalents, *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 11(1): pp: 215-233

DOI: 10.29252/iarll.11.215

URL: <http://journaliarll.ir/article-1-112-en.html>

بررسی کاربرد اسامی خاص به عنوان کلمات خطاب در زبان روسی در مقایسه با معادل‌های آنها در زبان فارسی

رضوان حسن‌زاده^۱

استادیار گروه زبان و ادبیات روسی و اسلاوی دانشگاه شهید بهشتی،

تهران، ایران.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: فوریه ۲۰۱۸)

مقاله به بررسی کاربرد اسامی خاص اشخاص در نقش کلمات خطاب در زبان روسی و فارسی می‌پردازد. و در حقیقت این مقاله بر مطالعه قواعد حاکم بر کاربرد کلمات خطاب بیان شده با اسامی خاص افراد در موقعیت‌های گوناگون گفتاری موجود در هر دو زبان متمرکز است. مطالعه و بررسی تطبیقی ویژگی‌های فرهنگی زبان‌های مردم روسیه و ایران ضرورت انتخاب موضوع این مقاله را بوجود آورده است. نوآوری پژوهش حاضر در آن است که در این پژوهش برای اولین بار کاربرد اسامی خاص اشخاص به عنوان کلمات خطاب در زبان روسی و فارسی از دریچه ویژگی‌های فرهنگی-زبانی این دو زبان مورد بررسی قرار گرفته است. نتایج پژوهش حاکی از آن است که انتخاب کلمات خطاب به عواملی چون: میزان آشنایی با شخص مورد خطاب، رسمی یا غیررسمی بودن موقعیت گفتاری، سن، سطح اجتماعی، جنسیت و حتی ویژگی‌های فرهنگی، شخصیتی و اعتقادی دو طرف ارتباط گفتاری بستگی دارد. نتایج حاصل از این پژوهش می‌تواند نه تنها برای زبان‌آموزان و دانشجویان زبان روسی در کشورمان بلکه برای زبان‌آموزان و دانشجویان روس‌زبان که به امر فراگیری زبان فارسی به عنوان زبان خارجی مشغول هستند، مفید واقع گردند. در انجام این پژوهش از روش‌های تحقیق توصیفی و تطبیقی-مقایسه‌ای زبان‌شناسی استفاده شده است.

واژگان کلیدی: زبان روسی به عنوان زبان خارجی، کلمات خطاب، فرهنگ گفتار و سخن، آداب سخن، اسامی خاص اشخاص، زبان فارسی.

کرونولوپ در داستان‌های کوتاه اولیتسکایا

معصومه معتمدنیا^۱

استادیار گروه زبان و ادبیات روسی دانشگاه مازندران،

بابلسر، ایران.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: فوریه ۲۰۱۸)

مقاله حاضر به بررسی ویژگی ساختاری نثرهای کوتاه اولیتسکایا بر پایه داستان‌های «برونکا»، «خوشبختی» و «خویشاوندان فقیر» می‌پردازد. در داستان‌های کوتاه اولیتسکایا توجه خاصی به توصیف زمان، به‌ویژه زمان گذشته شده است که نویسنده برای درک بن‌مایه‌ها و خصوصیات اخلاقی قهرمانان آثارش گاهی آن را مهمتر از زمان حال یا آینده می‌داند. قهرمان اولیتسکایا در گذشته سیر می‌کند. نثر او سرشار از لحنی نوستالژیک است و این تا حد زیادی نتیجه توجه نویسنده به ارزش‌های دنیای سپری شده، به دنیای روشنفکری مسکوی قدیم و شوروی نوین، مقایسه و تقابل مابین آنهاست. صمیمیت خانوادگی در نثر وی که در چارچوب زندگی جداگانه افراد (خانواده) دیده می‌شود بیانگر ویژگی بارز کرونولوپ بودن اثر وی است. دریافت یک تصویر گذشته‌نگر که اجازه می‌دهد مرزهای زمان در اثر گسترش یابد، روال معمول داستان‌های اولیتسکایا است. جریان زمان در روایت اولیتسکایا متناوب و ناهمگن است و مبتنی بر رویدادهای کلیدی سوژه و رویدادهای کم‌اهمیت‌تر از نقطه‌نظر نویسنده است. فضای صمیمی دنیای درونی قهرمانان و نگرش نوستالوژیک حاصل از تجربیات آنها، ویژگی منحصر بفردی در نثر کوتاه اولیتسکایا ایجاد می‌کند.

واژگان کلیدی: نثر کوتاه، اولیتسکایا، «خویشاوندان فقیر»، «برونکا»، «خوشبختی»، کرونولوپ، لحن نوستالژیک.

جملات بدون شخص روسی دارای فاعل واقعی در حالت مفعول مستقیم با بیان معنای وضعیت جسمانی شخص و موجود زنده در آینه زبان فارسی

آبتین گلکار^۱

استادیار گروه زبان روسی، دانشگاه تربیت مدرس، تهران، ایران.

محمد رضا محمدی^۲

دانشیار گروه زبان روسی، دانشگاه تربیت مدرس، تهران، ایران.

محبوبه علیاری شوره‌دلی^۳

استادیار گروه زبان روسی، دانشگاه تربیت مدرس، تهران، ایران.

مجید استیری^۴

دانشجوی دکتری زبان روسی، دانشگاه تربیت مدرس، تهران، ایران

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۱۸)

این مقاله به بررسی آن دسته از جملات بدون شخص روسی اختصاص دارد که فاعل واقعی آنها در حالت مفعول مستقیم بوده و وضعیت جسمانی شخص و موجود زنده را بیان می‌کنند. تلاش شده است این جملات روسی با ساختارهای معادلشان در زبان فارسی آن تطبیق داده شوند. جملات بدون شخص بررسی شده به خاطر ساختارهای ویژه خود (استفاده از فاعل واقعی در حالت مفعول مستقیم به جای فاعل واقعی در حالت مفعول با واسطه که بیشتر مورد استفاده قرار می‌گیرد، عدم تناسب ساختار نحوی این جملات با زبان مادری فارسی و غیره) ممکن است مشکلات مختلفی را برای دانشجویان فارسی‌زبان به وجود آورند. در مقاله نشان داده شده است که برای بسیاری از جملات روسی که در این مقاله مورد بررسی قرار می‌گیرند می‌توان معادلی فارسی پیدا کرد که در ساختارشان فاعل واقعی با نهاد برابری نکند. استفاده از این ساختارها در زمان آموزش (به جای جملاتی با ساختارهای قاعده‌مند و فصیح‌تر از دید سبک‌شناسی زبان فارسی) می‌تواند در فراگیری مؤثرتر ساختارهای جملات بدون شخصی روسی برای دانشجویان فارسی‌زبان مثر ثمر باشد.

واژگان کلیدی: جملات بدون شخص، وضعیت جسمانی، حالت مفعول مستقیم، زبان روسی، زبان فارسی.

1. E-mail: golkar@modares.ac.ir

2. E-mail: mrmoham@modares.ac.ir

3. E-mail: m.aliyari@modares.ac.ir

4. E-mail: m.estiri@modares.ac.ir

آموزش نگارش آکادمیک روسی به دانشجویان خارجی

ورا سرگئی یونا فیدوتوا^۱

دانشیار دانشگاه دولتی پوشکین لنینگراد،

سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۱۸)

نگارش آکادمیک بخش بسیار مهمی از صلاحیت‌های علمی و تخصصی دانشجو را تشکیل می‌دهد و امروزه به عنوان جزء لاینفک آموزش در مقاطع آموزش عالی به شمار می‌آید. در شرایط توسعه روابط بین مراکز آموزشی و علمی در سطح جهانی، همکاری‌ها و استانداردهای و نظام‌مند کردن سیستم‌های آموزشی در جهان، میزان موفقیت و توانمندی علمی دانشجویان روسی و همچنین دانشجویان خارجی را با میزان تسلط آنها بر قواعد نگارشی آکادمیک زبان روسی می‌سنجند. هدف از پژوهش حاضر بررسی و مطالعه تمرینات پژوهشی به عنوان ابزار جدید آموزش نگارش آکادمیک زبان روسی به دانشجویان خارجی است. در مقاله تمرینات پژوهشی آموزش نگارش آکادمیک زبان روسی سطح‌بندی شده‌اند. مؤلف این تمرینات را به لحاظ سختی در سه سطح مورد بررسی قرار می‌دهد. در انتخاب محتوای این نوع تمرینات مؤلف از رویکردهای متنی، کاری و شخصیتی دانشجویان در آموزش نگارش آکادمیک به دانشجویان خارجی کمک می‌گیرد. مثال‌های متعددی از تمرینات پژوهشی که برای تقویت مهارت‌های نگارش آکادمیک به زبان روسی طرح شده‌اند در مقاله مورد بررسی قرار می‌گیرند. نتایج حاصل از این پژوهش حاکی از آن است که تکرار و تداوم تمرینات پژوهشی نه تنها به دانشجویان خارجی در یادگیری قواعد نگارش آکادمیک به زبان روسی کمک می‌کند، بلکه بر مهارت‌های گفتاری و نوشتاری آنها در ارتباط برقرارکردن با دیگران به زبان روسی و تسلط یافتن بر آداب و رسوم معاشرت روس‌ها تأثیر مثبت بسیار زیادی می‌گذارد.

واژگان کلیدی: نگارش آکادمیک روسی، دانشجوی خارجی، زبان روسی، تمرینات پژوهشی، متون علمی.

آنالیز مفهومی متن منظوم به عنوان «کشف» «من» نویسنده

سرگئی الکسیویچ وولکف^۱

دانشیار انستیتوی عالی زبان‌های دانشگاه کارفاگن،

تونس، جمهوری تونس،

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: فوریه ۲۰۱۸)

از نظر مؤلف مقاله، «من» نویسنده همان معرفی نویسنده در ساختار معنایی اثر منظوم است که در آنالیز مفهومی متن، یعنی تفسیر افکار و اعتقادات نویسنده که در اثر انعکاس یافتند، و در مجموعه‌ای از عناصر نمادین و تمثال‌ها آشکار می‌گردند، تحقق می‌یابد. «تفسیر» «من» نویسنده بر اساس شعر منظوم ولیمیر خلبنیکوف شاعر عصر نقره‌ای («پسر آسیا» همانگونه که او خود را می‌نامید) تحت عنوان «قرآن بهاری» از طریق تفسیر و تأویل مفاهیم مرتبط با ریشه‌ها و انگیزه‌های نویسنده در استفاده از تمثال‌های نمادین مشخص از قبیل تمثال‌های دینی یا اسطوره‌ای اسلامی و مسیحی انجام می‌گیرد. «من» خلبنیکوف در اثر «قرآن بهاری» جهان‌بینی و اعتقادات درونی نویسنده را به خوبی نشان می‌دهد، به‌ویژه جستجوی حقیقت از طریق معرفت و پذیرش مفاهیم دینی و ایمان به عدل الهی. از اینجا می‌توان دریافت که «من» نویسنده شیوه هنری و ادبی واحد نویسنده در جستجوی حقیقت و بیان آنها و برابری تمثال‌های ادبی و خود نویسنده است. موضع مؤلف مقاله از طریق تفسیر تمثال‌های مشابه هم و نمادهای روحانی، درخت تبریزی، تور ماهیگیری، شاخ، ماهی، ستون، آسمان، رنگ سبز و آبی و غیره به اثبات می‌رسد.

واژگان کلیدی: «من» نویسنده، آنالیز مفهومی، رویکرد فرهنگی-زبانی، متن منظوم، نماد.

تفسیر و تأویل ویژگی‌های سبکی و ادبی مؤلف در آثار غنایی ک.د. بالمونت

آندری نیکالایویچ بیزروکوف^۱

دانشیار دانشگاه دولتی باشقیرستان، شعبه بیرسک،

بیرسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: مارس ۲۰۱۸)

شناسایی ویژگی‌های سبکی و ادبی مؤلف در تحلیل زبان‌شناختی متون ادبی امری بسیار پیچیده و سخت است. در مقاله حاضر به بررسی و تحلیل زبانی اشعار غنایی کنستانتین بالمونت بر پایه اصول زیباشناختی، ساختارگرایی و نظریه هرمنوتیک پرداخته می‌شود. پژوهش حاضر ویژگی‌ها و خصوصیات ریتمیک و اوزان آثار منظوم ک.د. بالمونت بر پایه واکاوی خصوصیات طبع ادبی و شعری شاعر را مورد مطالعه قرار می‌دهد. تحلیل و مطالعه اشعار شاعر نشان داده است که ک.د. بالمونت از عناوین زبان شعر به عنوان ابزاری مؤثر برای بیان مفاهیم شعری خود بهره‌می‌گیرد. لذا ارتباط میان شاعر و مخاطب هم در محدوده سیستم زبانی و هم تفسیر و تأویل درون‌مایه متن شکل می‌گیرد. از طرف دیگر نتایج حاصل از پژوهش حاضر حاکی از آن است که ویژگی‌های خاص سبک ادبی اشعار ک.د. بالمونت و تنوع و غنای آنها بیشتر بعد آوایی، ریتمیک، ملودیک و واج‌آرایی دارد.

واژگان کلیدی: کنستانتین بالمونت، تفسیر و تأویل متن، سبک شعر، زبان شعر، ملودی، ریتم، بار معنایی متن، گفتمان ادبی.

آثار ادبی د.ای. فانویزین در فرهنگ روسیه دوره کاترین دوم (مسائل و چشم‌انداز مطالعات)

تاتیانا آکساندرونا آلپاتووا^۱

دانشیار دانشگاه دولتی استان مسکو،

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۱۷)

مقاله به تحلیل دیدگاه‌ها و نظریات مختلف در مطالعه آثار ادبی د.ای. فانویزین که در مطالعات و پژوهش‌های ادبی روسیه و کشورهای خارجی بالغ بر دو سده است به عنوان نویسنده برجسته و تأثیرگذار در ژانر کمدی ادبیات سده هجدهم شناخته شده است، می‌پردازد. موضوع کامل بودن آثار ادبی فانویزین در تفسیر و تأویل آنها در مدرسه و دانشگاه مطرح می‌شود. بر همین اساس پژوهش حاضر در ایجاد ارتباط نظام‌مند آثار کمدی فانویزین با آثار حفظ شده دیگر او و نوع متون آثار ادبی عصر کاترین به نتایج مهمی دست یافته است. در مقاله به موضوع جهت‌گیری‌های ارزشی آثار ادبی د.ای. فانویزین توجه ویژه‌ای شده است. این موضوع برای نخستین بار در «پیام به خادمانم...» (سال‌های ۶۰-۷۰ سده هجدهم) مطرح شده و سپس در آثار درام و آثار منثور و مقالات نویسنده مورد بررسی قرار گرفته است. فلسفه هنری و ادبی فانویزین از بحران روحی و روانی هم‌عصران در درک ارزش‌های اخلاقی که انسانها می‌توانند از آنها در شکل‌گیری شخصیت خود بهره‌گیرند نشأت می‌گیرد. پاره‌ای از این ارزش‌ها عبارتند از: هویت ملی، تعلیم و تربیت، خانه و خانواده. این ارزش‌ها و هنجارها در نهایت به معنای کسب استقلال درونی است که رسیدن به آنها مهمترین هدف درباریان عصر کاترین به حساب می‌آمد.

واژگان کلیدی: د.ای. فانویزین، کلاسیسیزم، ژانر کمدی، آثار منظوم، عصر کاترین.

1. E-mail: ta.alpatova@mgou.ru

پژوهش با حمایت مالی ر ف ای در چارچوب طرح علمی- پژوهشی به شماره ۱۸-۰۰۱-۰۰۰۰۱ با عنوان: «کاترین دوم: شخصیت، آثار، دوره تاریخی. فرهنگ دایرة المعارف» انجام گرفته است.

بررسی رابطه احساسات و جنسیت در رمان «قهرمان عصر ما» میخائیل لرمانتف

ورائیکا ایگورونا آبرامووا^۱

دانشیار دانشگاه دولتی تربیت‌معلم لف تالستوی تولا،

تولا، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: فوریه ۲۰۱۸)

در مقاله حاضر به بررسی احساسات و عواطف نشان داده‌شده در شخصیت قهرمانان رمان «قهرمان عصر ما» م.یو. لرمانتف پرداخته می‌شود. مؤلف به بررسی و تحلیل بخش‌هایی از متن اثر ادبی که در آن احساسات و عواطف شخصیت‌های زنان و مردان نشان داده شده است و توصیف شده است می‌پردازد. مثال‌ها و مصداق‌های موضوع مورد بررسی در این مقاله به صورت جدول ارائه شده‌اند. مؤلف عواطف و احساساتی چون: شادی، غم، تعجب، کینه، کنجکاوی، نفرت، شرم، حس گناه و ترس را مورد بررسی قرار می‌دهد. مؤلف به این نتیجه می‌رسد که احساسات و عواطف بیان شده در اثر «قهرمان عصر ما» عمدتاً ویژگی‌هایی دارند که از مردسالاری نشأت می‌گیرند. در این اثر قهرمانان مرد عواطف و احساسات بیشتری دارند، و بیشتر از قهرمانان زن از عبارات و جملات عاطفی استفاده می‌کنند. مؤلف علت این مسئله را در مرد بودن نویسنده این اثر ادبی می‌داند. دلیل دیگر آن می‌تواند نوع توصیف و روایت در اثر ادبی باشد که در دفتر خاطرات پیچورین وجود دارد.

واژگان کلیدی: احساسات و عواطف، اسم، توصیف، بیان، نمود جنسیتی.

نگاهی به نقش فرایندهای اشتقاقی در ساختار گروه‌های غیر تاکسونومیک واحدهای واژگانی در زبان روسی

زینایدا آندره‌یونا خاریتانچیک^۱

استاد دانشگاه دولتی زبان‌شناسی مینسک،

مینسک، بلاروس.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: فوریه ۲۰۱۸)

در مقاله حاضر به بررسی گروه‌های مختلف واحدهای واژگانی که در نتیجه فرایندهای اشتقاق واژه‌ساختی اعم از واژه‌سازی اشتقاقی و واژه‌سازی معنایی تولید می‌شوند، پرداخته می‌شود و اهداف و خاستگاه اینگونه واژه‌سازی اشتقاقی مورد بررسی قرار می‌گیرد. واحدهای واژگانی مورد مطالعه ویژگی‌های معنایی و دستوری گوناگونی دارند و به گروه‌ها و زیرمجموعه‌های مختلف منطقی تعلق دارند. از طرف دیگر، این واحدهای زبانی در کاربردهای استعاری و یا واژه‌ساختی به علت شباهت‌های ظاهری، شکل، مکان، رنگ و ویژگی‌های دیگر به لحاظ معنایی قرابت پیدا می‌کنند و زیرگروه‌های غیر تاکسونومیک را تشکیل می‌دهند که متفاوت با تاکسونومی‌های معنایی متداول است. در پژوهش حاضر گروه‌های مختلف غیر تاکسونومیک مورد بررسی قرار می‌گیرند.

واژگان کلیدی: واژه‌ها، تاکسونومی، زیرگروه غیر تاکسونومی، واژه‌سازی، واژه‌سازی معنایی، فضای همگرای نظری.

تمثال‌های انجیل در اشعار سمبلیسم: روش‌شناسی آنالیز و تحلیل (بر اساس تمثال روز قیامت در آثار م. والوشین)

تاتیانا الکساندرنا کاشمچوک^۱

استاد گروه زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی کشاورزی سن‌پترزبورگ،

سن‌پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: سپتامبر ۲۰۱۷)

در مقاله حاضر به بررسی ویژگی‌های تغییر و تحول تمثال‌های انجیل در آثار سمبلیسم، که به صورت آگاهانه وارد مفاهیم الهیات شده است، پرداخته می‌شود. در این مقاله توجه ویژه‌ای به آثار م. والوشین به عنوان شاعر خالق اسطوره شده است. تمثال ادیان بزرگ دنیا – روز قیامت – مورد بررسی قرار می‌گیرد که بر اساس آن روش‌شناسی و مراحل آنالیز تمثال سنت در آثار شاعر سده نقره‌ای مورد مطالعه قرار می‌گیرند. هدف از آنها جلوگیری از خطاها و اشتباهات در فهم، درک، تفسیر و شناسایی پدیده‌های جدیدی است که شاعر به آنها در نظریات خود در نتیجه تحول تمثال‌ها می‌رسد. در مقاله حاضر به این مهم اشاره می‌شود که چگونه توضیحات اولیه، و مجموعه‌ای از اطلاعات پیرامون تمثال مورد آنالیز به دو بخش: اصلی و نزدیک به طرز تفکر والوشین؛ و فرعی تقسیم می‌شود. در بخش اول به تحول شناخته شده جدید تمثال که پیش از این وجود نداشت اشاره می‌شود. علاوه بر آن تفاسیر کاذبی نیز وجود دارند که با توجه به بطن کلی موضوع در آثار شاعر نمایان می‌گردد. در پایان دانش و معرفت جدیدی که شاعر ارائه می‌دهد، مورد بررسی قرار می‌گیرد.

واژگان کلیدی: شعر در سده نقره‌ای، سمبلیسم، سنت، تفسیر، روز قیامت.

آموزش کاربردهای گوناگون ترکیبات فعل و اسم برای دانشجویان خارجی

تاتیانا گریگاریوونا آرکادیووا^۱

استاد گروه زبان روسی به عنوان زبان خارجی دانشگاه دولتی علوم تربیتی آی.ای. گرتسن روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.

مارینا ایوانوونا واسیلیووا؛ سوتلانا سیمونوونا ولادیمیرووا؛ نادژدا سرگئی یونا فیدوتاوا؛ تاتیانا

گرمانونا شاری

دانشیاران گروه زبان روسی به عنوان زبان خارجی دانشگاه دولتی علوم تربیتی آی.ای. گرتسن روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۱۷)

مقاله حاضر به مطالعه ضرورت و اهمیت آموزش کاربردهای مهم ترکیبات فعل-اسم برای دانشجویان خارجی می‌پردازد. این امر در یادگیری زبان بسیار میسر است چرا که نه تنها در فراگیری بافت و ساختار زبانی برای زبان‌آموزان خارجی کمک می‌کند، بلکه آنها را به‌خوبی با ویژگی‌های ابزارهای زبانی برای بیان مفاهیم گوناگون آشنا می‌کند. ترکیبات فعل و اسم در بافت و ساختار زبان روسی به عنوان نظام زبانی از جهت ساختار واژه‌ساختی، معنایی و کاربردهای آنها مقوله زبانی-دستوری کاملاً متفاوتی هستند. ترکیبات فعل و اسم کاربردهای گسترده‌ای در زمینه‌های مختلف زبانی دارند، لذا آنها را می‌توان در سطوح مختلف زبانی همچون: آوایی، واژه‌شناختی، عبارات و اصطلاحات و دستوری مورد بررسی و مطالعه قرار داد. در مقاله حاضر مؤلفان به اهمیت فراگیری تسلط دانشجویان خارجی بر توانایی تشخیص ترکیبات فعل-اسم آزاد، پایدار، و کنایه‌ای و فراگیری تفاوت‌های آنها توجه ویژه‌ای دارند. برای رسیدن به این هدف مؤلفان تمرینات مختلفی را مورد بررسی قرار می‌دهند که این تمرینات در جلسات درس با دانشجویان خارجی مورد آزمایش قرار گرفته‌اند. در مقاله حاضر تأکید بسیار زیادی بر اهمیت تمرینات مربوط به ترکیبات فعل-اسم در سطح مبتدی آموزش زبان روسی و تمرینات زبانی با محوریت ایجاد ارتباط کلامی در سطح پیشرفته می‌گردد. این رویکرد در آموزش زبان خارجی کاملاً مؤثر و مفید است چرا که قدرت تحلیل مطالب آموزشی را توسط زبان‌آموزان خارجی افزایش می‌دهد.

واژگان کلیدی: ترکیبات فعل-اسم، تمرینات زبانی، تمرینات ارتباط کلامی، زبان روسی به عنوان زبان خارجی، یادگیری زبان.

چکیده‌های فارسی

مفهوم وطن در فرهنگ زبانی روسی و بلغاری

والیتینا نیکولوا اورامووا^۱

استاد دانشگاه پیسکوپ کانستانتین پرسلافسکی شومن،
شومن، بلغارستان.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۱۷؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۱۸)

مقاله حاضر به بررسی مفهوم میهن و وطن در فرهنگ زبانی روسی و بلغاری می‌پردازد. بطور خلاصه ماهیت «مفهوم فرهنگی» به عنوان اصطلاح ارائه شده از طرف مؤلف مورد بررسی قرار می‌گیرد. در این پژوهش مؤلف به شناسایی و بررسی اشتراکات و تفاوت‌های کاربرد واحدهای زبانی مورد بررسی که در درک و آکاوی بیشتر فنومن‌های ملی، آشکار کردن هر چه بیشتر تصویر ساختار زبانی، و درک و فهم عمیق‌تر خصوصیات و ویژگی‌های فرهنگ‌های مختلف کمک شایانی می‌کند، توجه ویژه‌ای دارد. در مقاله به بررسی معانی گوناگون اشاره شده در فرهنگ‌های لغت تفسیری، کلمات مترادف و فرهنگ‌های لغت ریشه‌یاب، متون منظوم و منثور و آثار فولکلور (ضرب‌المثل‌ها و اصطلاحات) پیرامون موضوع تحقیق پرداخته می‌شود. همچنین نظرات اندیشمندان برجسته در این حوزه نیز آورده شده است. از طرفی در این مقاله عوامل و پدیده‌های فرازبانی که این پدیده زبانی را بوجود آورده و آن را در زبان متداول کرده‌اند، مورد مطالعه قرار گرفته‌اند. در پژوهش حاضر از روش‌های عمومی همچون روش‌های توصیفی، منطقی، مقایسه‌ای و تطبیقی بهره گرفته شده است. از روش دیگری نیز به عنوان روش تحقیق تکمیلی به منظور مطالعه همه‌جانبه تمام معانی و مفاهیم موجود برای واحد زبانی - فرهنگی مورد مطالعه استفاده شده است. نتایج پژوهش اشتراکات و تفاوت‌های موجود در مفاهیم و معانی واحد زبانی مورد مطالعه در دو فرهنگ زبانی روسی و بلغاری را نشان داده‌اند.

واژگان کلیدی: مفهوم فرهنگی، وطن، میهن، زادگاه، کشور زادگاه، سرزمین مادری.

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۲۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۶۰۳۷۹۹۱۱۸۱۸۶۵۶۸۸ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3>	
نام و نام خانوادگی / مؤسسه:		
شغل / نوع فعالیت:	میزان تحصیلات:	
نشانی:		
تلفن:		
کد پستی:	صندوق پستی:	
شماره‌های درخواستی از شماره	تا شماره	تعداد
درخواستی از هر شماره:	تاریخ:	
امضاء		

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ / مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آکساندرونا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیریچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک‌یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی
نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی
(دو فصلنامه علمی-پژوهشی)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والنتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمد رضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مه‌بود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۳۴۵-۲۴۹۸

شاپا الکترونیکی: ۲۴۷۶-۳۵۰۰

بها: ۱۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- ۱۱ مفهوم وطن در فرهنگ زبانی روسی و بلغاری
آموزش کاربردهای گوناگون ترکیبات فعل و اسم برای دانشجویان خارجی
والیتینا نیکولوا اورامووا
تاتیانا گریگاریونا آرکادیوا؛ مارینا ایوانونا واسیلیوا؛ سوتلانا سیمیونونا ولادیمیرووا؛
۲۷ نادژدا سرگئی یونا فیدوتاوا؛ تاتیانا گرمونونا شاری
تمثال‌های انجیل در اشعار سمبلیسم: روش‌شناسی آنالیز و تحلیل (بر اساس تمثال روز قیامت در
آثار م. والوشین)
۴۵ تاتیانا الکساندرنا کاشمچوک
نگاهی به نقش فرایندهای اشتقاقی در ساختار گروه‌های غیر تاکسونومیک واحدهای واژگانی در
زبان روسی
۶۵ زیناییدا آندره‌یونا خاریتانچیک
بررسی رابطه احساسات و جنسیت در رمان «قهرمان عصر ما» میخائیل لرمانتف
۸۱ ورنیکا ایگورنا آبرامووا
آثار ادبی د.ای. فانویزین در فرهنگ روسیه دوره کاترین دوم (مسائل و چشم‌انداز مطالعات)
۱۰۱ تاتیانا آلکساندرنا آلهاتووا
تفسیر و تأویل ویژگی‌های سبکی و ادبی مؤلف در آثار غنائی ک.د. بالمونت
۱۱۵ آندری نیکالایویچ بیزروکوف
۱۳۹ آنالیز مفهومی متن منظوم به عنوان «کشف» «من» نویسنده
سرگئی الکسییویچ ولکف
۱۵۹ آموزش نگارش آکادمیک روسی به دانشجویان خارجی
ورا سرگئی یونا فیدوتاوا
جملات بدون شخص روسی دارای فاعل واقعی در حالت مفعول مستقیم با بیان معنای وضعیت
جسمانی شخص و موجود زنده در آیین زبان فارسی
۱۷۹ آبتین گلکار؛ محمدرضا محمدی؛ محبوبه علیاری شوره‌دلی؛ مجید استیری
۱۹۷ کرونولوپ در داستان‌های کوتاه اولیتسکایا
معصومه معتمدنیا
بررسی کاربرد اسامی خاص به عنوان کلمات خطاب در زبان روسی در مقایسه با معادل‌های آنها در
زبان فارسی
۲۱۵ رضوان حسن‌زاده